

Рик Янси
МОНСТРОЛОГ

Дневники смерти

18+

Рик Янси

**Монстролог. Дневники
смерти (сборник)**

«АСТ»

Янси Р.

Монстролог. Дневники смерти (сборник) / Р. Янси — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-107354-1

Таинственный монстролог доктор Уортроп и его ученик, сирота Уилл Генри, охотятся на чудовищ, разгадывают тайны, терзающие человечество, и приближаются к ответу на самые важные вопросы – что же такое настоящий монстр? Кого считать чудовищем? Зачем инфернальные создания приходят в наш мир? Кем мы были до встречи с ними? И кем станем после?..

ISBN 978-5-17-107354-1

© Янси Р.

© АСТ

Содержание

Монстролог	6
Пролог	6
Дневник 1. Ученик	9
Часть первая. «Из чистого любопытства»	9
Часть вторая. «Его услуги мне необходимы»	17
Часть третья. «Кажется, я должен пересмотреть первоначальную гипотезу»	27
Часть четвертая. «Время работает против нас»	37
Часть пятая. «Порой мне очень одиноко...»	49
Часть шестая. «Откуда столько мух?»	56
Дневник 2. Residua[1]	80
Часть седьмая. «Ты предал меня»	80
Часть восьмая. «Я – ученый»	93
Часть девятая. «Я должен кое-что показать вам»	106
Часть десятая. «Лучше его никто не справится»	110
Дневник 3. Бойня	122
Часть одиннадцатая. «Теперь у нас нет выбора»	122
Часть двенадцатая. «Кормушка»	141
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Рик Янси

Монстролог. Дневники смерти

The Monstrumologist © Rick Yancey, 2009

The Curse of the Wendigo © Rick Yancey, 2010

The Isle of Blood © Rick Yancey, 2011

The Final Descent © Rick Yancey, 2013

Монстролог © А. Яковлева, перевод на русский язык, 2014

Проклятие Вендиго © С. Меринов, перевод на русский язык, 2014

Кровавый остров © М. Моррис, перевод на русский язык, 2015

Ступени, ведущие в бездну © Н. Екимова, перевод на русский язык, 2016

© «Издательство АСТ», 2018

* * *

Антропофаги – самые жестокие, беспощадные и свирепые представители монстров. Они не признают никаких правил управления, не подчиняются никаким известным законам. У них свой язык, и единственные из всех этих народов они – людоеды.

Геродот «История» (440 г. до н. э.)

Мон-стро-ло-ги-я (сущ.)

1. Изучение злых и опасных по отношению к человеку форм жизни, которые не признаются официальной наукой как реально существующие, особенно если являются персонажами мифов или фольклора.

2. Процесс охоты на вышеозначенных существ.

«Говорят, что Блиммии не имеют головы, а их рты и глаза расположены у них на груди».

Плиний Старший

«Естественная история» (75 г. н. э.)

Монстролог

Пролог

Июнь, 2007

Директор Бюро регистрации, жизнеобеспечения и похорон был невысоким человеком, с румянцем на щеках и темными, глубоко посаженными глазами, а его высокий лоб обрамлял густой ореол пышных белокурых волос, редющих ближе к затылку, – светлые вихры вздымались, словно волны над розоватым островом лысой макушки. Его рукопожатие было уверенным и сильным, хотя не слишком уверенным и не слишком сильным: он привык пожимать и артритные пальцы.

– Спасибо, что пришли, – сказал он. Он выпустил мою руку, обхватил толстыми пальцами мой локоть и повел меня вдоль пустого коридора к своему офису.

– А где все? – спросил я.

– Завтрак, – ответил он.

Его офис находился в дальнем конце помещения – захламленная комната, ужас клаустрофобика. Почти все пространство занимал рабочий стол из красного дерева со сломанной передней ножкой, которую кто-то попытался сделать устойчивее, подложив под нее книгу. На полу лежал потертый, некогда белый ковер. Стол был завален высокими покосившимися пачками бумаги, картонных папок, газет и журналов и книгами типа «Наследование земельной собственности» или «Как сказать “прощай” тем, кого любишь». Позади кожаного кресла на подставке стояла фотография в рамке. На ней была изображена пожилая женщина. Она смотрела в объектив так хмуро, словно говорила: «Как ты смеешь фотографировать меня?!» Я решил, что это жена директора.

Он опустился в кресло и спросил:

– Ну, как, продвигается книга?

– Она уже вышла, – ответил я. – Месяц назад.

Я достал один экземпляр из портфеля и протянул директору. Он что-то пробормотал, пролистал несколько страниц, поджал губы, сдвинул густые брови над темными глазами.

– Что ж, рад, что и я внес свою лепту, – сказал он и протянул мне книгу обратно. Я сказал, что он может оставить ее себе. Книга на несколько минут зависла между нами, пока он судорожно искал взглядом на столе стопку, на которой эта книга имела бы шанс удержаться хотя бы ненадолго. В итоге она исчезла в ящике стола.

С директором мы познакомились год назад. В то время я исследовал вторую книгу в серии Альфреда Кроппа. Там в кульминационный момент герой оказывается в Дьявольской дыре, колодце глубиной в пятьсот футов, расположенном в северо-западной части города. Меня интересовали народные легенды и сказания об этом месте, а директор оказался так любезен, что познакомил меня с несколькими старожилками, которые родились и выросли именно там и знали рассказы об этих мифических «адовых вратах». Теперь на этом месте располагался государственный парк, – видимо, нечистый отступил, узрев такое количество туристов, палаток и путешественников.

– Спасибо, – сказал директор. – Я прочту и дам почитать остальным.

Я ждал, что еще он скажет; я прибыл сюда по его приглашению. Он неловко заерзал в кресле.

– Вы сказали по телефону, что хотите мне кое-что показать, – мягко подтолкнул я его к разговору.

– Ах, да!

Казалось, он испытал облегчение от того, что я первым затронул тему, и теперь быстро заговорил:

– Когда мы нашли это среди его имущества, вы были первым человеком, о котором я подумал. Меня словно осенило – это точно будет по вашей части.

– Что нашли? Среди чьего имущества?

– Уилла Генри. Уильяма Джеймса Генри. Он отошел в мир иной в прошлый четверг. Наш самый старый житель. Не думаю, что вы с ним встречались.

Я отрицательно помотал головой.

– Сколько ему было лет?

– Ну, мы не вполне уверены. Он был нищим – ни документов, ни живых родственников. Но он утверждал, что родился в тысяча восемьсот семьдесят шестом.

Я уставился на него, открыв рот.

– Это значит, ему был сто тридцать один год?!

– Нелепо, да, я понимаю, – сказал директор. – Мы считаем, что ему было за девяносто.

– И что вы там у него нашли, что заставило вас вспомнить обо мне?

Он открыл ящик стола и вытащил пачку из тринадцати толстых тетрадей, перетянутую коричневой бечевкой. Однотонные кожаные обложки выцвели до кремового оттенка.

– Он никогда ни с кем не разговаривал, – сказал директор, нервно теребя бечевку. – Только назвал нам свое имя и год рождения. Казалось, он очень гордился и тем, и другим. «Меня зовут Уильям Джеймс Генри, и я родился в год Господа нашего тысяча восемьсот семьдесят шестой!» – провозгласил он, помнится, так, чтобы его услышали все – и те, кому было до этого дело, и те, кому нет. Но что касается всего остального – откуда он родом, каких кровей, как он попал в дренажную штольню, где он был обнаружен, – молчание. Слабоумие в последней стадии, сказал мне врач, и, разумеется, у меня не было оснований сомневаться в этом... пока мы не нашли вот это, завернутое в полотенце, у него под кроватью.

Я взял пачку тетрадей у директора из рук.

– Дневник? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Не смущайтесь. Откройте ту, что сверху, и прочтите первую страницу.

Я так и сделал. Почерк был необычайно аккуратным, хотя и мелким – почерк человека, учившегося в традиционной школе, где программа обучения включала в себя уроки чистописания и каллиграфии. Я прочел первую страницу, потом вторую, затем еще пять. Открыл одну наугад. Прочел ее дважды. Читая, я слышал, как тяжело дышит директор, прямо-таки пыхтит и фыркает, как лошадь после быстрого забега.

– Ну, как? – спросил он.

– Понимаю, почему вы подумали обо мне, – ответил я.

– Разумеется, вы должны вернуть их мне, когда закончите.

– Разумеется.

– Закон требует от меня хранить его имущество на случай, маловероятный, впрочем, если кто-то из родственников будет претендовать. Мы разместили объявление в газете и отправили все надлежащие запросы, но такого рода вещи случаются, боюсь, слишком часто. Человек умирает – и нет никого на свете, кто претендовал бы на его имущество.

– Грустно.

Я открыл наугад другую тетрадь.

– Я не все их читал – у меня просто нет времени, – но мне чрезвычайно любопытно будет узнать, что там. Возможно, это – ключи к его прошлому: кем он был, откуда – все такое. Может, поможете нам найти родственников. Хотя из того небольшого, что я прочел, я понял, что это скорее всего не дневник, а вымысел – роман, может быть. Беллетристика.

Я согласился, что, вероятно, почти все это придумано – судя по тем страницам, что я прочел.

– Почти?! – спросил он, как мне показалось, радостно и смущенно. – Ну, я думаю, всякое на свете бывает, хотя некоторые вещи значительно более вероятны, чем другие!

Я забрал тетради домой и положил их на письменный стол, где они пролежали нетронутыми почти полгода – всё руки не доходили. Мне надо было в срочном порядке сдавать другую книгу, сроки поджимали, и я просто не в состоянии был заставить себя погрузиться с головой в то, что я считал тогда бессвязным бредом стопроцентного безумца. Звонок от директора, раздавшийся однажды зимой, вынудил меня развязать потертую бечевку на тетрадях и перечитать первые необыкновенные страницы, но дальше этого дело не сильно продвинулось. Почерк был таким мелким, а страниц так много, и исписаны они были с двух сторон, что я просто пробежал глазами первую книгу, отметив, что записи велись на протяжении месяцев, если не лет: цвет чернил, например, поменялся с черного на синий, а потом снова на черный, как будто ручка исписалась или ее потеряли.

И только после Нового года я прочел первые три книги подряд, не отрываясь, за один присест, от первой страницы до последней. Расшифровка вышеупомянутых книг здесь и предлагается, с исправлениями только лишь в правописании и в некоторых архаичных грамматических формах.

Рик Янси

Гэйнесвилль, Флорида

Январь, 2009

Дневник 1. Ученик

Часть первая. «Из чистого любопытства»

Это – тайны, которые я хранил. Это – доверие, которое я ни разу не обманул.

Но теперь он мертв, и мертв уже более сорока лет – тот, кто оказал мне доверие, тот, ради кого я хранил эти тайны.

Тот, кто спас меня... и тот, кто обрек меня на великие мучения.

Я не помню, что ел сегодня на завтрак, но помню со страшной отчетливостью ту весеннюю ночь 1888-го, когда он выдернул меня из сна, грубо тряся за плечо. Его волосы были всклокочены, глаза широко распахнуты. Они сияли в свете лампы, а точеные черты лица озаарило то возбужденное выражение, с которым я, к сожалению, был уже хорошо знаком.

– Вставай! Вставай, Уилл Генри, да поторапливайся! – шипел он. – У нас посетитель!

– Посетитель? – пробормотал я в ответ. – А сколько сейчас времени?

– Начало второго. Давай одевайся, встретимся у заднего входа. Пошевеливайся, Уилл Генри, поднимайся!

Он вышел из моего алькова – маленькой комнатки на чердаке, – забрав с собой лампу. Я оделся в темноте и помчался вниз по лестнице в носках, натягивая на ходу мягкую шапочку. Для моей двенадцатилетней головы она была слишком маленькой, но я ей очень дорожил, потому что это было единственное, что осталось у меня от прошлой жизни.

Он зажег весь свет в коридоре на втором этаже, хотя только одна лампа горела на первом, в кухне, в глубине старого дома, где жили лишь мы вдвоем, даже без прислуги, которая могла бы следить и убирать за нами. Врач – профессия интимная, дело темное и опасное. Он не может позволить любопытным глазам и болтливым языкам вторгаться в свою частную жизнь, а с прислугой куда ты от этого денешься? Так что когда грязь и пыль в доме едва уже не лезли наружу (примерно раз в три месяца), он совал мне в руки тряпку с ведром и командовал: «Пошевеливайся, Уилл Генри, пока мы совсем не заросли грязью!»

Сейчас я шел на свет из кухни, совершенно позабыв в спешке надеть ботинки. С тех пор как я год назад поселился у Доктора, я привык к ночным посетителям. К Доктору вообще чаще приходили ночью, а не утром. Дневных посетителей я вообще как-то не припомню. И приходили к нему не жизнерадостные жители окрестностей. Дело его, как я уже сказал, было опасным и темным. Такими же, в целом, были и люди, которые к нему обращались.

Человек, который пришел сегодня ночью, стоял прямо за задней дверью – долговязый, неуклюжий и тощий. Его тень, словно призрак в лунном свете, падала на блестящий булыжник мостовой. Лицо было прикрыто широким краем соломенной шляпы, но я видел скрюченные суставы пальцев, торчащие из потрепанных рукавов ветхой одежды, и желтые лодыжки, которые выступали из потертых брюк, а на них – шишки размером с яблоко. За спиной старика переминалась с ноги на ногу и фыркала лошадь, точнее, остов лошади, и пар поднимался из ее подрагивающих ноздрей. Позади лошади, едва различимая в тумане, стояла телега с каким-то очень странным грузом, завернутым в несколько слоев мешковины.

Когда я подошел к двери, Доктор тихо разговаривал со стариком, успокаивающе положив руку тому на плечо, потому что ясно было, что старик с ума сходит от страха. Он правильно поступил, уверял его Доктор. Теперь всю ответственность берет на себя он, Доктор. Все будет хорошо. Бедняга кивал, и его большая голова под соломенной шляпой казалась еще больше на тонкой и длинной шее.

– Это преступление. Преступление против природы! – воскликнул старик в какой-то момент. – Мне не надо было забирать это. Мне надо было зарыть все обратно и оставить на милость Божию!

– Я не теолог, Эразмус, – сказал Доктор. – Я – ученый. Но разве не сказано, что мы – орудие в руках Его? И если так, то Бог привел тебя к ней, а вместе с ней – к моему порогу.

– Так вы не донесете на меня? – спросил старик, пугливо косясь на Доктора.

– Я надежно сохраняю твою тайну, так же, как и ты, надеюсь, сохранишь мою. А, вот и ты, Уилл Генри! Уилл Генри, где твои ботинки? Нет, нет, – сказал он, как только я рванул было за ними, – ты нужен мне без промедления. Приготовь лабораторию.

– Да, Доктор, – бодро ответил я и снова повернулся, чтобы бежать.

– И поставь чайник. Ночь предстоит долгая.

– Слушаюсь, сэр, – сказал я. И повернулся в третий раз.

– И найди мои сапоги, Уилл Генри.

– Обязательно, сэр.

Я в сомнении замер, ожидая четвертую команду. Старик по имени Эразмус смотрел на меня во все глаза.

– Ну, чего ты еще ждешь? – прикрикнул Доктор. – Пошевеливайся, Уилл Генри!

– Да, сэр, – сказал я. – Уже бегу.

Я оставил их одних, но я слышал, пробегая через кухню, как старик спрашивает: «Это ваш слуга?»

– Он – мой ассистент.

Я поставил воду на огонь, чтобы вскипятить, а сам отправился вниз, в подвал. Там я зажег лампы, разложил инструменты (я не был уверен, какие именно инструменты понадобятся, но у меня было сильное предчувствие, что то, что принес старик, – уже не живое). Из старой телеги не доносилось никаких звуков, и, судя по всему, никто не спешил как можно скорее доставить ношу в лабораторию... хотя, возможно, в моем предчувствии было больше надежды, чем подозрений. Я вынул из шкафа белый медицинский халат Доктора и полез рукой под лестницу, шаря там в поисках его резиновых сапог. Но их там не было. На секунду я замер перед лабораторным столом; меня окатил холодный пот. Я же мыл их неделю назад! И был уверен, что поставил потом под лестницу. Где же сапоги Доктора?! Из кухни сверху донеслись звуки шагов. Он уже идет сюда, а я потерял его сапоги!

Я нашел их в тот самый миг, как Доктор и Эразмус Грей начали спускаться вниз по ступенькам. Сапоги были под рабочим столом – там, где я их и оставил. Почему я положил их туда? Я быстро разместил сапоги у табуретки и замер в ожидании. Сердце мое билось в горле, дыхание было частым и прерывистым. В подвале было очень холодно, на десять градусов как минимум холоднее, чем в остальной части дома. Так было всегда, круглый год.

Их ноша, туго завернутая в мешковину, должно быть, была очень тяжелой: мышцы на их шеях выступили буграми от напряжения, и спускались они болезненно медленно. Один раз старик взмолился о передышке. Они остановились в пяти ступенях от пола, и я заметил, что Доктора раздражает такое промедление. Он горел нетерпением поскорее развернуть «новинку».

Они уложили ношу на медицинский стол. Доктор подвел старика к табурету. Тот опустился, снял соломенную шляпу и вытер лоб какой-то грязной тряпкой. Он хмурился, его немилосердно трясло. При свете я разглядел, что он был весь грязный и потертый, от покрытых комьями земли сапог, которые явно не мылись неделями, до обломанных ногтей и глубоких черных морщин на спекшемся старом лице. Я почувствовал исходящий от него густой суглинистый запах мокрой земли.

– Преступление, – пробормотал он. – Преступление!

– Да, грабить могилы – это преступление, – сказал Доктор. – Серьезное преступление, Эразмус. Штраф в тысячу долларов и пять лет каторжных работ.

Он надел рабочий халат и потянулся за сапогами. Облокотился о перила, чтобы натянуть их.

– Мы теперь в одной упряжке. Я должен доверять тебе, а ты, в свою очередь, должен доверять мне. Уилл Генри, где мой чай?

Я рванул вверх по лестнице. Внизу старик продолжал говорить:

– Я должен кормить семью. Моя жена, она очень больна; ей нужны лекарства. Я не могу найти работу, а что толку мертвым от золота и драгоценностей?

Они оставили заднюю дверь дома приоткрытой. Я захлопнул ее и накинул крючок, но не раньше, чем осмотрел переулок. Я ничего не увидел, кроме тумана, который сгустился еще больше, и лошади, чьи огромные глаза выделялись на тощей морде и, казалось, молили меня о помощи.

Пока я готовил чай, я слышал голоса, то громкий, то тихий. Эразмус говорил с истеричными тонкими нотами, Доктор отвечал ему ровно и спокойно, но за этим спокойствием я чувствовал скрытое нетерпение, вызванное, вне всякого сомнения, желанием как можно скорее развернуть страшный сверток, привезенный стариком.

Ноги без ботинок очень замерзли, но я изо всех сил старался этого не замечать. Я поставил на поднос сахар, сливки и две чашки – хотя Доктор и не просил о второй, я подумал, что старику неплохо было бы успокоить расшалившиеся нервы и выпить горячего после того, что он пережил.

– ...копал, как вдруг земля подо мной сама обвалилась, – рассказывал старый расхититель могил, как раз когда я спускался по лестнице с подносом в руках. – Как будто я докопался до пустоты, до какой-то дырки в земле. Я шмякнулся лицом прямо о крышку гроба. И то ли я ее пробил головой, то ли ее сломал... сломало это... до того, как я упал.

– Крышку сломал не ты, это точно, – сказал Доктор.

С момента моего ухода в лаборатории ничего не изменилось: Доктор все так же стоял, опершись о перила, а старик сидел, трясясь, на табурете. Я поднес ему чашку чаю, и он с благодарностью принял к ней.

– О, меня до сих пор холод пробирает до костей! – простонал он.

– Да, весна нынче холодная, – заметил Доктор.

Мне бросилось в глаза, что его томит присутствие старика. Он жаждал немедленно начать действовать.

– Я не мог просто взять и оставить это там, – объяснял старик. – Просто прикрыть обратно и бросить? Нет, нет. Во мне все же больше уважения. Во мне есть страх Божий. И страх перед Вечным Судом! Преступление, Доктор! Отвратительное, гадкое преступление! Так что как только я собрался с духом, я с помощью лошади и веревки вытащил их из ямы, завернул... и привез сюда.

– Ты правильно поступил, Эразмус.

«Есть только один человек, который знает, что с этим делать, – подумал я. – Простите меня, но вы, конечно, знаете, что говорят про вас и про невероятные вещи, происходящие в этом доме. Только глухой не слышал о Пеллиноре Уортропе и доме на Харрингтон-лейн!»

– Тогда мне просто повезло, что ты не глухой, – сухо сказал Доктор.

Он подошел к старику и положил обе руки ему на плечи:

– Даю тебе слово, что буду молчать обо всем этом, Эразмус Грей. И, надеюсь, ты тоже. Я никому не расскажу о твоей причастности к этому «преступлению», как ты его называешь, и я уверен, ты будешь держать рот на замке относительно меня. Теперь возьми вот это – тебе на нужды...

Доктор достал из кармана несколько купюр и вложил их в руку старика.

– Не хочу, чтобы ты подумал, будто я тебяставляю, но каждая минута, проведенная здесь тобою, ставит под угрозу твою жизнь и мою работу. И то, и другое важно для меня, хотя

одно, возможно, немного важнее другого, – добавил он с натянутой улыбкой и обернулся ко мне: – Уилл Генри, проводи нашего гостя до дверей.

Он снова посмотрел на Эразмуса Грея:

– Сэр, вы оказали неоценимую услугу науке.

Казалось, старика больше заинтересовал денежный эквивалент неоценимой услуги, так как он, открыв рот, во все глаза рассматривал деньги, вложенные в его все еще дрожащие руки. Доктор Уорттроп помог ему подняться на ноги и настойчиво подвел к лестнице, одновременно напоминая мне не забыть запереть заднюю дверь и найти свои ботинки.

– И не возись там долго, Уилл Генри. У нас тут работы на всю ночь. Пошевеливайся!

Старый Эразмус Грей еще потоптался на пороге, положив грязную руку мне на плечо, а другой крепко сжимая потертую соломенную шляпу. Его слезящиеся глаза вглядывались в туман, теперь уже полностью поглотивший и лошадь, и телегу. Только лошадиное фырканье да тихий стук копыт о булыжник свидетельствовали о том, что животное все еще ждет.

– Зачем ты здесь, мальчик? – спросил старик неожиданно, сжав мое плечо. – Не детское это дело.

– Мои родители погибли при пожаре, сэр, – ответил я. – Доктор взял меня к себе.

– Доктор, – эхом повторил Эразмус. – Все называют его так, но что именно он за доктор?

Доктор абсурдного и нелепого, мог бы ответить я. Доктор необъяснимого и странного. Доктор невыразимого. Вместо этого я выдал ему тот же ответ, который сам получил от Доктора вскоре после того, как стал жить в доме на Харрингтон-лейн.

– Философии, – сказал я не очень уверенно.

– Философии! – воскликнул старик приглушенно. – Не так бы я это назвал, уж точно – не так.

Он нахлобучил шляпу на голову и побрел в тумане, пока тот не поглотил его.

Несколькими минутами позже я спускался вниз по лестнице в подвал, в лабораторию. Я уже запер дверь и нашел ботинки, после нескольких минут лихорадочных поисков обнаружив их ровно там, где и оставил прошлым вечером. Доктор тем временем ждал меня у подножия лестницы, нетерпеливо барабанил пальцами по перилам. По всему было видно, что «пошевеливался» я, по его меркам, плохо. Что до меня, то я не слишком стремился приступить к предстоящим делам. Уже не в первый раз кто-нибудь подкатывал к задней двери нашего дома среди ночи с жутким грузом, хотя сегодняшний, надо признать, был самым громоздким за все время моего проживания у Доктора.

– Ты запер двери? – спросил он.

Я снова отметил лихорадочный румянец на его скулах, слегка прерывистое дыхание, едва заметную дрожь в голосе. Я ответил, что да, запер. Он кивнул.

– Если то, что он говорит, правда, Уилл Генри, если меня не одурачили (что случилось бы не в первый раз), то это потрясающая находка. Идем же!

Мы заняли свои места: Доктор – у стола, на котором лежал огромный сверток в заляпанной грязью мешковине, я – позади и немного справа от него, у столика на колесах, на котором расположились инструменты. Карандаш и записная книжка также были наготове. Рука у меня немного тряслась, когда я писал число наверху страницы – 15 апреля 1888 года.

Доктор натянул перчатки, и они звонко хлопнули на запястьях. Потопал сапогами по холодному мраморному полу. Надел маску на лицо, оставив открытыми лишь переносицу и темные глаза с напряженным взглядом.

– Уилл Генри, мы готовы приступить? – выдохнул он; звук его голоса приглушала маска. Он пошевелил пальцами в воздухе.

– Готовы, сэр, – ответил я, хотя чувствовал все, что угодно, кроме готовности приступить.

– Ножницы!

Я поспешно вложил инструмент кольцами вперед в подставленную ладонь.

– Нет, не эти. Большие, Уилл Генри, вон те.

Он начал разрезать сверток с узкого конца – с того, где должны были располагаться ступни, – продвигаясь выше, вспарывая толстую ткань. Плечи его ссутулились, челюсти сжались. Один раз он остановился, чтобы разогнуть и размять сведенные судорогой пальцы, потом снова продолжил. Ткань была мокрой и пропитанной грязью.

– Старик скрутил его потуже рождественской индейки, – пробормотал Доктор.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем он достиг противоположного конца. Сверток раскрылся на дюйм-другой вдоль линии разреза, но не больше. Содержимое оставалось тайной, и оставалось ею еще несколько секунд. Доктор протянул мне обратно ножницы и облокотился о стол, делая передышку перед приближающимся ужасным финалом. Наконец, он выпрямился и потянулся, приложив ладони к пояснице. Он сделал глубокий вдох.

– Что ж, очень хорошо, – сказал он мягко. – Давай уже посмотрим, Уилл Генри.

Он стал потихоньку сдвигать ткань, работая в том же направлении, в каком делал надрез. Мешковина раскрылась и упала по обе стороны стола неровными складками, словно лепестки цветка распустились, приветствуя весеннее солнце.

И вот, встав на цыпочки, выглядывая из-за согнутой спины Доктора, я увидел их. Не его, не огромный раздувшийся труп, который я ожидал увидеть, а именно их. Два тела – одно, обвитое вокруг другого в омерзительном объятии. Я сглотнул желчь, подступившую из моего пустого желудка к горлу, и приказал коленям не дрожать. Помните: мне было двенадцать лет. Мальчик, да. Но мальчик, который уже достаточно странностей и мерзостей повидал на своем веку. В лаборатории вдоль стен шли полки, на которых стояли большие медицинские банки, а в них в специальном растворе плавали непонятные предметы, конечности и органы, которые вы бы никогда не узнали и которые уверенно отнесли бы к миру ужасов и кошмарных сновидений. Невозможно было представить, что они – из нашего уютного и реального, такого узнаваемого мира. К тому же, как я уже говорил, я не впервые ассистировал Доктору у этого стола.

Однако ничто не могло подготовить меня к тому, что я увидел той ночью, – к тому, что привез нам старик. Возьму на себя смелость утверждать, что любой обычный взрослый человек, увидев это, вылетел бы из лаборатории, вопя от ужаса, кинулся бы вверх по лестнице и пустился бы бежать – прочь, прочь из этого дома! Потому что то, что оказалось внутри кокона из мешковины, налагало позор на все банальные, избитые фразы и обещания, которые все время произносят проповедники с тысячи кафедр, – о природе справедливого и любящего Творца, о гармоничной и доброй Вселенной, о высоком происхождении Человека. Преступление, так назвал это старый расхититель могил. Вот уж и вправду лучшего слова было бы не подобрать, хотя для преступления необходимо наличие преступника... а кто или что являлось преступником в данном случае?

На столе лежала юная девушка. Ее тело было частично скрыто обнаженным существом, обвитым вокруг нее. Одна массивная нога была перекинута через ее торс; рука закрывала наискось ее грудь. Ее белое погребальное платье было покрыто характерными пятнами цвета охры – пятнами запекшейся крови. И откуда текла эта кровь, тут же стало очевидно: половина лица у нее отсутствовала, а под тем местом, где оно раньше было, я увидел обнаженные кости ее шеи. Оставшаяся кожа свисала по краям лоскутьями треугольной формы, как будто кто-то кромсал тело топором.

Другой труп был мужской, больше ее по меньшей мере раза в два. Он обвивал ее миниатюрную фигурку, словно мать, баюкающая младенца. Его грудная клетка была в нескольких дюймах от ее разорванной шеи, остальная часть туловища плотно прижата к ней. Но самым ужасающим был не размер и даже не сам поразительный факт наличия этого мужского трупа.

Нет, самым поразительным в этой поразительнейшей из сцен было то, что у него не было головы.

– Антропофаг, – пробормотал Доктор. Его глаза расширились и теперь сверкали поверх маски. – Это должно быть... но как это возможно?! Это уму непостижимо, Уилл Генри. Достаточно странно уже то, что он мертв. Но еще более невероятно, и это главное, что он вообще здесь!.. Особь мужского пола, возраст приблизительно двадцать пять – тридцать пять лет, признаков наружных повреждений или травм нет... Уилл Генри, ты записываешь?

Он уставился на меня, я в ответ уставился на него. Зловоние смерти уже заполнило комнату, из-за этого запаха глаза у меня заслезились. Доктор указал на забытую мной записную книжку, которую я зажал в руке.

– Сосредоточься на текущей работе, Уилл Генри.

Я кивнул и вытер слезы тыльной стороной ладони. Я прижал заточенный конец карандаша к бумаге и начал писать под проставленной датой.

– Экземпляр представляет собой биологический вид под названием Антропофаг, – повторил Доктор. – Особь мужского пола, возраст приблизительно двадцать пять – тридцать пять лет, признаков наружных повреждений или травм нет...

Сосредоточившись на задании записывать каждое слово Доктора, я немного успокоился, хотя ощущал нездоровое искушение, тянущее меня вновь посмотреть на стол, – словно откатывающаяся волна, затягивающая пловца обратно в море, когда он хочет выйти из воды. Я покусывал кончик карандаша, изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на правописании слова «Антропофаг».

– Жертва – женщина, приблизительно семнадцати лет, с ярко выраженной рваной раной на правой стороне лица и шее. Гиоидная кость и нижняя челюсть полностью уничтожены. Остались видны следы зубов особи...

Зубов? Но у этого... у него же нет головы! Я оторвался от блокнота. Доктор Уортроп стоял, согнувшись над трупами, неожиданно закрыв мне обзор. Что это за существо, которое может кусать, не имея рта, которым кусают? И вот именно на границе с этим вопросом в моем сознании произошел переворот. Меня осенило: это существо ее ело.

Доктор быстро перешел к противоположной стороне стола, открыв мне полный обзор «особи» и его жалкой жертвы. Это была хрупкая девушка с темными волосами, рассыпавшимися сейчас по столу роскошными завитками.

Доктор нагнулся над останками и, прищурившись, посмотрел сначала на грудь зверя, прижатую к жертве, затем на тело девушки, чей вечный покой был нарушен безобразным, противоестественным объятием пришельца из мира теней и кошмаров.

– Да! – воскликнул он тихо. – Определенно Антропофаг. Щипцы, Уилл Генри, и поддон, пожалуйста... нет, вон тот маленький, рядом с долотом для черепа. Да, вот этот.

Каким-то образом я нашел в себе силы сдвинуться с места, хотя колени у меня страшно дрожали, и я в буквальном смысле не чувствовал своих ног. Я старался смотреть только на Доктора и изо всех сил сдерживал то и дело подкатывающие рвотные позывы. Я передал ему щипцы и протянул поддон; руки у меня тряслись, я пытался подольше не вдыхать, так как вонь от гниющей плоти обжигала мне рот и оседала слоем в горле, подобно ожогу.

Доктор Уортроп полез щипцами в грудную клетку чудища. Я услышал, как металл наткнулся на что-то твердое – сломанное ребро? Неужели это существо тоже отчасти пострадало? И если так, то где монстр, что проделал с ним это?

– Очень любопытно, очень любопытно, – сказал Доктор; голос его приглушала маска. – На первый взгляд, никаких наружных следов травмы, но, однако, он мертв, как дверной гвоздь... Что убило тебя, Антропофаг, а? Каким образом настигла тебя твоя судьба?

По мере того как он говорил, Доктор стряхивал тонкие лоскутки плоти с щипцов в металлический поддон. Они были темными и волокнистыми, как вяленое мясо; к одной-двум нитям пристали кусочки белой ткани, и я вдруг понял, что он кидает в поддон вовсе не плоть монстра, это была плоть с лица и шеи девушки.

Я посмотрел вниз между своих протянутых рук туда, где работал Доктор, и увидел, что он очищает не сломанное ребро. Он чистил зубы монстра.

Комната вокруг меня начала вращаться. Доктор заговорил успокаивающим, тихим голосом:

– Держись, Уилл Генри. Ты не поможешь мне, если потеряешь сознание. Этой ночью мы исполняем свой долг. Мы на посту. Мы – студенты природы, так же как и ее продукт, все мы, включая и это создание. Рожденные одним и тем же Божественным разумом, если ты веришь в такое, потому что как же иначе? Мы солдаты науки, и мы исполним свой долг. Да, Уилл Генри? Да, Уилл Генри?

– Да, Доктор, – икнул я. – Да, сэр.

– Молодец!

Он бросил щипцы в металлический поддон. Пальцы его перчаток были в крови и ошметках кожи.

– Принеси мне долото.

Я с облегчением вернулся к столику с инструментами. Однако, прежде чем принести долото, я попытался набраться, как истинный солдат науки, решимости для следующей атаки.

Хотя у Антропофага и не было головы, у него имелась пасть. Или зубы. Их концы были, как у акулы, и сами зубы были подобны акульим: треугольные, зазубренные, молочно-белые. Они располагались рядами, которые шли к центру пасти из темной глубины горла.

Сама пасть находилась прямо под гигантской мускулистой грудью, в пространстве между пахом и грудной клеткой. У монстра не было носа (я, по крайней мере, его не видел), а вот слепым он при жизни не был: его глаза (из которых, должен признаться, мне удалось увидеть только один) были расположены на плечах, по обе стороны пасти. Глаза были абсолютно черные. Век на них не было.

– Пошевеливайся, Уилл Генри! – поторопил Доктор. Видимо, я набирался решимости слишком долго. – Подкати столик с инструментами ближе; ты вымотаешься весь, бегая туда-сюда.

Когда столик и я оказались поставлены так, как Доктору было удобно, он потянулся к телам, а я вложил долото в его ладонь. Он просунул инструмент на несколько дюймов в пасть монстра и дернул вверх, используя долото как лапчатый лом, чтобы пошире разомкнуть челюсти чудища.

– Щипцы!

Я вложил ему в свободную руку щипцы. Я стоял и смотрел, как они погружаются в клыкастую пасть... все глубже и глубже... пока вся рука Доктора не исчезла. Мышцы его плеча напряглись – он вращал запястьем там, внутри, исследуя щипцами заднюю часть глотки монстра. Капельки пота выступили у него на лбу. Я промокнул его несколько раз сухой марлей.

– Он сообразил бы вырыть себе дырку для воздуха, чтоб дышать, – так что он не задохнулся, тут что-то другое, – бормотал Доктор. – Ни видимых ран... ни деформаций... ни поверхностных признаков травмы... Ага!

Его рука замерла. Плечо дернулось, пытаясь вытащить щипцы.

– Крепко застряло. Мне понадобятся обе руки. Возьмись за долото, Уилл Генри, и держи его изо всех сил – если надо, то и двумя руками, вот так. Главное, не дай ему соскользнуть сейчас, а то пасть захлопнется, и я лишусь обеих рук. Да, вот так. Молодец. Э-эх!!!

Он дернул щипцы и отлетел от стола, едва не упав, но сохранил баланс с помощью левой руки. Правой он сжимал щипцы, а в щипцах – спутанную нить жемчужных бус, покрытых розовыми пятнами крови.

Крепко встав на ноги, монстролог поднял высоко вверх добычу, полученную им с таким трудом.

– Я знал! – воскликнул он. – Вот они, виновники смерти Антропофага, Уилл Генри. Должно быть, он сорвал бусы с ее шеи в приступе бешенства, и они застряли у него в глотке. Он подавился ими насмерть!

Я выпустил из рук долото, отошел от стола и уставился на алые бусы, свисающие с руки Доктора. Они были матовыми от запекшейся и еще свежей крови, и я почувствовал, что сам воздух вокруг меня загустел, отказываясь полностью заполнить легкие. Колени у меня подогнулись, и я опустился на табурет, изо всех сил пытаясь дышать. Доктор по-прежнему не обращал внимания на то, в каком я состоянии. Он бросил бусы в поддон и потребовал подать ножницы. Да ну его, подумал я. Пусть сам ищет свои ножницы. Он повторил просьбу, все еще стоя спиной ко мне, протягивая руку с окровавленными пальцами, сжимая их и разжимая. Я поднялся с табурета, прерывисто вздохнул и вложил ножницы в его руку.

– Из чистого любопытства, – пробормотал он, разрезая на девушке погребальное платье сверху вниз. – Антропофаги – не местные жители Америки... Северная и Восточная Африка, Каролинские острова, но не здесь. Здесь их никогда не было!

Осторожно, почти нежно, он отделил ткань, обнажая идеальную алебастровую кожу девушки.

Доктор Уорттроп прижал конец стетоскопа к ее животу и стал сосредоточенно вслушиваться, продвигая инструмент к ее груди, потом снова вниз, вокруг пупка, пока, вернувшись к тому месту, с которого начал, он не остановился, закрыв глаза, едва дыша. Так, замерши, простоял он несколько секунд. Тишина была оглушающая.

Наконец он вытащил стетоскоп из ушей:

– Как я и подозревал.

Он указал на рабочий стол:

– Подай банку, Уилл Генри. Одну из самых больших.

Он велел мне открыть крышку и поставить открытую банку на пол рядом с ним.

– Держи крышку наготове, Уилл Генри, – скомандовал он. – Мы должны действовать очень быстро. Скальпель!

Он склонился над работой. Признаться ли мне, что я отвернулся? Что я не мог позволить своему взгляду задержаться на этом блестящем лезвии, вспарывающем ее безупречную плоть? Потому что, каким бы сильным ни было мое желание порадовать Доктора, произвести на него впечатление своей безупречной выдержкой истинного солдата науки, ничто не могло заставить меня смотреть на то, что произошло дальше.

– По природе своей Антропофаги не питаются падалью, – сказал Доктор. – Они предпочитают свежую добычу, но бывают стимулы посильнее голода, Уилл Генри. Самка Антропофага может зачать, но не может выносить зародыш... у нее отсутствует утроба, видишь ли, так как это место в ее анатомии отдано другому, более жизненно важному органу – ее мозгу... Так, заberi скальпель.

Я услышал тихий хлюпающий звук – это он погрузил свой кулак в надрез в животе. Его правое плечо вращалось по мере того, как его пальцы исследовали пространство внутри девушки.

– Но природа находчива, Уилл Генри, и непревзойденно безжалостна... оплодотворенное яйцо перекладывается в рот самца Антропофага, где оно хранится в «мешочке», расположенном вдоль его нижней челюсти. В течение двух месяцев его задачей является найти приют детенышу, прежде чем защитный «мешочек» лопнет и самец проглотит зародыш или подавится им насмерть.

Тело Доктора напряглось и на миг замерло. Затем одним безупречным движением он выдернул из раскрытой раны в животе корчащееся извивающееся нечто – сплошь зубы и плоть, кукольный вариант чудовища, обвитого вокруг девушки. Оно находилось внутри молочно-белого пузыря, который тут же лопнул, стоило существо, оказавшемуся в руках Доктора, сде-

лать сильный толчок. Вонючая жидкость брызнула во все стороны, промочив Доктору халат и залив его резиновые сапоги. Доктор едва удерживал существо в руках на уровне груди и чуть не выронил: оно извивалось и молотило крошечными руками и ногами, пыталось цапнуть ртом, полным мелких, остро заточенных зубов, и шипело, и плевалось.

– Банку! – крикнул он.

Я подтолкнул банку прямо к его ногам. Он бросил существо внутрь, и меня не понудило торопить, чтобы я тут же захлопнул крышку.

– Закручивай крышку плотнее, Уилл Генри! – сказал Доктор, тяжело дыша.

Крошечный Антропофаг плевался и бился о стенки банки, забрызгивая стекло околоплодной жидкостью, когти-иглы царапались и скреблись, а рот в центре груди бешено открывался и закрывался, словно у рыбы, выброшенной на сушу. Его тонкие вопли ужаса и боли доносились даже сквозь толстое стекло – это были дерущие душу, нечеловеческие звуки, которые я обречен слышать до последнего дня своей жизни.

Доктор Уортроп поднял банку с пола и поставил на скамью. Он обмакнул кусок ваты в смесь галотана со спиртом, бросил его в банку и плотно закрутил крышку. Маленький монстр набросился на белый комок, разрывая его своими крошечными зубами на мелкие кусочки и заглатывая их. Его агрессия ускорила эффект эвтаназии: меньше чем через пять минут нечестивое отродье было уже мертво.

Часть вторая. «Его услуги мне необходимы»

Прервавшись всего лишь дважды: один раз – чтобы выпить чашку чая около трех часов ночи и один – чтобы облегчиться около четырех часов, монстролог работал всю ночь и большую часть следующего дня, хотя уже не с таким поспешным остервенением, с каким он извлекал омерзительную тварь, разраставшуюся внутри труп девушки.

– По истечении полного срока, – объяснял он мне сухим, лекторским голосом, и этот официальный тон как-то смягчал ужас того, о чем он говорил, – набравший силу зародыш Антропофага вырывается из околоплодной среды и немедленно начинает кормиться телом, приютившим его, – до тех пор, пока не останется ничего, кроме костей. Но и их он просверливает с помощью иглоподобных зубов – чтобы высосать богатый питательными веществами костный мозг. В отличие от Homo Sapiens, Уилл Генри, зубы у Антропофагов развиваются в первую очередь – раньше, чем все остальное.

Тем временем мы не без усилий разделили два тела. Монстр всадил в жертву абсолютно все свои двухдюймовые ногти до основания. Доктор вытаскивал каждый негнувшийся палец по одному, используя долото как лом.

– Обрати внимание, как заточены его ногти, – подчеркнул он, – как крюк для охоты на кита или передние лапки жука-богомолы. Потрогай кончик, Уилл Генри, – осторожно! Он острый, как шприц, и твердый, как алмаз. Жители тех мест, где обитают Антропофаги, используют их ногти в качестве иголок и наконечников для стрел.

Он снял, наконец, тяжелую лапу с груди девушки.

– Они могут быть крупнее обычного человека на полтора фута. Смотри, какая у него ладонь.

Доктор положил свою ладонь на лапу монстра, запястье к запястью. Рука Доктора выглядела как детская ладошка, приложенная ко взрослой.

– Подобно льву, он использует когти и привычный вид атаки, но, в отличие от других млекопитающих хищников, он не стремится убить добычу, прежде чем съесть ее. Скорее, подобно акуле или насекомому, Антропофаг предпочитает живую плоть.

От нас обоих потребовалось большое усилие, чтобы отцепить ноги существа от девушки. Немного запыхавшись, Доктор сказал:

– У них самые большие среди приматов ахиллесовы сухожилия, которые дают им возможность передвигаться огромными прыжками, вплоть до сорока футов... обрати внимание на тяжелую мускулатуру трицепсов и четырехглавой мышцы... осторожнее сейчас, Уилл Генри, или он скатится на нас.

Доктор отправил меня освободить место на рабочем столе. Уортроп взялся за плечи монстра, я – за ноги, и вместе мы высвободили труп девушки. Она была такой легкой – весила не больше птички. Доктор сложил ей руки на груди и прикрыл плащом ее оскверненный торс.

– Подготовь чистую простыню, Уилл Генри, – скомандовал он и затем укрыл ее. Мы постояли немного над прикрытым теперь телом. Ни он, ни я не разговаривали.

Наконец, он вздохнул:

– Ладно, теперь она освободилась от этого. Если здесь уместно слово «милосердие», Уилл Генри, то я скажу: одно хорошо – она не страдала. Она не страдала...

Он хлопнул в ладоши и повернулся; его меланхолия рассеялась на глазах, как только он направился к лабораторному столу, сгорая от нетерпения продолжить знакомство с Антропофагом. Мы передвинули его в центр стола и перевернули на спину. Черные глаза без век на плечах монстра, его многочисленные острые клыки в глубокой распахнутой пасти – все это больше всего напоминало акулу. Кожа у него тоже была бледной, словно брюхо акулы, и я впервые заметил, что это чудище – совершенно безволосое, что усиливало кошмарное сходство.

– Как и львы, Антропофаги – ночные охотники и способны видеть в темноте, – сказал Доктор, словно читая мои мысли. – Вот откуда слишком большие глаза и полное отсутствие меланина в верхних кожных покровах. Так же, как пантеры, львы, дикие собаки и волки, эти твари – общинные охотники.

– Общинные, сэр?

– Они охотятся стаями.

Он пощелкал пальцами – этот жест означал, что ему нужен новый скальпель.

Началось настоящее глубокое вскрытие. Пока он кромсал чудище, я был занят тем, что писал под его диктовку или подавал инструменты. Я метался от стола к шкафу и обратно к столу, заполнял пустые банки для образцов формальдегидом, в который Доктор погружал органы. Вот он достал один глаз, за ним потянулась перекрученная веревочка нерва. Затем Уортроп вскрыл грудную клетку, как раз прямо над плотоядно распахнутым ртом, используя распорки для ребер, чтобы влезть руками в образовавшееся отверстие и извлечь печень, селезенку, сердце и легкие – серовато-белые и продолговатые, словно спущенные футбольные мячи. Все это время он не прекращал свою лекцию, прерываясь время от времени, чтобы продиктовать измерения и описать состояние некоторых органов.

– Нехватка фолликул, любопытно. Это еще не описано в научной литературе... размер глаза девять и семь сантиметра на семь и три... возможно, это объясняется их естественной средой обитания... Они не эволюционируют в умеренном климате.

Он сделал надрез, погрузил обе руки в образовавшуюся щель и вытащил наружу мозг. Он был меньше, чем я ожидал, размером с апельсин. Доктор положил его на весы, и я сделал запись в маленьком блокноте.

«Ну, – подумал я, – по крайней мере, хоть это хорошо. С таким маленьким мозгом они, вероятно, не так уж умны».

И снова, словно он был способен читать мои мысли, Доктор сказал:

– Сознание у них развито на уровне двухлетнего ребенка, Уилл Генри. Что-то между приматом и шимпанзе. Хотя у них нет языка, они могут общаться с помощью хрюканья, мычания и жестов, чем очень напоминают своих собратьев – приматов, хотя общаются они с куда менее добрыми намерениями.

Я подавил зевок. Нет, мне не было скучно; я просто валился с ног от усталости. Солнце давно уже встало, но в этой комнате без окон, пропитанной смертью и кислотным зловонием химикатов, все еще стояла бесконечная ночь.

Доктор, однако, не выказывал никаких признаков усталости. Я уже видел его и раньше в таком состоянии, когда его охватывала лихорадка работы. Он очень мало ел, спал еще меньше, вся сила и мощь его способности концентрироваться, вся суть его существа, его интеллект, который превосходил умственные способности и знания всех встреченных мной когда-либо людей, – все было направлено на ту задачу, которую он сейчас решал. Бывало, проходили дни, неделя, две недели – а он не брился, не принимал ванну. Он не мог выкроить даже минуты, чтобы причесаться или сменить рубашку, пока, от нехватки пищи и сна, он не начинал напоминать одного из своих исследуемых чудищ: красные глаза, глубоко запавшие в почерневшие круги глазниц, лицо пепельного цвета, одежда, неровно обвисшая на истощенном каркасе тела. Но неизбежно, как ночь сменяет день, огонь его страсти испепелял его сознание и тело, и он, бывало, падал в кровать замертво, словно сраженный тропической лихорадкой, безразличный, болезненно реагирующий на все, – и тем дольше и мучительнее была его депрессия, чем интенсивнее было вдохновение, предшествовавшее ей. Весь день и глубоко за полночь я то и дело носился вверх-вниз по лестнице, таская ему поесть, попить, еще одно одеяло... Я выставлял за порог посетителей («Доктор болен и пока никого не принимает»). Я часами просиживал у его постели, слушая, как он оплакивает свою судьбу: он работает впустую. Пройдет сто лет, прежде чем хоть кто-то вспомнит его имя, осознает его достижения, восхвалит его труды. Я пытался, как мог, утешить его, уверяя, что придет день, когда его имя будут произносить наравне с именем Дарвина. Но эти детские попытки поддержать его часто презрительно прерывались словами: «Да ты же еще мальчишка. Что ты вообще понимаешь?» – отвечал он, отворачивая от меня голову на подушке. В другое время он, бывало, брал меня за руку, притягивал к себе, заглядывал глубоко в глаза и напряженно шептал, пугая меня: «Ты! Ты, Уилл Генри – вот кто обязан продолжить мое дело. У меня нет семьи и никогда не будет. Ты должен стать памятью обо мне, моей памятью! Ты должен взять на себя груз моего наследия! Обещай, что все это не напрасно?! Ну?!»

И, разумеется, я обещал ему. Потому что это было правдой: я – все, что у него было.

Мне всегда было интересно, а приходило ли в голову ему – этому человеку, о котором возможно было сказать, что другого более неистово, ужасно и волнующе поглощенного своими мыслями и интересами больше нет на свете, – что и обратное тоже было правдой. Он – все, что было у меня.

Его выздоровление порой длилось неделю, иногда две, а потом что-нибудь случалось, приходила телеграмма, или газета, или книга почтой с информацией о новейших открытиях, или среди ночи появлялся важный посетитель, и все вновь шло по кругу. Искра поджигала легко воспламеняющееся вещество. «За дело, Уилл Генри! – кричал он. – У нас много работы!»

Искра, залетевшая в наши двери с появлением Эразмуса Грея тем туманным апрельским утром, к полудню разожгла огонь, раскаляющий добела. После того как все органы Антропофага были вынуты, изучены, занесены в каталог и разложены по банкам для сохранения; после того как все замеры были сделаны; после долгих часов диктовки и лекции о происхождении чудища («Наш друг, должно быть, альфа-самец, Уилл Генри. Только он имеет привилегию размножаться») – после всего этого надо было еще закончить работу. Инструменты должны быть вымыты, пол натерт со щелоком, а каждая поверхность простерилизована до белизны. Наконец, ближе к вечеру, не в силах больше ни минуты держаться на ногах, я опустился на нижнюю ступеньку лестницы – мне было уже плевать, станет ли Доктор бранить меня за праздность. Но тут я вдруг увидел, что он вернулся к телу девушки, откинул простыню и стал накладывать шов на разрез в ее желудке. Он пощелкал пальцами, даже не глядя в мою сторону:

– Принеси-ка жемчуг, Уилл Генри.

Я поднялся и, шатаясь от усталости, подал ему поддон, в котором лежало жемчужное ожерелье. Уже несколько часов оно отмокало в спирту; большая часть крови смылась, окрасив жидкость в довольно приятный розовый цвет. Доктор стряхнул остатки растворителя, расстегнул застёжку и бережно уложил переливающуюся белую нить вокруг того, что осталось от шеи девушки.

– Что тут скажешь, Уилл Генри? – пробормотал он, пристально глядя на останки грустными глазами. – Все то, что когда-то смеялось, плакало и мечтало, становится кормом для скота. Судьба привела к ней Антропофага, но если бы не он, то, несомненно, червь, этот не менее прожорливый и алчный зверь, добрался бы до нее. Есть монстры, которые ждут всех нас по нашему возвращении в землю, куда денешься?

Он накинул простыню на лицо девушки и отвернулся.

– У нас не так много времени. Где есть один монстр, там и другие. Антропофаги не особенно плодовиты, у них рождается один-два отпрыска в год. Тем не менее мы не знаем, сколько уже времени они, никем не замеченные, живут здесь, на Новой Земле. Безотносительно того, каково их истинное число, где-то в окрестностях Нового Иерусалима живет размножающееся племя этих людоедов. И его необходимо найти и искоренить – в противном случае они нас погубят.

– Да, сэр, – пробормотал я в ответ. Я почти не чувствовал своей головы, ноги и руки отяжелели, а лицо Доктора расплывалось перед глазами.

– В чем дело? – негодуя спросил он. – Что с тобой? Уж не собрался ли ты упасть в обморок, Уилл Генри?

– Никак нет, сэр, – помотал я головой и рухнул на пол.

Он сгреб меня в охапку и понес на руках вверх по лестнице, через кухню, озаренную нежным светом весеннего солнца, на второй этаж, а там поднял по маленькой лесенке на мой чердак, где положил меня на кровать поверх одеяла, не потрудившись даже стянуть с меня измазанную кровью одежду. Однако он снял с меня шапку и повесил ее на крючок на стене. Вид этой поношенной шапочки, жалко и одиноко повисшей на крючке, стал для меня последней каплей. В этой шапке воплощалось все, что я потерял в жизни. Разочаровать Доктора, показать, что у меня не хватает силы духа и мужества, – об этом мне даже помыслить было страшно. Я сломался на ерунде: на контрасте нереального ужаса последних часов и вида своей шапки и воспоминаний, связанных с ней.

Я разрыдался, свернувшись калачиком, всхлипывая и держась за живот, а Доктор стоял надо мной, не выказывая ни малейшего намека на сочувствие или утешение. Он просто рассматривал меня с таким же напряженным любопытством, с каким только что рассматривал самца Антропофага.

– Ты, должно быть, скучаешь по родителям? – спросил он тихо.

Я кивнул, не в силах говорить от рыданий, выворачивающих внутренности. Он кивнул: гипотеза подтвердилась.

– Я тоже, Уилл Генри, – сказал он. – Я тоже.

Доктор был весьма искренен. Оба моих родителя были его слугами; моя мама содержала в порядке жилище, а отец, как и я после его смерти, держал в тайне то, что происходило в доме. На их похоронах Доктор положил руку мне на плечо и сказал: «Не знаю, что мне теперь делать, Уилл Генри. Их услуги были так необходимы мне!» Казалось, он забыл, что разговаривает с только что осиротевшим и потерявшим кров ребенка.

Не было бы преувеличением сказать, что мой отец боготворил Доктора Уортропа. И было бы больше, чем преувеличением – нет, чудовищной ложью! – сказать, что так же относилась к Доктору моя мать. Теперь, оглядываясь назад со всем опытом прожитых лет, я хорошо понимаю, что основные трения между родителями были из-за Доктора. Или, скорее, из-за папиной любви и преданности ему. Преданности, которая была сильнее всего остального в его жизни,

даже сильнее супружеских и отцовских чувств. Нет, отец любил нас с мамой, в этом я никогда не сомневался. Просто Доктора он любил больше. И в этом был корень ненависти моей матери к Доктору. Она ревновала. Она чувствовала, что ее предали. И именно ощущение предательства вело к самым яростным ссорам между родителями.

Задолго до той ночи, когда пожар отнял у меня их обоих, я лежал в кровати, не мог заснуть и слушал сквозь тонкие стены своей комнаты в доме на улице Клэри-стрит звуки голосов родителей, нарастающие и разбивающиеся о штукатурку, как штормовые волны о волно-рез. Это была кульминация ссоры, начавшейся давным-давно. Обычно это происходило, когда отец возвращался, опоздав к ужину, – опоздав, потому что Доктор задержал его.

Бывало, что отец не возвращался к ужину вовсе. Бывало, что он не возвращался несколько дней. Когда же, в конце концов, он приходил, а я с воплем восторга кидался к нему в дверях, он переводил взгляд с моих восторженных глаз на мамины – отнюдь не такие счастливые, как у меня, – глуповато улыбался, беспомощно пожимал плечами и говорил: «Я был нужен Доктору».

– А как насчет меня? – восклицала мать. – Как насчет твоего сына? Как насчет того, что нужно нам, Джеймс Генри?

– Я – все, что у него есть, – был решительный ответ.

– А ты – все, что есть у нас. Ты пропадаешь целыми днями, не возвращаешься, не предупреждаешь никого, куда идешь и когда вернешься. А когда, наконец, приползаешь, измотанный и обессиленный, ты даже не удосуживаешься сказать, где ты был и что ты делал.

– Послушай, Мэри, вот этого не надо – не надо на меня давить, – решительно предупреждал ее, бывало, отец. – Есть вещи, которыми я могу поделиться с тобой. Но есть то, о чем я не могу рассказать.

– Можешь поделиться? Что же это такое, интересно, Джеймс Генри? Ты ведь не говоришь мне вообще ничего!

– Говорю то, что могу сказать. А могу я сказать, что Доктор проводит очень серьезные исследования и ему требуется моя помощь.

– А мне не требуется?! Ты ввел меня во грех, Джеймс!

– Грех? О каком грехе ты толкуешь?

– Грех лжи! Соседи спрашивают: «Где твой муж, Мэри Генри?», а я вынуждена лгать – ради тебя, ради него. О, как это унижительно – лгать ради него!

– Так не делай этого. Скажи им правду. Скажи им, что не знаешь, где я.

– Это было бы еще хуже, чем солгать. Что они сказали бы тогда обо мне – жене, которая не знает, где ее муж?

– Не понимаю, почему это должно волновать или уязвлять тебя, Мэри. Если бы не Доктор, что бы у тебя было? Именно ему мы обязаны всем!

Этого она не могла отрицать, так что просто ничего не отвечала.

– Ты не доверяешь мне.

– Да нет же. Я просто не могу предать Доктора.

– У честного человека не должно быть секретов.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, Мэри. Доктор Уортроп – самый честный человек, которого я когда-либо знал. Служить ему – честь для меня.

– Служить ему – в чем?

– В его исследованиях.

– Что это за исследования?

– Он – ученый.

– И что он изучает?

– Некий... биологический феномен.

– И что все это значит? Что за «биологический феномен»? О чем ты говоришь, что это такое? Птицы? Пеллино Уортроп изучает жизнь птиц в природных условиях, Джеймс Генри, а ты держишь для него бинокль?

– Я не буду обсуждать это, Мэри. Я больше ничего не скажу тебе о характере его работы.

– Почему?

– Потому что тебе лучше этого не знать! – Впервые отец повысил голос на мать. – Говорю тебе как на духу, бывает, что я и сам предпочел бы не знать! Я видел такое, чего не видел ни один человек на свете! Я бывал в таких местах, куда сами ангелы не решились бы ступить. И не пытай меня больше, Мэри, потому что ты сама не знаешь, о чем просишь. Будь благодарна за свое неведение и наслаждайся ложью, которой тебе приходится платить за него! Доктор Уортроп – великий человек, делающий великое дело. Я никогда не предаю его, хоть бы сама преисподняя вступила в противоборство со мной.

Вот так обычно все и обрывалось, хотя бы на некоторое время. Обычно – на то время, пока отец укладывал меня спать. Прежде чем присоединиться к матери в гостиной и вновь вступить в противоборство с ее гневом, сравнимым с жаром самой преисподней, отец всегда целовал меня в лоб, гладил по голове, закрывал глаза, пока я читал вечернюю молитву.

Дочитав молитву, я открывал глаза и смотрел, не отрываясь, на доброе лицо отца, в его добрые глаза, уверенный, как все наивные дети, что он всегда будет рядом со мной. Какое трагическое заблуждение!

– Куда ты ходишь, папа? – спрашивал я шепотом. – Я не скажу маме. Я никому не скажу.

– О, я много куда хожу, Уилл, – отвечал он. – Я бывал в очень странных местах, восхитительных, словно сон. Бывал и в менее восхитительных, страшных, как ночной кошмар. Я видел чудеса, которые могут вообразить себе лишь поэты. Но видел и такое, от чего любой взрослый бросился бы прочь, как ребенок, с криком: «Мама!» В мире столько разных вещей. Столько мест...

– Ты возьмешь меня с собой, когда пойдешь туда в следующий раз?

Он улыбался. Грустной, мудрой улыбкой человека, который каким-то образом интуитивно знает, что его удача не беспредельна и что настанет тот день, когда он отправится в свое последнее путешествие.

– Я уже взрослый, – уговаривал я его, когда он не отвечал мне. – Мне одиннадцать лет, папа, почти двенадцать... Я – почти уже мужчина! Я хочу пойти с тобой. Пожалуйста, пожалуйста, возьми меня с собой!

Он гладил меня по щеке. Прикосновение его было теплым и ласковым.

– Может быть, Уилл Генри, однажды возьму. Может быть.

Монстролог оставил меня наедине с моим горем. Он не пошел отдыхать к себе в комнату; я слышал, как он спускается по лестнице, потом скрипнула дверь, ведущая в подвал. Он не собирался ложиться спать. Он все еще был охвачен охотничьим азартом.

Слезы мои иссякли, я больше не всхлипывал. В нескольких футах над моей головой в потолке было окошко, и я видел сквозь него подсвеченные солнцем прозрачные облака, плывущие по ярко-сапфировому небу, словно величавые корабли. В школе мои бывшие одноклассники, должно быть, играют сейчас во дворе в бейсбол. В последний раз замахиваются битой, прежде чем мистер Проктор, учитель, позовет их обратно на послеполуденные уроки. И вот уже звенит звонок, и все орущей радостной толпой несутся к дверям школы, и взрывы смеха сотрясают теплый весенний воздух – единым гомоном счастливых голосов, звучащих в унисон...

Свобода! Свобода! Уроки отменили, день свободен, можно делать все, что угодно! Можно продолжить прерванную посередине игру в бейсбол... Я был невысокого роста для своего возраста и не очень хорошим отбивающим, но я был быстрым. Когда я оставил школу

по личному указанию Доктора Уорттропа, я был самым быстрым в своей команде и мне принадлежало наибольшее количество полученных баз. Тринадцать – вот был мой рекорд.

Я закрыл глаза и увидел, как бегу третьим, скольжу вдоль задней линии площадки, быстро переводя взгляд с питчера на кетчера и обратно, а сердце подпрыгивает в груди, пока я жду броска. Прыжок – рано. Прыжок – опять нет. Питчер сомневается, краем глаза он видит меня. Пошлет ли он мяч третьему? Он ждет, что я побегу. Я жду, что он подаст.

И я все еще выжидаю, как вдруг громкий голос кричит:

– Уилл Генри! Вставай, Уилл Генри!

Я резко проснулся и открыл глаза – какими же тяжелыми казались веки! – и увидел Доктора в дверном проеме моего маленького алькова. В руках он держал лампу, лицо было небрито, волосы всклокочены, одежда на нем была все та же, что была вчера. Лишь через минуту до меня дошло, что он весь, с ног до головы, в крови. Я вскочил в панике, вскрикнув:

– Доктор, вы в порядке?

– О чем ты, Уилл Генри? Естественно, я в порядке. Тебе, наверное, приснился дурной сон. А сейчас пошли. Время идет, а нам еще многое нужно сделать до рассвета!

Он стукнул кулаком по стене, как бы подчеркивая важность сказанного, и, развернувшись, стал спускаться вниз по лестнице. Я торопливо натянул чистую рубашку. Сколько времени, интересно? Над моей головой звезды прожигали хрустальный полог неба, луны не было видно. Я пошарил по стене, нашел свою шапочку на крючке и натянул ее на голову. Как я уже говорил, она слишком плотно обтягивала голову, но каким-то образом это меня успокаивало.

Я нашел Доктора на кухне. Он помешивал в горшочке какую-то жидкость с нездоровым запахом, и только через минуту до меня дошло, что он готовит еду, а не варит кости и мясо Антропофага.

«Возможно, в конце концов, это и не кровь, – подумал я. – Возможно, он готовит мне обед».

Доктор, конечно, был блестящим ученым, но, как у всех гениев, этот блеск имел узконаправленный спектр. Поваром он был отвратительным.

Он налил черпаком ядовитого варева в тарелку и шмякнул ее на стол передо мной.

– Садись, – сказал он, придвигая мне стул. – Ешь. Позже, вероятно, у нас не будет такой возможности.

Я осторожно поводил ложкой по жиже в тарелке. Что-то серо-зеленого цвета всплыло на поверхность густого коричневого бульона. Фасолина? Для горошины вроде великовата.

– А хлеба нет, сэр? – осмелился я спросить.

– Хлеба нет, – бросил он грубовато и сбежал бегом вниз по лестнице в подвал, не сказав больше ни слова.

Я тут же выскочил из-за стола и полез в корзинку на кухонном шкафу. Маленькая булочка примерно недельной давности лежала там, покрываясь плесенью. Я посмотрел вокруг, не увидел второй тарелки и вздохнул. Ну, конечно: сам Доктор не ел. Я вернулся к своему супу из неизвестно чего, проглотил пару ложек варева, запил его стаканом воды и прочитал молитву – не благодарственную, скорее, моля меня уберечь.

– Уилл Генри! – донесся голос Доктора из распахнутой двери в подвал. – Уилл Генри, где ты? Пошевеливайся, Уилл Генри!

Мои молитвы были услышаны. Я бросил ложку в тарелку – она издала хлюпающий звук, соприкоснувшись с вязкой поверхностью супа, – и рванул вниз по ступеням.

Доктора я обнаружил в лаборатории. Он ходил взад-вперед от стола, на котором лежал труп девушки, до большого медицинского стола, теперь свежeweымытого. В панике я стал оглядывать лабораторию, словно мертвое чудовище могло каким-то образом сбежать со стола и прятаться где-то в тени. И вот я увидел Антропофага. Он висел на веревке, подвешенный вниз головой, между скамьей и полками, на которых стояли банки с его органами. Веревка спуска-

лась с потолка и потрескивала под тяжестью туши, а под ней стояла широкая бадья, наполненная черной слякотью с гнилостным запахом. Это была частично свернувшаяся кровь монстра. Вот и объяснение тому, что одежда Доктора была вся в крови. Он выпотрошил Антропофага и отвел ему кровь. Позже он его забальзамирует, завернет в ткань и отправит частным судном в Общество монстрологов в Нью-Йорке, но сейчас монстр висел, как забитый боров в мясной лавке. Его руки с тяжелой мускулатурой свисали по обе стороны бадьи, а концы ногтей скребли по полу, когда веревка медленно покачивалась, поворачиваясь и поскрипывая.

Я отвернулся; оставшийся глаз Антропофага, черный, без века, замороженный смертью в момент последнего пристального взгляда, казалось, смотрит прямо на меня: я видел свое отражение – невысокий такой мальчик – внутри огромного глазного яблока...

С моим появлением в лаборатории Доктор перестал мерить шагами комнату и уставился на меня с открытым ртом, словно его поразило мое внезапное появление. Можно было подумать, что это не он только что громко звал меня спуститься к нему.

– Уилл Генри! – сказал он. – Где ты был все это время?

Я начал было отвечать:

– Ел, сэр, как вы мне и велели...

Но он прервал меня:

– Уилл Генри, кто наш враг?

Глаза его горели, щеки пылали. Все признаки одержимости, о которой я уже рассказывал и свидетелем которой становился дюжину раз, были налицо. Ответ на вопрос, заданный с интонацией, больше похожей на команду, чем на любопытство, был очевиден. Дрожащим пальцем я указал на свешивающегося с потолка Антропофага.

– Чуть! – громко рассмеялся Доктор в ответ. – Вражда – это нормально. В ней нет ничего противоестественного, Уилл Генри. Разве антилопа – враг льва? Разве лоси или коровы испытывают враждебность к волку? Для Антропофагов мы не представляем из себя ничего, кроме одного. Мы для них – мясо. Мы – добыча, а не враги. Нет, Уилл Генри, наш враг – это наш страх. Ослепляющий, безрассудный страх. Страх скрывает от нас истину и искажает восприятие очевидного, такая это отравка. Страх ведет нас к иррациональным предположениям и ложным выводам. Вчера ночью я позволил этому врагу победить меня; страх ослепил меня, и я не разглядел той правды, которая была на поверхности! Мы не в таком уж безвыходном положении, как страх заставил меня поверить.

– Не в таком? – спросил я, хотя мудрости в его рассуждениях мне было не узреть: разве чудище, свисающее с потолка, не противоречит его суждениям?

– Типичное племя Антропофагов состоит из двадцати – двадцати пяти женских особей, способных к зачатию, небольшой горстки детенышей и одного альфа-самца Антропофага!

Доктор ждал, как я отреагирую, глупо усмехаясь; глаза его горели. Когда же он увидел, что я никак не разделяю его облегчение и экзальтацию, он заторопился:

– Разве ты не понимаешь, Уилл Генри? Их не может быть больше двух-трех. Значит, размножающиеся и распространяющиеся Антропофаги вокруг Нового Иерусалима невозможны!

Он снова принялся шагать из угла в угол, проводя пальцами по густым растрепанным волосам, и, по мере того как он говорил, мое присутствие растаяло перед его взором, как тает солнце в осеннем небе.

– Один только факт породил мой страх – страх, вытеснивший из моего сознания все остальное, а это остальное было чрезвычайно важно и просто лежало на поверхности. Да, это факт: типичное племя состоит из приблизительно тридцати чудовищ. Но правда также в том, что Антропофаги – не местные. С того момента как открыли Америку, здесь не было зафиксировано ни одного случая появления данной особи, не найдено ни следов их пребывания, ни их останков. Нет также ни одного подходящего мифа или легенды о них в национальном фольклоре.

Он остановился наконец и посмотрел на меня:

– Теперь ты понимаешь, Уилл Генри?

– Я... Я... Думаю, да, сэр.

– Чушь! – завопил он. – Ясно же, что ты не понял ни слова! И не лги мне, Уилл Генри! Ни мне, ни кому-то другому – никогда не лги! Ложь – самый дурной вид шутовства!

– Да, сэр.

– Мы должны объединить два факта: Антропофаги не местные на этой земле, и они чрезвычайно агрессивны. Растущее племя не осталось бы незамеченным просто потому, что тогда не хватает кое-чего. Чего нам не хватает, Уилл Генри?

Он не стал дожидаться моего ответа, возможно, понимая, что его у меня попросту нет.

– В этом случае нам не хватает жертв. Жертв! Антропофаги должны питаться, чтобы процветать и размножаться. Однако не было ни одного сообщения о нападении, ни одного свидетеля, ни одной жертвы, ни улики, прямых или косвенных. Кроме этого, – он указал пальцем на монстра, подвешенного на крюке, – и вот этого, – он обернулся к прикрытому простыней трупку девушки, лежащему на столе.

– Поэтому я делаю простой вывод, что их здесь не много. Вот видишь, Уилл Генри, как наш враг – страх – делает невозможное возможным, а нелогичное логичным! Да. Мы имеем дело с недавно прибывшими монстрами. Вот этот и, возможно, еще одна или две самки. Самая большая загадка – не то, сколько их, а как они сюда попали. Они – не амфибии, так что приплыть они не могли. У них нет крыльев, значит, они не прилетели... так как же они сюда попали? Вот на этот вопрос мы и должны ответить, Уилл Генри, в заключение сегодняшнего дела. Итак, где список?

– Список, сэр?

– Да, да, список, список, Уилл Генри. Что ты так на меня уставился? Я что, сумасшедший, по-твоему? Или я неясно выражаюсь?

– Я не... Я не видел... Вы не давали мне никакого списка, сэр.

– Нельзя быть рассеянными сейчас, Уилл Генри. Только не сейчас, когда наша рассеянность может стоить нам жизни. Даже одна или две самки Антропофагов очень опасны. У них все почти так же, как у львов, – самки более опасны, чем вялые самцы, которые довольствуются остатками трапезы после того, как самки убивают.

Он схватил листок бумаги, который лежал на груди мертвой девушки.

– Ах да, вот он, Уилл Генри. Там, куда кто-то его и положил.

В голосе его прозвучал некоторый упрек, словно, будь у него время и факты, он без труда доказал бы, что именно я положил туда список. Он протянул мне листок:

– Держи, упакуй побыстрее и положи у задней двери. Да пошевеливайся, Уилл Генри!

Я взял листок. Его почерк был ужасен, но я уже достаточно долго работал у Доктора, чтобы разобрать написанное. Я побежал вверх по лестнице. Начинаясь игра, в которой счет идет на время, – игра по поиску вещей. Именно так можно было назвать то, чем я занялся, потому что насколько Доктор был отвратительным поваром, почти настолько же был он и человеком несобранным. Например, десять минут у меня ушло на то, чтобы найти его револьвер (это был первый предмет в списке), который лежал не на своем обычном месте – в левом ящике стола, – а на полке книжного шкафа, стоящего за ним. И наткнулся я на него, тем не менее, методично находя и собирая другие вещи по списку.

Длинный охотничий нож. Фонари. Мешки для образцов...

Порох. Спички. Палки...

Керосин. Веревка. Медицинская сумка, лопата...

И как я ни старался следовать совету Доктора сосредоточиться только на насущном деле – на предметах из списка и их комплектации, – все же я не мог не догадаться: мы готовимся к вылазке.

И всю дорогу, пока я бегал вверх-вниз по лестнице, из одной комнаты в другую, от одного шкафа к противоположному, перерывая содержимое полок и ящиков, голос Доктора, пронзительный и всепроникающий, доносился снизу:

– Уилл Генри? Уилл Генри, почему ты так долго? Пошевеливайся, Уилл Генри, пошевеливайся!

Когда пробило полночь и я стоял у задней двери, пытаюсь коротенькой веревкой перевязать пучок деревянных кольев, под аккомпанемент непрекращающихся разглагольствований Доктора («Я же не требую от тебя ничего невозможного, Уилл Генри, не так ли? Разве я когда-нибудь требовал от тебя невозможного?»), кто-то поскребся в дверь, что прервало наши сборы, мои попытки и его упреки.

– Доктор! – тихо позвал я, как только он вышел на верхнюю площадку лестницы. – Там кто-то за дверью!

– Так открой, Уилл Генри, – сказал он нетерпеливо. Он сдернул свой пропитанный кровью халат и бросил его на стул.

Эразмус Грей, старик – расхититель могил, который приходил почти в это же время вчера ночью, стоял, сгорбившись, на крыльце. На нем была все та же потрепанная широкополая шляпа. За его спиной я углядел все ту же костлявую лошадь и расшатанную телегу; они были наполовину скрыты туманом. У меня возникло отчетливое неприятное чувство, будто все повторяется, как это бывает в кошмарном сне, и на секунду мне показалось, совершенно явственно, что на старую телегу взгроможден еще один страшный сверток.

Как только я открыл дверь, старик стянул шляпу и искоса посмотрел на мое поднятое кверху лицо; его слезящиеся глаза исчезали под нависающими морщинистыми веками.

– Скажи Доктору, я пришел, – сказал он тихо.

Но говорить ничего не пришлось. Доктор вырос у меня за спиной, широко распахнул дверь и втащил Эразмуса Грея в кухню. Втащить его было не лишним, ибо старик еле переставлял ноги, буквально – едва волочил их по полу. И кто бы его осудил? Из троих человек, оказавшихся на кухне, только один с нетерпением предвкушал вылазку, и этим человеком не был ни Эразмус Грей, ни юный ассистент Доктора.

– Погрузи вещи в повозку, Уилл Генри, – скомандовал Доктор. Одновременно он твердо взял старика под локоть и повел его – скорее, потащил – вниз по ступеням крыльца.

Весенний воздух был прохладным и сырым; туман легким поцелуем коснулся моей щеки. Когда я приблизился к лошади, держа в руках первый мешок, она наклонила голову, словно признавая меня своим собратом. Я задержался, чтобы похлопать ее по шее. Лошадь изучала меня большими одухотворенными глазами, и я вспомнил о другом животном, подвешенном сейчас на крюке в подвале, о его глазах – непроницаемых, темных, наполненных такой же пустотой, как пространство меж звезд. Была ли это смерть, что так пугала в тех глазах, или то была еще более страшная бездна? Я уже видел свое отражение в мертвых, бездушных глазах Антропофага – и насколько же иным отразился я сейчас в глазах этой доброй, ласковой лошади! Было ли это просто отличие живого теплого взгляда от холодного пристального взгляда смерти? Или мой образ виделся этим созданиям по-разному? Для одного я был друг, для другого – добыча?

Когда я закинул последний мешок в телегу, появились Доктор и старик. Они несли тело мертвой девушки, все так же завернутое в самодельный саван из простыни, держа его с двух сторон. Я быстро отступил в сторону, уступая им дорогу, и потихоньку встал поближе к теплему умиротворяющему свету, струящемуся из открытых дверей дома. Из-под савана высунулась бледная рука; указательный палец на ней был вытянут, как будто указывал на землю.

– Запри дверь, Уилл Генри, – мягко сказал мне Доктор, хотя его приказ едва ли требовался: я был на полпути к двери и уже держал ключ в руке.

На маленьком сиденье, которое находилось впереди старой телеги, места для меня не хватило, так что я вскарабкался в самую телегу, рядом с телом. Старик повернул голову и нахмурился при виде меня, съжившегося рядом с телом в саване. Он бросил злобный взгляд на Доктора:

– Мальчик что, едет с нами?

Доктор Уортроп нетерпеливо кивнул:

– Естественно, едет.

– Прошу извинить меня, Доктор, но это дело – никак не для ребенка.

– Уилл Генри – мой ассистент, – ответил Доктор с улыбкой. Он по-отечески погладил меня по голове. – Внешне, возможно, он и ребенок, но внутренне он развит не по годам и крепче, чем может показаться тому, кто мало его знает. Его услуги мне необходимы. Он незаменим.

Тон, каким это было сказано, не допускал возражений, нравилось Эразмусу Грею решение Доктора или нет. Старик еще раз бросил взгляд на мою скрюченную фигуру, ибо я согнулся, обхватив руками колени и дрожа от весеннего холода. Мне показалось, что в его глазах промелькнула жалость, и не только горькое сочувствие моему обязательному участию в этой мрачной экспедиции, а нечто большее. Возможно, он интуитивно понял, сколь высока цена «быть необходимым» Доктору Пеллинору Уортропу.

А что до меня, то я вспоминал свои наивные отчаянные просьбы, обращенные к отцу год назад, взять меня с собой. Теперь, по иронии судьбы, он делил свое местопребывание с мертвой девушкой, лежащей рядом со мной. А я-то молил: «Я хочу пойти с тобой! Пожалуйста, пожалуйста, возьми меня с собой!»

Эразмус Грей отвернулся, но неодобрительно крикнул и покачал старой головой. Он взялся за вожжи, телега дернулась, и наше зловещее путешествие началось.

Теперь, читатель, уж много лет минуло с той вызывающей суеверный ужас кошмарной весенней ночи 1888 года. И, однако же, за все эти годы не было ни единого дня, чтобы я не вспоминал ее с удивлением и вечным, непроходящим страхом – безумным страхом ребенка, когда в его сознание брошены первые семена разочарования. Мы можем оттягивать этот момент. Мы можем стараться изо всех сил отложить горький урожай, но день, когда молотят зерна, все равно настанет.

Есть вопрос, который не дает мне покоя до сих пор и будет мучить всегда, покуда я не присоединюсь наконец к своим родителям. Если бы монстролог знал, что за ужасы ждут нас не только той ночью на кладбище, но и в последующие дни, стал бы он все так же настаивать на моем участии? Потребовал бы он в таком случае или нет, чтобы ребенок погрузился столь глубоко в колодезь человеческих страданий и жертв – буквально в море крови? И если бы ответом на этот вопрос было «да», тогда можно было бы утверждать, что есть на свете чудовища страшнее Антропофагов.

Чудовища, которые, с улыбкой глядя по голове и успокаивая, готовы принести в жертву ребенка, положив его на алтарь своего собственного честолюбия и гордыни.

Часть третья. «Кажется, я должен пересмотреть первоначальную гипотезу»

Кладбище Олд Хилл раскинулось на холме за Новым Иерусалимом, за коваными железными воротами и каменной стеной, выстроенными так, чтобы пресечь любые попытки сделать то, что делал Эразмус Грей и что привело его к дверям нашего дома прошлой ночью. Успокоение здесь нашли те, кто первыми приехали в колонию и попали в темные объятия смерти в первых десятилетиях восемнадцатого века. Мои родители тоже были похоронены здесь, равно как и предки из клана Доктора.

Фактически мавзолей семьи Уортропов был самым большим и впечатляющим сооружением на кладбище. Он стоял на самом верху холма; его было видно от любого памятника, от любого могильного камня на кладбище. Это было массивное готическое сооружение, собор в миниатюре. Казалось, он доминирует над другими сооружениями, словно жилище средневекового правителя над окружающими домами. И в каком-то смысле Уортропы действительно были правителями Нового Иерусалима. Прапрадед Доктора, Томас Уортроп, сколотил состояние на судостроительстве и судоходстве, а также производстве текстильных изделий. Он был одним из отцов-основателей города. Его сын, прадед Доктора, шесть раз переизбирался на должность мэра. Я не сомневаюсь, что если бы не работа, практичность, расчетливость и скупой английский прагматизм предков, Уортроп не смог бы позволить себе роскошь оставить труд мирской и стать «философом монстрологии». У него просто не было бы на это денег.

Его особое «призвание» было секретом, о котором знал и шептался весь город. Одни притворялись больными, другие боялись, но все, за малым исключением, оставили его в покое и испытывали уважение, вызванное, как я думаю, скорее огромным, невероятным богатством Доктора, доставшимся ему от предков, нежели его философскими изысканиями, – отношение, идеально отраженное в холодном каменном монументе, возвышающемся над кладбищем Олд Хилл.

Эразмус Грей бросил вожжи у железных ворот, и с минуту мы сидели, пока старая лошадь тяжело дышала, восстанавливая дыхание после долгого, извилистого подъема ко входу на кладбище.

– Мой револьвер, Уилл Генри, – сказал Доктор тихо. Старик посмотрел, как я передал револьвер Доктору, облизнул губы и быстро отвернулся.

– Надеюсь, вы взяли оружие, – сказал ему Доктор.

– Винчестер, – ответил Эразмус Грей. – Самое большее, во что я стрелял из него, – так это в гуся, – добавил он с тоской.

– Целься в живот, – спокойно сказал Доктор, – сразу под пастью.

– Я так и сделаю, Доктор, – сухо ответил Эразмус, – если смогу как следует прицелиться, убегая в противоположном направлении!

И он снова бросил взгляд назад, на мое сжавшееся в комок тело.

– А мальчик?

– Уилл Генри пойдет со мной.

– Лучше бы он остался здесь, у ворот, – сказал старик, – нам нужен кто-то для прикрытия.

– Худшего места, на мой взгляд, для него не придумаешь.

– Я могу оставить ему свою винтовку.

– Он пойдет со мной, – твердо сказал Доктор. – Уилл Генри, открывай ворота.

Я выпрыгнул из телеги. Передо мной были ворота, за которыми возвышался холм с надгробиями и памятниками, ряд за рядом поднимающимися к вершине, скрытой за ветвями старых дубов, ясеней и тополей. За моей спиной, полностью укрытый туманом, остался Новый Иерусалим; жители его спали в сладком забытии. И не ведали они, и догадываться не могли, что над этой возвышенностью, этим островом смерти, вздымающимся над морем нежного весеннего тумана, обволакивающего все живое, не дремлет такой кошмар, перед лицом которого все человеческие страшные сны померкли бы враз.

Эразмус Грей направил телегу по узкой дорожке, идущей вдоль стены кладбища и окаймляющей его. Справа от нас была стена, слева – мертвецы, а над нами – безлунное небо, усеянное звездами. Ночной воздух был неподвижен – ни дуновения ветерка. Стояла тишина, нарушаемая лишь равномерным постукиванием копыт лошади, скрипом и стоном колес да тихим стрекотом сверчков.

Дорога была неровной, отчего телега кренилась то на один бок, то на другой, по мере того как мы продвигались вперед. Труп, лежащий рядом со мной, качался туда-сюда, и меня

поразило чудовищное сравнение: он был похож на завернутого младенца в колыбели – горькая пародия.

Старик смотрел вперед, положив руки с вожжами на колени; Доктор весь подался вперед, с тревогой вглядываясь во мрак между деревьями. Там, где деревья росли слишком густо, образуя арку над дорогой, по которой мы ехали, Доктор запрокидывал голову и пристально всматривался в листву.

– Теперь, Уилл Генри, нужен глаз да глаз, – прошептал он мне через плечо. – Они легко взбираются на деревья. Если самка Антропофага вдруг прыгнет сверху, целясь ей в глаза – это ее самое уязвимое место.

Я вытащил из связки деревянный кол и проследил за его взглядом. Наверху, во мраке переплетенных ветвей над головой, мое воображение тут же нарисовало нечеловеческие силуэты с огромными руками и цепкими когтями, впившимися во многовековые деревья, и глаза, горящие недвусмысленной злобной жадой.

Мы приближались к восточной границе кладбища – вглядевшись в темноту, я смог различить впереди очертания угла кладбищенской стены. Вдруг Эразмус повернул телегу на крошечную, изрезанную колеями дорожку, которая вилась между деревьями и вела к самому сердцу кладбища. Наше появление потревожило какого-то лесного зверька, возможно белку или птицу, и как только она завозилась и зашуршала в листве, Доктор вскинул револьвер, прицеливаясь. Но прицеливаться было не во что – вокруг стоял мрак, и не было видно ничего, кроме теней. Я услышал, как он прошептал:

– Вот он, настоящий враг!

Мы выбрались из-под деревьев и выехали на открытую местность, сплошь покрытую могильными камнями. Их шелковистый мрамор мерцал при свете звезд. Через полдюжины ярдов Эразмус остановил телегу. Я поднялся с корточек и вперился взглядом в ближайший памятник. Это был большой камень, украшенный геральдическими символами семьи, захороненной в этом месте: БАНТОН.

– Вот, здесь, – прошептал старик – взломщик могил, указывая дрожащим пальцем на камень у дороги, – то самое захоронение, Доктор.

Доктор Уортроп легко спрыгнул с козел и подошел к могиле. Он обошел вокруг нее, тщательно осматривая землю и что-то бормоча себе под нос, в то время как Эразмус Грей и я стояли, боясь пошевелиться, и наблюдали за ним.

Мой взгляд был прикован к могильному камню, у которого расхаживал Доктор, точнее, к имени, высеченному на нем: «Элиза Бантон. Родилась 7 мая 1872 года, умерла 3 апреля 1888 года». Всего месяц пролетел с ее шестнадцатилетия, как безразличная смерть, пренебрегая юностью, заключила в свои холодные объятия едва порозовевший и еще не раскрывшийся бутон ее женственности. И это только для того, чтобы передать ее в объятия существа, менее безразличного, чем смерть, для союза более грязного и оскорбительного, чем смертельные узы. За две недели Элиза Бантон превратилась из невинной невесты Смерти в инкубатор для плода монстров. Я перевел взгляд с холодного камня на тело, завернутое в белую простыню, и сердце мое пронзила боль – потому что вдруг я понял: это больше не безымянный труп в телеге, не безымянная жертва. У нее есть имя – Элиза. И семья, которая, должно быть, любила ее, ибо на похороны ей надели самое красивое погребальное платье, украсили шею ожерельем из чистейшего жемчуга и даже изысканно уложили ее кудри на подушечке из белейшего шелка. Но ей выпала судьба не покоиться с миром среди усопших собратьев, а быть съеденной.

Старик, должно быть, почувствовал мои душевные страдания, потому что он вдруг положил руку мне на плечо со словами:

– Ну, ничего, ничего, малыш...

Внезапно его голос изменился, и вместо сочувствия в нем зазвучало негодование:

– Он не должен был привозить тебя сюда! Это дело грязное и темное! Не место тут богобоязненному христианину, а уж тем более ребенку...

Я стряхнул его руку со своего плеча. Я не искал сочувствия со стороны человека, занимающегося столь бесчестным и постыдным делом, как Эразмус Грей.

– Я не ребенок, – сказал я.

– Ах, не ребенок? Тогда, значит, старые глаза Эразмуса Грея превратили его во лжеца! Дай-ка я взгляну на тебя поближе...

Он снял с меня старую шапочку и уставился на меня сверху вниз; на его губах играла улыбка, и, как я ни сопротивлялся, выражение его лица было столь комично, когда он изображал, что тщательно вглядывается и изучает меня, что я поймал себя на том, что улыбаюсь в ответ.

– Ага! И правда, не ребенок! Что ж, значит – славный молодой человек! А знаешь, Уилл Генри, что именно поначалу сбило меня с толку? Твоя шапка! Уж больно она мала для такого здорового парня, как ты. Взрослый мужчина должен носить взрослый головной убор!

С этими словами он водрузил мне на голову свою огромную соломенную шляпу с полями. Она повисла у меня перед глазами, полностью закрыв лицо, к большому удовольствию старика; его смех становился все громче, и старая телега подрагивала в такт. Я сдвинул его шляпу на затылок и увидел старика прямо перед собой – призрачный тощий силуэт на фоне бархатного неба, а на лысеющей голове – моя крохотная шапочка. Я и не заметил, как сам начал хохотать вместе с ним.

– Как ты считаешь, Уилл Генри? Правда ли то, что мы – это то, во что мы одеты? Потому что я действительно чувствую себя теперь на пятьдесят лет моложе – клянусь, это так!

Нетерпеливый крик Доктора прервал наше шумное веселье:

– Уилл Генри, зажги факел и принеси колья! Пошевеливайся, Уилл Генри!

– Вернемся к делу, мистер Генри, – сказал старик с ноткой грусти в голосе. Мы надели каждый свою шапку. Потом старик ласково взял меня за подбородок и приподнял его, чтобы посмотреть мне в глаза. – Ты прикрывай меня сзади, а я буду прикрывать тебя, договорились, Уилл Генри?

Он протянул мне руку, я взял ее и быстро пожал, прежде чем прыгнуть на землю. Раз Доктор зовет, конечно, я пойду. Я нагнулся над телегой и вытащил факел и связку колеи из наших запасов. Когда я присоединился к Уортропу у могилы Элизы Бантон, Доктор стоял на четвереньках, и нос его был в двух дюймах от свежераскопанной земли. Он принохивался, как ищейка, напавшая на едва уловимый след добычи. Немного запыхавшись, я стоял перед ним, а он меня даже не замечал. В одной руке я держал фонарь, в другой – колья. Я ожидал дальнейших распоряжений, а Доктор втягивал воздух носом что было сил; глаза его были закрыты, а лоб нахмурен, так сильно он был сосредоточен на своем занятии.

– Я – дурак, Уилл Генри, – сказал он наконец, не поднимая головы и не открывая глаз. – Только дурак считает доказанным то, что мудрый человек оставляет для дураков.

Не поднимаясь, он повернул ко мне голову; глаза его внезапно открылись:

– Зажженный факел, Уилл Генри!

Я сконфуженно отвернулся и тут же снова развернулся лицом к нему, так как он рывкнул:

– Да оставь ты колья здесь! Пойди зажги факел и принеси его мне. Да пошевеливайся, Уилл Генри!

Когда я, запыхавшись, прибежал назад, старый Эразмус Грей уже слез с телеги и стоял, облокотившись о ее край и прижимая к себе винтовку обеими руками. Он молча смотрел, как я роюсь в мешках в поисках спичек. Потом достал из кармана трубку и кисет и принялся набивать трубку табаком. Тем временем я с нарастающей паникой перебирал содержимое мешков; я точно помнил, что брал спичечный коробок с камина, когда собирался. Но вот только положил я его в мешок или оставил у задней двери?

– Что ищешь, малыш? – поинтересовался Эразмус, выуживая из кармана спичку и зажигая ее о подошву сапога. Я оторвался от мешков и сокрушенно покачал головой; на глаза у меня набежали слезы. Можно было забыть что угодно – но не спички! Старик коснулся пламенем трубки, и сладкий аромат табака наполнил воздух.

– Уилл Генри! – позвал Доктор.

Прошло еще немного времени, прежде чем до меня дошло то, на что я смотрел в упор и не видел. Я тут же отчаянно попросил у старика спичку и наконец зажег факел. Руки у меня дрожали. Когда я бежал обратно к Доктору, его рассуждения о «злейшем враге» наконец-то стали мне полностью понятны: ослепленный страхом, я перестал соображать и не видел того, что было у меня под самым носом.

Доктор взял факел из моих дрожащих рук и спросил:

– Кто наш враг, Уилл Генри?

Он не стал дожидаться ответа, а стремительно развернулся и продолжил осмотр могилы, обходя ее со всех сторон.

– Коля, Уилл Генри! – скомандовал он. – И держись поближе!

Со связкой кольев в руках я последовал за ним. Доктор шел, держа факел так низко, чтобы свет падал на землю. Время от времени он останавливался и, протягивая руку назад, требовал кол. Я вкладывал одну из деревяшек в его ладонь. Он втыкал кол в землю и шел дальше – до тех пор пока пять кольев не были воткнуты в землю: два по обе стороны могилы, а три – в разных местах неровных холмиков вырытой из могилы свежей земли. Я не знал, что он отмечает и даже почему он отмечает именно эти места. Земля вокруг ничем не отличалась от той, в которую были воткнуты колья. После еще двух круговых обходов, каждый на несколько шагов дальше от могилы, он остановился, высоко держа факел и обозревая проделанную работу.

– Очень любопытно, – пробормотал он. – Уилл Генри, пойд и воткни колья глубже.

– Воткнуть колья, сэр?

– Постарайся воткнуть их как можно глубже в землю.

Мне удалось протолкнуть их вглубь не больше чем на дюйм – почва была каменистой.

Когда я вернулся к нему, он недовольно качал головой.

– Мистер Грей! – позвал он.

Старик подошел, едва переставляя ноги; он держал винтовку, положив ее на сгиб руки. Доктор повернулся к нему, высоко подняв факел. Свет выхватил из темноты усталые черты лица старика: танцующие тени упали на морщинистые щеки и рассеченную бровь.

– Как ты нашел эту могилу? – спросил Доктор.

– Я знал, где место, принадлежащее семейству Бантонов, – ответил тот.

– Нет. Я имею в виду, было ли видно, что это – свежерытая могила? Ты заметил, что землю в этом месте копали?

Эразмус отрицательно помотал головой:

– Будь оно так, я бы не полез в нее, Доктор.

– Это почему?

– Я бы решил, что кто-то уже поживился здесь до меня.

Что-то уже поживилось тут до него, это точно. В этом-то и был смысл вопроса Доктора.

– Так ты не заметил ничего необычного прошлой ночью?

– Только когда я открыл гроб, – сухо ответил старик.

– Ни ям, ни насыпей земли рядом с могилой?

Эразмус помотал головой:

– Нет, сэр. Ничего такого.

– Никаких необычных запахов?

– Запахов?

– Ты не учуял странного запаха, похожего на гнилые фрукты?

– Только когда я открыл гроб. Но в запахе смерти для меня нет ничего необычного, Доктор Уорттроп.

– Ты слышал что-нибудь странное? Фыркание или такой шипящий звук?

– Шипящий?

Доктор выпустил воздух сквозь сжатые зубы:

– Вот такой.

Эразмус вновь помотал головой:

– Все было, как обычно, Доктор, во всех смыслах. До тех пор, пока я не открыл гроб...

При воспоминании об этом старика передернуло.

– И ты не заметил ничего необычного до этого?

Расхититель могил ответил, что нет, не заметил. Доктор отвернулся и стал рассматривать само захоронение, потом все пространство, принадлежащее семье, затем землю под ним. Он пристальным взглядом окинул ряд деревьев справа, росших вдоль дорожки, за которой была каменная стена, скрытая сейчас за раскидистым кустарником.

– Очень любопытно, – пробормотал Доктор снова.

Он стряхнул с себя задумчивость, и его тон резко изменился: только что он был погружен в размышления, но тут вдруг заговорил твердо, даже жестко:

– Тайна все глубже и непостижимее, но к цели нашего приезда сюда это не имеет отношения. Копайте могилу, мистер Грей. И ты тоже копай, Уилл Генри. Мы вернемся с рассветом и будем молиться, чтобы с первыми лучами солнца удача вернулась к нам. Возможно, дневной свет выявит те улики, которые скрывает ночная тьма. Пошевеливайся, Уилл Генри! Надо закончить поскорее.

И он оставил нас, поспешив к деревьям, низко светя перед собой факелом, наклоняясь вперед по мере того, как продвигался, переводя огонь то вправо, то влево и постоянно бормоча что-то себе под нос.

– На его месте я бы не приближался к тем деревьям, – мрачно сказал Эразмус Грей. – Но я и не охотник за монстрами, так ведь? – Он похлопал меня по плечу твердой мозолистой рукой: – Давай-ка пошевеливаться, Уилл Генри, как говорит твой хозяин. Чем больше рук берется за работу, тем быстрее она продвигается!

Через двадцать минут, когда спина у меня отваливалась, а тонкая кожа ладоней горела, я уже не согласился бы с этим высказыванием. В нашем случае, даже когда мы копали в четыре руки, работа не продвинулась настолько, насколько мы ожидали. Мы вырыли яму глубиной лишь в три фута. Почва Нового Иерусалима, как практически и во всей Англии, была каменной и твердой, и могила Элизы Бантон упрямо не поддавалась нашим лопатам, несмотря на то что прошлой ночью была перекопана дважды Эразмусом Греем в поисках ужасного «сокровища».

Продолжая копать, я думал об огромном Антропофаге, который без всякого инструмента, только лишь стальными когтями, как-то смог раскопать эту могилу, чтобы добраться до тела. Как и Доктор, я считал наиболее любопытным то, что мы не нашли никаких признаков его вторжения, да и Эразмус утверждал, что ничего не видел прошлой ночью. Мог ли старик просмотреть что-то в темноте? Мог ли он просто не заметить что-то важное в своем желании докопаться до сокровищ или в спешке случайно уничтожить улики, когда отступал с обнаруженной «находкой»?

Мы слышали, как Доктор Уорттроп в роще в пятидесяти ярдах от нас ходит по подлеску, как шуршат под его сапогами прошлогодние опавшие листья, как прерываются эти шорохи бессвязными вскриками не то испуга, не то изумления. Когда мы услышали первый такой вскрик, Эразмус Грей встревоженно поднял голову, думая, несомненно, что Доктор нашел – или Доктора нашло – существо, подобное тому, что висело в подвале нашего дома. Но нет – то не были

крики паники или страха. Я успокоил старика. То были восклицания рудокопа, чья лопата вновь и вновь вырывает лишь пустую землю.

Тем временем Доктор вернулся и опустился на землю на краю ямы, которую мы копали. Он был подавлен. Факел он воткнул в насыпь из сырой почвы. Он подтянул ноги к груди и обхватил колени своими длинными руками, глядя на наши потные от натуги лица с видом человека, перенесшего невосполнимую потерю.

– Ну? Нашли что-нибудь, Доктор? – спросил Эразмус Грей.

– Ничего! – ответил он.

Эразмус Грей, очевидно, испытывал от этого столь же сильное облегчение, сколь сильное разочарование чувствовал Доктор.

– Это бросает вызов всей логике, – сказал Доктор, ни к кому конкретно не обращаясь. – Это – плевок в лицо здравому смыслу. Антропофаги – не фантомы и не оборотни. Они не умеют летать над землей, как эльфы, или перемещаться с места на место с помощью астральной проекции. Антропофаг, должно быть, нашел ее благодаря тому, что остро чувствует запахи, и запах должен был привести его сюда. Но на этом месте, тем не менее, как и на окружающей территории, нет никаких признаков его продвижения. Ни следов, ни спор, ни сломанных веток – ничего.

Неподалеку от Доктора лежал кол – он дотянулся до него и принялся проворно крутить его быстрыми пальцами.

– Антропофаг оставил бы себе дыру в земле, чтобы воздух мог поступать внутрь могилы. Он оставил бы следы, отпечатки ног на земле – а здесь не примята ни одна травинка.

Его взгляд упал на наши поднятые вверх лица. Он пристально посмотрел на нас сверху вниз, мы пристально посмотрели на него. С минуту никто не произносил ни звука.

– Ну, так что вы застыли-то? Копайте! Копайте!

Он поднялся и, раздосадованный, с силой швырнул кол в подлесок. Густая листва поглотила его с приглушенным звуком треснувшей ветки и шорохом опавших листьев.

С дорожки позади нас донеслось фыркание и сопение; все головы повернулись туда. Старая лошадь, с подрагивающими ноздрями и испуганными глазами, вышла из-за деревьев с тихим ржанием.

– В чем дело, старушка Бесс? – ласково спросил Эразмус Грей. – Что случилось, девочка?

Животное мотнуло головой, вытянуло тощую шею и забило копытом о жесткую землю. Старая телега скрипнула, а расшатанные колеса неприятно заскрежетали.

Я посмотрел снизу вверх на Доктора. Он во все глаза смотрел на лошадь, руки его были опущены вдоль туловища, а все внимание сосредоточено на напряженном состоянии животного.

– Ее что-то сильно напугало, – сказал Эразмус Грей.

– Тише! – сказал Доктор едва слышно, одними губами. Он медленно повернулся вокруг своей оси, пристально изучая прилегающую к могиле землю и дорожку, обвивающую высокие могильные камни, которые тускло мерцали при свете звезд, словно замершие часовые. Вдруг Доктор остановился спиной к нам, вглядываясь во мрак между деревьями. Долгим и страшным было мгновение, когда не было слышно ни звука, кроме дыхания старой Бесс и переступания ее подков. Доктор поднял левую руку, сжимая и разжимая пальцы; спина его напряглась. И кошмарное предчувствие надвигающейся опасности накрыло меня с головой. Еще несколько минут прошли в тягостном молчании – лишь беспокойство лошади нарастало, как нарастал и мой страх. И вот тут, на пределе жуткой затянувшейся тишины, со стороны деревьев послышалось шипение. Это был низкий звук. Ритмичный. Гнетущий. Он исходил не из одного конкретного места, а как бы отовсюду. Не то эхо, не то разговор. Отрывистая череда звуков – хаотичных, живых.

– Шссс... – Пауза. – Шссс... – Пауза. – Шссссссссс...

Доктор повернул голову и посмотрел на меня через плечо.

– Уилл Генри, – прошептал он, – ты не забыл наполнить тигели порохом?

– Нет, сэр, – шепотом ответил я ему.

– Быстро принеси их. Но только осторожно, Уилл Генри, – предостерег он меня, когда я вылезал из ямы. Он опустил руку в тот карман пальто, где у него лежал револьвер. – Не беги и пригнись. А было бы еще лучше, если бы ты добрался до телеги ползком.

– Я оставил в телеге винтовку, – сказал Эразмус. – Я принесу снаряды, а мальчик пусть лучше...

– Нет! Стой, где стоишь! Пошел, Уилл Генри! Потихоньку, давай, и возьми столько тигелей, сколько сможешь унести.

– И мою винтовку, если сможешь, Уилл! – дрожащим голосом произнес Эразмус.

Пока я ползком пробирался к телеге, я слышал, как он нетерпеливо шепчет Доктору:

– Не следует оставаться здесь, Доктор! Мы вернемся, когда рассветет, и похороним ее. Это же безумие – в темное время всякой нечисти...

Доктор отрывисто и грубо что-то ответил – я не расслышал, что именно, но суть его высказывания была ясна: он отклонил просьбу старика.

Последующие события ярко показали, что за упрямое нежелание Доктора подчиняться одному из основных инстинктов, характеризующему его как «страх», мы заплатили чудовищную цену. Есть в жизни моменты, когда страх – наш самый верный и, возможно, единственный друг.

Я разгрузил содержимое мешка в телеге, а потом упаковал тигели – четыре жестяных цилиндра размером с кофейную банку, наполненные порохом, – обратно в мешок. Бесс повернула голову ко мне и громко заржала – то была мольба сжалиться над ней и покинуть это место – лошадиный эквивалент недавней просьбе ее хозяина. И хотя задание мое было срочным, я погладил ее по гладкой шее, успокаивая. А потом вновь пополз к могиле, держа мешок в одной руке, а винтовку Эразмуса в другой. Каким же долгим показался мне этот обратный путь к полувырытой могиле! Однако же, когда я добрался, оказалось, что за время моего отсутствия ничего не изменилось. Эразмус все так же стоял, согнувшись, в яме; Доктор ждал на краю; факел горел в том месте, куда его воткнули. Свет падал на Доктора, и тот отбрасывал длинную худую тень на землю. Эразмус схватился за ствол винтовки и выдернул ее из моей руки; он лег на край могилы с винтовкой на изготовку, как в солдат в траншее – только макушка торчала над поверхностью ямы. Я прополз мимо него к Доктору.

– Поднимайся, Уилл Генри! – прошептал Доктор. – Потихоньку! Потихоньку...

Шипение между тем прекратилось. Теперь все было тихо, только время от времени раздавалось испуганное фырканье лошади. Если она убежит, кто поможет нам? Если Антропофаги набросятся на нас, а у нас не хватит снарядов, как мы убежим от монстров, один прыжок которых достигает сорока футов?

Время шло. Ночь была тиха. Наконец, Эразмус тихо позвал из своего убежища:

– Они ушли, слава богу. Да и нам пора, Доктор. Вернемся днем. Пусть лучше люди засекут меня роющим в могиле, чем...

– Тише, старый дурак! – зашипел на него Доктор. – Снаряд, Уилл Генри.

Я вытащил цилиндр из мешка и вложил его в левую руку Доктора (в правой он держал пистолет). Доктор запалил шнур от факела и одним грациозным движением метнул тигель в направлении рои. Он взорвался среди деревьев, озарив мгновенным ярко-белым светом все вокруг, словно вспышка фотографа. Где-то сзади Бесс задергалась и забилась в своей упряжи. Внизу Эразмус издал испуганный крик. Я ничего не видел, ослепленный вспышкой. Она длилась всего мгновение, оставив перед глазами лишь контурное изображение деревьев. Они словно отпечатались в моих глазах, но там не было никаких семифутовых гигантских очертаний с рядами блестящих острых зубов посередине грудной клетки.

– Очень любопытно, – сказал Доктор. – Дай мне еще один, Уилл Генри.

– Они отступили, говорю вам. – Страх Эразмуса Грея перешел, как это часто бывает, в раздражение. – Если они, для начала, вообще здесь были. Странные звуки на кладбище ночью – в этом нет ничего удивительного, уж можете мне поверить, я частенько здесь бываю. Так что можете оставаться, если желаете, Доктор Пеллино Уортроп, а мы с лошастью покидаем это место. Я уже говорил вам, что незачем было ехать сюда сегодня ночью и незачем было тащить с собой ребенка. Теперь я уезжаю, и если хотите, чтобы я подвез вас до города, едьте со мной.

Он положил винтовку к нашим ногам и начал быстро карабкаться вверх, вылезая из ямы.

Но Эразмусу Грею не суждено было ее покинуть.

Огромная лапа, в два раза больше человеческой, с двухдюймовыми серо-стальными, острыми, как бритва, ногтями на конце каждого мертвенно-белого пальца, вырвалась из-под земли у него под ногами. За ней последовала мускулистая рука, покрытая черной землей и песчанником, а потом, как в замедленном кошмарном сне, из глубин, раздвигая почву, показались широкие плечи с жуткими немигающими глазами прямо на них, справа и слева – они пугающе мерцали при свете воткнутого в землю факела; и вот, в конце концов, наружу вылез треугольный торс, в центре которого зияла пасть с трехдюймовыми клыками. Антропофаг щелкал пастью, как акула, учуявшая кровь в воде.

Лапа схватила старика за ногу; крючковатые ногти впились ему в бедро. Эразмус протянул к нам руку; его вопль ужаса и боли до сих пор стоит у меня в ушах, как застыл перед глазами и его открытый рот, обнажающий жалкие остатки зубов, а внизу – абсурдной рифмой – усеянная клыками пасть монстра, пытающаяся стащить старика за отбивающиеся ноги.

Инстинктивно я схватил старика за запястье протянутой руки. Это было глупо, и, несомненно, Доктор был против. Он пришел в ужас:

– Отпусти его, Уилл Генри! Отпусти!

Внутри могилы Антропофаг уже целиком заглотил ногу Эразмуса Грея своей слюнявой пастью, и зубы его сомкнулись. Черные глаза вращались в глазницах. Я заскользил к яме, и вот уже мои голова и плечи опустились через край. Крики старика отдавались у меня в ушах, как раскаты грома. А пасть внизу продолжала работать, чавкая, затягивая все глубже. Я почувствовал, как Доктор схватил меня за руку; я едва различал его голос за истошными криками из ямы:

– Отпусти его!!!

Но это не я вцепился железной хваткой в руку другого. Это Эразмус Грей не разжимал пальцев, вцепившись в меня. Его пальцы кольцом обхватили мое запястье и тянули меня вниз, следом за собой. Уортроп на секунду выпустил другую мою руку – и я практически свалился в яму, как вдруг краем глаза увидел, как Доктор обрушил рукоятку револьвера на голову Эразмуса Грея.

Я повернул голову, отвернувшись от ямы, и увидел, как Доктор спускает крючок, прерывая вопли и мучения старика одним щелчком. Грохнуло, полыхнуло – и я почувствовал горячие капли крови, мозга и осколки костей, брызнувшие на мой затылок и на шею сзади.

Пальцы на моем запястье разжались, и безжизненная рука Эразмуса Грея последовала за телом – он обрушился на дно ямы, на мгновение накрыв собой невообразимое существо с окровавленным ртом. Но то, что этот рот продолжает чавкать, я по-прежнему слышал. Слышал, как зубы ломают кости, как лопаются сухожилия – странное хрюканье, словно огромный хряк втягивает носом воздух в подлесе.

Схватив меня за штаны, Доктор оттащил меня от ямы и с удивительной силой – несомненно, силой, которую дает адреналин, поступающий в мышцы, – одним рывком поставил меня на ноги. Он подтолкнул меня к тропинке и сказал только одно слово – в общем-то, лишнее в данных обстоятельствах:

– Беги!

Я повиновался. К сожалению, то же самое сделала и старушка Бесс, рванувшая вперед с силой жеребца вполовину ее моложе. Телега удалялась от меня, я скачками погнался за ней. Перепуганная лошадь свернула с тропинки и бросилась через кладбище – я бежал за ней, лавируя между могильными камнями. Я предпочел не оглядываться, но до меня доносились звуки, подтверждающие, что Доктор бежит следом за мной. А еще я слышал другие звуки – сиплые, резкие, – и они доносились со всех сторон.

Как я уже говорил, для своего роста я бегал весьма быстро, но ноги Доктора были длиннее, и сейчас он обогнал меня. Он дотянулся до бортика подпрыгивающей на камнях телеги, запрыгнул в нее, приземлившись прямо на труп девушки, и протянул мне руку.

Может, у меня воображение разыгралось, но мне показалось, именно в этот момент я ощутил что-то позади себя, почувствовал его горячее дыхание на шее и быстрые тяжелые шаги по вязкой грязи – шаги, настигающие меня. Хрюканье и шипение их голосов теперь стало громче, в этих звуках слышались разочарование и нарастающая ярость.

Доктор лег на живот рядом с телом Элизы, протягивая мне левую руку. Я сделал еще рывок вперед, и наши пальцы уже переплелись. Но тут телега страшно качнулась в сторону. Старушка Бесс бросалась то вправо, то влево, прокладывая себе дорогу между надгробиями, без определенной траектории и цели, ослепленная лишь инстинктом – бежать. Доктор прокричал что-то, и, хотя я был всего в нескольких ярдах от него, я не смог различить слов. Его правая рука взметнулась в направлении меня, в ней блеснул револьвер. Дуло его целилось куда-то чуть выше моего плеча. Доктор закричал во второй раз, грянул выстрел, и рубашка на моей спине треснула, зацепленная лапой монстра. Значит, это был не плод моего воображения – за мной гналось чудовище!

Левой рукой доктор ухватил меня за запястье. Так же, как Эразмус у могилы, он потянул меня на себя, хотя на этот раз потянул в сторону жизни, а не смерти. Он втащил меня в телегу, и я упал рядом с ним. В это было трудно поверить, но он почти тут же бросил меня, сунув револьвер в мою дрожащую руку, лишь крикнув мне в ухо:

– Я перебираюсь вперед!

Что он и сделал, перебравшись на четвереньках к сиденью впереди, к вожжам, которые были сейчас нашей единственной надеждой на спасение. Раньше я никогда в жизни не стрелял из пистолета, но сейчас я стрелял до тех пор, пока не кончился порох и не задымился ствол – потому что я палил по огромным фигурам, несущимся следом за нами в ночи. Они слезали с деревьев, они лезли из могилы Элизы – дюжины, десятки дюжин. Они гнались за нами гигантскими прыжками: руки вытянуты вперед, пасти раскрыты, бесцветная кожа мерцает в свете звезд. Как будто каждая могила и склеп изрыгнули из себя гниющее содержимое.

Было ясно, что нас догоняют. Я смотрел в беспомощном ужасе, как все больше и больше сокращается расстояние между нами и стаей монстров. Возраст старушки Бесс оказался сильнее инстинкта выживания, и ее ноги стали слабеть.

Позади меня Доктор выругался так, что ему позавидовал бы любой моряк с торгового судна. С ужасающим треском ломающегося дерева телега вдруг остановилась. Меня отбросило на спину, и голова только потому не разбилась от удара о доски, что я шмякнулся о мягкое тело Элизы Бантон. Я сел и огляделся. Старая кляча проскакала между двух огромных кленов; она-то проскакала, а вот телега не пролезла. Мы крепко застряли.

Доктор Уортроп отреагировал мгновенно. Он перепрыгнул через сиденье на скамью рядом со мной. Монстры были теперь уже в сотне футов от нас, и я чувствовал их запах – не сравнимый ни с чем, что я знал до сих пор, нездоровый запах, похожий разве что на гнилые фрукты, едкий и терпкий.

– Прочь с дороги, Уилл Генри! – крикнул Доктор.

Я откатился в глубину телеги, а Доктор просунул руки под плечи мертвой девушки и с рычанием, не менее первобытным, чем наши преследователи, сбросил ее вниз с телеги. Мертвое тело ударилось о землю с тошнотворным глухим стуком.

– Сбруя! – крикнул Доктор. – Отпрягай лошадь от телеги, Уилл Генри!

Я понял его намерение, перелез через сиденье и прыгнул на землю рядом с выбившейся из сил лошадью. Несчастное животное обезумело от страха, ее глаза вылезали из орбит, ноздри трепетали, изо рта шла пена. Метнулась тень, что-то прыгнуло к лошади, и я невольно вскрикнул. Но это был всего лишь Доктор, распрягающий ее с другой стороны.

– Уилл Генри! – крикнул он.

– Готово! – крикнул я в ответ.

Доктор вскочил верхом на Бесс, подхватил меня за протянутую руку и поднял на лошадь, посадив позади себя. Бесс не потребовалось торопить – она рванула вперед, направляемая теперь уверенной рукой Доктора, к воротам кладбища, к дороге. Один лишь раз я обернулся – всего один – и тут же отвернулся, прижавшись щекой к спине Доктора, закрыв глаза, вцепившись обеими руками в его пальто. Я хотел одного – никогда не видеть того, что открылось моему взору, когда я обернулся.

Отчаянная уловка Доктора удалась: монстры бросили преследовать нас и накинулись на труп. Они рвали его на части в ненасытном бешенстве, подбрасывали куски белого савана в воздух, отрывали руки от туловища, отрывали ноги и голову – и отправляли куски плоти в свои глотки, поглощая их с хрустом. Последнее, что я увидел, прежде чем зарыться лицом в пальто Доктора, были роскошные темные кудри, свисающие каскадом с челюсти Антропофага.

К главным воротам... и через них. Прямо на Олд Хилл Семетри Роуд... и потом в направлении Нового Иерусалима. Бесс перешла с галопа на рысь, потом – на усталый шаг. Она шла, тяжело стуча копытами, с низко опущенной головой и слипшейся от пота темной гривой. Мы отдыхали вместе с ней, и тишина оглушала после нашей бешеной гонки. И единственное, что, как я помню, сказал Доктор за всю долгую дорогу домой, было:

– Что ж, Уилл Генри. Кажется, я должен пересмотреть свою первоначальную гипотезу.

Часть четвертая. «Время работает против нас»

По возвращении в дом на Харрингтон-лейн Доктор отправил меня наверх, чтобы я мог помыться и переодеться. Одежда у меня была очень грязная: с ног до головы я был покрыт землей и ошметками человеческой плоти. На правой стороне лица татуировкой запеклась кровь, тут и там пристали осколки черепа и серые кусочки мозга – того мозга, что развлекал Эразмуса Грея на протяжении шестидесяти с лишним лет. В раковину посыпался гравий с моих спутанных волос и обломки веток, тут же засорив водосток. Раковина наполнилась водой, быстро окрасившейся кровью в нежно-розовый цвет. Сморщившись, я погрузил руку в грязную воду, чтобы прочистить отверстие водостока, но тут взгляд моих детских глаз с нездоровым любопытством остановился на серых ошметках плоти, плавающих на поверхности засорившейся раковины. Не столько ужас переполнял меня, сколь изумление: шестьдесят лет надежд и стремлений, голода, любви и тоски выбиты одним молниеносным выстрелом – и нет больше ни сознания, ни мозга. Лишь остатки серого вещества плавают на поверхности воды – почти нематериальные и невесомые, как попкорн. Какой из этих ошметков отвечал за твои устремления, Эразмус Грей? Какая частица – за твою гордость? О, как же род человеческий жеманно гордится собой, как нравится себе! Ну, не самонадеянность ли полагать, что мы – нечто большее, чем содержится в нашей биологии? Какой контраргумент можно найти, какое веское возражение подобрать к утверждению Экклезиаста: «Суета, суета, все суета сует»?

– Уилл Генри! – донесся снизу голос Доктора. – Уилл Генри, где тебя носит? Пошевеливайся, Уилл Генри!

Я нашел Доктора в библиотеке. Приставная лестница высотой от пола до потолка шла вдоль высоких книжных полок. Доктор стоял на середине ее, все еще в пальто и сапогах, покрытых грязью. Очевидно, он не мог позволить себе роскошь тратить время на такие пустяки, как ванна и свежая рубашка. Не говоря ни слова, он указал на полки справа; я подкатил туда приставную лестницу. Позади нас, на длинном столе, занимающем большую часть комнаты, была разложена огромная карта Нового Иерусалима и его окрестностей. На четырех углах карты стояли четыре стопки книг.

– Так, где это? – пробормотал Доктор, пробегая тонкими пальцами по потрескавшимся корешкам старинных томов. – Да где же?! А, вот. Лови, Уилл Генри!

Он снял с полки толстенный том и бросил его с десятифутовой высоты, книга приземлилась на ковер с глухим стуком, прямо рядом со мной. Я посмотрел вверх на Доктора, он посмотрел вниз на меня. Половина его лица была залепана грязью; волосы, скатавшиеся и слипшиеся, как шерсть у дворняжки, падали на лоб.

– Я же сказал, лови, – прозвучал спокойный ровный голос.

– Простите, сэр, – промямлил я, подбирая книгу с пола и перетаскивая ее на стол. Я посмотрел на название: Геродот «История». Пролистнул несколько тонких страниц. Текст был на греческом, значит – оригинал. Я перевел взгляд с книги на монстролога.

Доктор резво соскочил с лестницы:

– Что ты так уставился на меня?

– Мистер Эразмус Грей... – начал я, но Доктор меня перебил.

– Мы – рабы, все мы – рабы, Уилл Генри, – сказал он, вынул книгу у меня из рук и положил сверху ближайшей стопки. – Некоторые из нас – рабы страха, другие – рабы разума, третьи – основного инстинкта. Но все – рабы, Уилл Генри, и все чему-то служим. Вопрос должен быть поставлен так: чему мы служим? Чему посвящаем себя? Выберешь ты служение правде или лжи, надежде или отчаянию, свету или тьме? Я выбираю служение свету, даже несмотря на то, что служба эта подчас проходит во мраке. Не отчаяние побудило меня нажать на курок, Уилл Генри. Моею рукой двигало милосердие.

Я ничего не ответил, лишь сглотнул, изо всех сил пытаюсь загнать обратно в глаза наворачнувшиеся слезы. Монстролог не сделал ни движения, чтобы утешить меня. Да он и говорил все это не для того, чтобы меня утешать. Такой цели он перед собой не ставил. Ему было наплевать, простил я ему убийство старика или нет. Он был ученым; прощение для него ничего не значило. Понимание – вот что было главным.

– Старик был обречен с того момента, как этот людоед зацепил его крючковатыми ногтями, – продолжал Доктор. – Вот говорят: где есть жизнь, там есть надежда. Но ничего более коварного нельзя придумать! Нет, Уилл Генри, он был обречен, как форель, заглатившая наживку. Никакой надежды. Он бы поблагодарил меня, если б мог. Как я бы поблагодарил тебя, Уилл Генри.

– Меня, сэр?

– Если однажды меня постигнет та же судьба, молю тебя, пристрели меня.

На дне его глаз остались невысказанными слова: «А ты должен молить меня в случае чего пристрелить тебя». Да уж не сомневаюсь: если бы в той яме оказался не Эразмус Грей, а я, Доктор не пожалел бы для меня милосердной пули. Однако я не стал ему возражать; у меня просто не было слов для того, чтобы спорить с ним. У меня, двенадцатилетнего мальчишки, был только немой протест ребенка, чье обостренное чувство справедливости было ранено рациональностью благого намерения авторитарного взрослого. И я не стал спорить, потому что не мог. Так что я кивнул. Я кивнул! Даже несмотря на то, что лицо мое пылало от праведного гнева. Возможно, я был рабом чего-то глупого и суеверного, по мнению Доктора, но то была мысль, что человеческая жизнь заслуживает того, чтобы попытаться ее спасти любым путем, а уничтожению жизни нет оправданий. Знал бы я той ночью, что вскоре произойдет в глубоком

темном чреве земли, я бы, по всей вероятности, не так желал стереть самодовольное выражение с его лица, врезав по нему своим маленьким кулачком. Скорее, я бы бросился в объятия монстролога в поисках утешения – утешения, которое может дать лишь тот, кто прокладывает дорогу в темноте.

– Однако довольно философии! К делу, Уилл Генри! – воскликнул Доктор, отодвинув меня в сторону так же небрежно, как он оттолкнул мой душевный порыв. Он обошел стол и склонился над картой, вглядываясь в нее. Красным кружком уже был обведен Новый Иерусалим. – Очевидно, что события сегодняшней ночи подтвердили неправомерность моей предыдущей гипотезы. Это целое взрослое племя Антропофагов, чей альфа-самец висит сейчас у нас в подвале. Двадцать – двадцать пять самок и дети. Возможно, всего тридцать, хотя обстоятельства были сложными для установления определенного количества.

Он поднял голову от карты.

– Тебе не удалось подсчитать их, Уилл Генри? – спросил он со всей серьезностью, как будто это было возможным – подсчитывать монстров, одновременно убегая от них.

– Нет, сэр, – ответил я.

– Но их примерно столько, сколько я сказал? – спросил он. – Двадцать пять – тридцать? Как, по твоим наблюдениям, сходится?

Сто тридцать! Вот сколько их было по моим наблюдениям. Но, возможно, это мне показалось из-за страха. Кладбище просто кишмя кишело чудовищами-людоедами, они лезли из всех дыр, просачивались из теней и скрывались за деревьями.

– Да, сэр, – ответил я. – Я бы сказал, двадцать пять. Двадцать пять – тридцать.

– Чушь! – заорал он и из всех сил хлопнул ладонью по столу. Его ответ был так резок, что я вздрогнул. – Никогда не говори мне того, что, по твоему мнению, я хочу услышать, Уилл Генри! Никогда! Я не смогу опираться на тебя, если ты выберешь путь попуая. Ложь – мерзкий порок, истинное зло. Всегда говори только правду. Всю правду, во всем, во все времена! Ни один человек не достиг истинного величия на крыльях подлострастия, обмана и хитрости. А теперь честно: на самом деле ты понятия не имеешь, было ли их тридцать, или пятьдесят, или двести пятьдесят?

Я кивнул.

– Да, сэр, – сказал я, – понятия не имею.

– Вот и я, – признался монстролог. – Я могу только предположить как человек образованный. Предположение это строится на том, что написано в книгах.

Он поднял том Геродота и быстро пролистнул несколько древних страниц, пока нашел нужный абзац. Он тихо прочел его по-гречески. Через пару минут он закрыл книгу, положил обратно в стопку и вернулся к карте. Он извлек из кармана линейку, измерил кратчайшее расстояние между Новым Иерусалимом и побережьем, а потом продолжил делать подсчеты в маленьком блокноте, все время что-то бормоча себе под нос. Тем временем я, только что бывший объектом его пристального внимания, стоял, совершенно позабытый. Человека, способного концентрироваться, не жалея сил, так глубоко, с такой самоотверженностью, как Доктор, я больше не встретил за всю свою долгую жизнь. После того как слепящий свет его внимания сместил фокус с меня на другие вещи, я чувствовал себя брошенным в темный колодец.

Доктор произвел несколько измерений, от границ нашей страны до различных морских портов вдоль побережья, тщательно отмечая каждый в своем блокнотике. Он проводил по карте вдоль края линейки тонкие линии, связывающие одну точку с другой. Наш город находился не далее чем в одном дне пути от побережья, так что вскоре весь пергамент был расчерчен десятками сложно пересекающихся линий и стал похож на паутину с ее сложным замысловатым узором. Я был не вполне уверен, но, кажется, Доктор пытался проследить, каким маршрутом монстры могли прийти в Новый Иерусалим.

Признаюсь, я воспринял его действия как очень, даже чрезвычайно странные. Это после того как мы едва унесли ноги, он стоит тут и тратит бесценное время на интересное, но бессмысленное упражнение! Да какая разница, откуда эти твари объявились или каким образом перебрались в наши места? Разве не больше проку было бы собрать со всей округи мужчин, способных сражаться, и объявить охоту на монстров-людоедов? Они же бродят тут, словно звери, выпущенные из клетки, бродят прямо среди нас – и они явно очень голодны! Я не мог стереть из памяти вид локонов Элизы Бантон, свисающих с клацающей челюсти прожорливого Антропофага. Что же мы медлим? Зачем он читает книги, изучает карты, делает замеры, когда стадо чужаков, страшных, как ночной кошмар, бродит за городом? Надо предупредить жителей о приближающейся опасности нападения, надо строить баррикады против близящейся осады. А время разгадывать загадку, как монстры попали сюда и как их искоренить, придет позже, когда жизни людей будут в безопасности! Кто еще, интересно, может погибнуть сегодняшней ночью так же ужасно, как Эразмус Грей, в то время как Доктор чертит свои линии, читает греков и делает записи в блокноте? Кого еще принесут на алтарь науки? Если такие вопросы приходили в голову двенадцатилетнему парнишке, то уж, конечно, они приходили в голову и человеку с интеллектом Уортропа.

Я размышлял над этой загадкой, припоминая его раннее предостережение против опасности страха. Неужели дело в этом? Неужели этот человек, величайший монстролог своего времени, поражен страхом? И все эти незначительные (с моей точки зрения) поиски в решающий момент – всего лишь способ избежать той горькой правды, что обстоятельства оказались сильнее него? Короче говоря, неужели он, Пеллино Уортроп, боится?

Убедив себя наконец, что я делаю это не для собственного эгоистичного спокойствия, а ради других, я заговорил. Я заговорил ради тех, кто спал невинным сном, даже не предполагая о смертельной опасности, нависшей над ними. Ради старика, похрапывающего в кровати. Ради ребенка, посапывающего в колыбели. Ради них я наконец заговорил:

– Доктор Уортроп?

Он продолжал заниматься картой.

– В чем дело, Уилл Генри?

– Мне сбегать за констеблем?

– За констеблем? Зачем?

– Чтобы... чтобы помочь, – заикаясь, произнес я.

– Помочь кому? Чем?

– Помочь нам, сэр. С этим... вторжением монстров.

Доктор отмахнулся, погруженный в расчеты.

– Антропофаги не станут нападать еще раз сегодня ночью, Уилл Генри, – сказал он.

Его темные волосы почти закрыли лицо, когда он низко склонился над картой; губы были плотно сжаты, как всегда, когда он был предельно сосредоточен.

Я бросил бы эту тему, если бы был уверен в его словах. Но недавняя гипотеза Доктора состояла в том, что Антропофагов всего два-три, и эти слова стоили жизни человеку. Так что я проявил настойчивость, какую никогда не позволил бы себе раньше:

– Откуда вам это известно, сэр?

– Известно что?

– Откуда вы знаете, что они не нападут снова?

– Потому что я умею читать.

В его голосе послышались нотки недовольства. Он похлопал по ближайшей стопке с книгами.

– Две тысячи лет наблюдений подтверждают мою точку зрения, Уилл Генри. Почитай Геродота, Плиния, Вальтера Скотта. Антропофаги наедаются досыта. Они охотятся, едят, а потом отдыхают – несколько дней, а иногда и недель – прежде чем снова выйти на охоту.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– А на что ты намекаешь, Уилл Генри? Что это – моя вина? Что кровь Эразмуса Грея – на моих руках? Что ж, возможно, это так. Я ошибся по поводу количества монстров? Очевидно. Но это было утверждение, основанное на имевшихся на тот момент данных, на логических построениях. Если бы мне сейчас дали те же факты, я бы пришел к тем же выводам и все так же рискнул, потому что считал время решающим фактором. Открытие старика заставило меня действовать быстрее, чем мне бы хотелось, и я уверен, что, будь у меня больше времени для тщательного анализа, я бы рассмотрел ту возможность, что Антропофаги могли уже и приспособиться к новым условиям каким-то непредвиденным способом (что они, судя по всему, и сделали). Но ты должен понимать, Уилл Генри, «возможность» – еще не значит «вероятность». Возможно, что завтра солнце взойдет на западе, но это не значит – вероятно. Я остаюсь при своем выводе, хоть я и заблуждался в предпосылках.

Теперь монстролог положил руку мне на плечо, и что-то в его взгляде потеплело.

– Мне жаль, что он погиб. Если тебе будет от этого хоть немного легче, вспомни, что он прожил долгую жизнь – жизнь, полную страданий и потерь, должен тебе сказать. Он полностью отдавал себе отчет в том, какая опасность нам грозит; и я не требовал от него ничего, чего не требовал бы от себя. Я не принуждал его ехать с нами сегодня ночью и не просил рисковать больше, чем готов был рискнуть сам.

Возможно, он заметил, как дрожит мое тело под его рукой, потому что продолжил уже совсем другим, холодным тоном:

– И я должен сказать, Уилл Генри, это чрезвычайно странно, что ты так много размышляешь по поводу его несправедливой кончины, а не по поводу своей спасенной жизни, которая оборвалась бы, не вмешайся я. Теперь ты понимаешь? Ты начинаешь понимать, почему я сказал, что он бы поблагодарил меня, если бы мог?

– Нет, сэр, не понимаю.

– В таком случае, я считал тебя умнее, чем ты есть.

Я стряхнул его руку со своего плеча и закричал:

– Да, я не понимаю! Простите меня, Доктор, но я совсем не понимаю! Нам не надо было идти туда сегодня ночью. Нам надо было дожидаться дня, чтобы отнести ее обратно. Если бы мы подождали и сходили за констеблем, старик, возможно, остался бы жив!

– Но это ведь не факты, – ответил Доктор миролюбиво. – Мы не подождали. Мы не вызвали констебля. Ты все никак не ухватишь суть, Уилл Генри. Твой отец давно бы уже сообщил, он бы не стал винить меня или осуждать. Он бы поблагодарил меня.

– Поблагодарил?!

– Как и тебе стоит поблагодарить меня за то, что я спас тебе жизнь, Уилл Генри.

Это было уже не просто обидно, это было оскорбительно, особенно с учетом того, что случившееся с моим отцом было результатом беспрекословного подчинения монстрологу. Из-за него умер мой отец, из-за него я потерял все, что было мне дорого. И вот этот самый человек стоит сейчас и требует моей благодарности!

– Пожалей я Эразмуса, – продолжал он, – старик не пожалел бы тебя и утанул в могилу. Я потерял бы тебя, Уилл Генри, а, как я уже говорил, твои услуги мне необходимы.

Что еще должен я сказать об этом странном одиноком человеке, об этом гении, который всю жизнь трудился как раб, над странностями самой странной из наук? Гении, которого мир почти не заметил и вскоре забыл? Но кому обязан многим. Кто не обладал, кажется, ни малейшей долей простоты и тепла, у которого не было достаточно сочувствия или сострадания, как не было и способности читать в чужих сердцах – равно как и в сердце двенадцатилетнего мальчика, чей мир целиком и полностью перевернулся в одно мгновение. И в такой момент упомянуть моего отца! Что еще могу я предложить в подтверждение моей гипотезы, что высокомерие и надменность этого человека были так высоки – или так низки, – как редко увидишь за

пределами греческого театра или трагедий Шекспира? Он не затемнял смысла, не увиливал, говоря со мной. Он не облакал слова в успокоительные формы истасканных клише. Он спас мне жизнь, потому что моя жизнь была ему важна. Он спас мою жизнь для себя, для продолжения осуществления своих планов. Таким образом, даже его милосердие уходило корнями в его эго.

– Поблагодари меня, Уилл Генри, – сказал он мягко, но тон его был настойчив, словно учитель обращался к непокорному ученику. – Скажи мне спасибо за спасение твоей жизни.

Я пробормотал слова благодарности, глядя себе под ноги. Хотя я говорил чуть громче, чем шепотом, он, казалось, остался доволен. Он похлопал меня по плечу и, развернувшись, пересек комнату быстрой походкой.

– Я не забуду его! – бросил он через плечо. Я решил, что он все еще говорит о моем отце, но он говорил не о нем. – Хотя его мотивы были, мягко говоря, нечисты, но его находка, несомненно, спасла жизни и, возможно, открыла нам совершенно новый вид Антропофагов. Я внесу предложение в Научное Общество Монстрологов, чтобы этот вид назвали в честь старика: Антропофаг Американис Эразмус.

Мне это показалось слабой компенсацией, но я придержал язык.

– Потому как если мои подозрения верны, это именно генерация Антропофагов, которые блестяще адаптировались на новом месте – месте, радикально отличающемся от их родной Африки. Новая Англия – не саванна, Уилл Генри. Ха! Совсем не саванна!

Разговаривая, он перерывал газеты на полках.

Монстролог подписывался на дюжины газет – ежедневных, еженедельных и выходящих раз в месяц, от «Нью-Иерусалим газет» до «Глоуб», от «Таймс» из Нью-Йорка и Лондона до крошечного издания в ближайшей деревушке. Каждый вторник толстенная пачка газет падала нам на крыльцо и попадала (приносил ее, разумеется, я) в библиотеку. Там газеты сортировались (мной) в алфавитном порядке, по дате публикации. В начале моего обучения у Доктора мне казалось странным, что, невзирая на количество получаемых газет, он даже не просматривает броские заголовки. Я такого, во всяком случае, не видел. Однако его всегда крайне волновали «события дня», от громких до самых незначительных. Он мог не читать о превратностях рынка ценных бумаг и игнорировать последний показ мод в Париже. Должно быть, решил я тогда, он оставляет их на «вкусненькое» и читает потом ночью, когда я уже уйду в свой альков. Долгое время, на основании этого вывода и кое-каких других фактов, я был уверен, что монстролог вообще не спит. Я никогда не видел его спящим, даже в те периоды меланхолии, о которых я упоминал и которые длились по две недели, а то и дольше. Тогда он просто лежал в постели, и недомоганию его ничем нельзя было помочь.

В первые месяцы моей жизни на Харрингтон-лейн сон никак не шел ко мне. Я не высыпался и одновременно боялся уснуть. Я нуждался в отдыхе, но не в кошмарах, не в ужасных повторениях снова и снова во сне того чудовищного, что случилось с моими родителями. Тянулись мрачные ночные часы, и, наконец, когда изнеможение достигало своего предела, я прокрадывался вниз по лестнице и заглядывал в комнату на втором этаже. Увы, там никого не было, и кровать была пуста. Я тихонько спускался по лестнице еще ниже – туда, где на первом этаже либо свет из библиотеки заполнял холл, либо с кухни доносился стук сковородок и чайника или звон серебряной ложечки о фарфоровую чашку. Чаще всего, однако, Доктор был в лаборатории – возился со своими бутылочками, пузырьками и образцами в банках. Шкафы были заполнены костями и высушенными внутренностями. И всю ночь он проводил там. На рассвете он поднимался по лестнице на кухню – поднимался вместе с солнцем из тьмы причуд и гниения, чтобы приготовить нам утреннюю трапезу (или, как чаще бывало, поспешно съесть то, что приготовил я). Его халат был вечно пропитан кровью, кусочками тканей и других биологических ошметков, природу и происхождение которых я предпочитал не знать.

Однако бывали и другие времена, когда мои ночные вылазки были не нужны. Он приходил сам. Всегда, казалось, в самый страшный ночной час, именно в тот момент, когда я начинал дремать, что было мне все же необходимо, – именно тогда раздавались его тяжелые приближающиеся шаги. Если даже это меня не будило, он влетал внутрь комнаты и стучал кулаком по низкому потолку, громко крича:

– Подъем, подъем, Уилл Генри! Пошевеливайся! Ты мне срочно нужен внизу!

И вот я тащился, едва переставляя ноги, туда, где я больше всего боялся находиться, – в подвал. Там я устал, с трудом взгромоздился на табурет, а он принимался диктовать мне письмо или последний отчет для Научного Общества Монстрологов – задача, которая, по моему слабому разумению, вызванному бессонницей, могла бы подождать и до утра.

Иногда, однако, он поднимал меня с постели без видимой причины вообще. Я сидел на табурете, зевая, а он рассуждал до восхода солнца об эзотерике, определенном направлении знаний или каком-нибудь новейшем научном открытии. И хотя это было мне малопонятно, а порой и раздражало, потому что будил он меня всегда именно в тот момент, когда на меня наваливался долгожданный сон без сновидений, я наконец догадался, что и эта моя услуга была ему так же необходима, как любая другая. Возможно, эта даже была самой важной из всех: разделить чудовищное бремя его одиночества.

Я долго смотрел, как он кружил вокруг длинного стола, вдоль полок, собирая газеты в пачку, которую уже едва мог удержать, прежде чем я осознал, что ему, наверное, нужна моя помощь. Но как только я бросился помогать, он остановил меня, приказав приготовить бумагу, блокнот и ручку. Он продолжал сканировать взглядом газеты – особенно некрологи – и делал пометки, диктуя мне и иногда откладывая газеты и блокнот в сторону, чтобы нанести отметки на карте. Постепенно точки на ней стали образовывать некое скопление, продвигающееся с запада на восток, по направлению к побережью Атлантики. Цель графических отображений была очевидна: Доктор отслеживал миграцию Антропофагов.

Первое письмо, которое я отнес вниз, было адресовано Научному Обществу Монстрологов. В нем сообщалось о новом открытии и кратко излагалась история событий, последовавших за вскрытием могилы Элизы Бантон, вместе с которой был обнаружен мертвый самец Антропофаг. Доктор не упомянул о нашей безумной ночной вылазке и невероятном бегстве с кладбища, в ходе которых мы едва не погибли; возможно, он почувствовал, что это могло бы выставить его трусом, но я подозреваю, еще более он защищал свою репутацию и хотел скрыть ту болезненную правду, что он ошибся в своей первоначальной теории.

Он добавил постскрипtum, сообщавший Обществу, что он намерен прислать позже специальной почтой свои заметки по поводу вскрытия трупа взрослой особи Антропофага.

Диктуя, он методично просматривал свой блокнот, вырывая листы и тщательно разделяя их на две стопки. Это было виртуозно, потому что в блокноте содержался исследовательский материал за три с лишним года работы. Время от времени он прерывал самого себя пронзительным криком или возгласом, слишком страстным, чтобы я мог понять, был ли то звук радости или горя. В другой раз он, бывало, принимался хохотать до слез, так что голова его тряслась, когда он вносил пометки в блокнот.

– Теперь еще одно, доктору Джону Кернсу, в Институт Смитсона, Вашингтон, округ Колумбия, – приказал Доктор. – Дорогой Джек, – начал он и вдруг остановился, нахмутив брови и закусив нижнюю губу. – Нет, лучше написать письмо Стенли... Ну, конечно, это же ясно, – пробормотал он себе под нос. – Стенли – настоящий эксперт... Вот только он сейчас в Буганде, и даже если он сможет выехать немедленно, это дело разрешится прежде, чем он достигнет Бермуд... Но кто еще есть, кроме Кернса?

Он продолжал рассуждать с оттенком отвращения. Я никогда не слышал от него об этом Джоне Кернсе и решил, что тот тоже, должно быть, монстролог или исследователь-практик в

близкой к монстрологии области. Увы, я ошибся по обеим статьям. Джон Кернс не был ни тем, ни другим. Он был кое-чем большим, как я, к великому своему сожалению, выяснил позднее. Большим – и одновременно несоизмеримо меньшим.

А пока что письмо, адресованное Джону Кернсу, гласило:

Дорогой Джек,

в Новом Иерусалиме завелся потенциально новый вид Антропофагов. Это племя, состоящее примерно из тридцати – сорока взрослых особей. Они выше и агрессивнее, чем Африканские Антропофаги. Требуется твоя незамедлительная помощь. Можешь ли ты приехать как можно скорее? Твой приезд и пребывание будут полностью оплачены. Надеюсь, ты в добром здравии и т. д. и т. п.

Твой покорный слуга,

Пеллино Уортрон.

Закончив диктовать письмо, Доктор умолк на несколько минут. Он облокотился локтями о стол так, что плечи его приподнялись над головой. Он подался вперед, впериw взгляд в карту, испещренную точками и зигзагообразными линиями, неминуемо ведущими к морю. Потом он выпрямился с тяжелым вздохом, прижал руки к пояснице; затем нервно пригладил волосы своими длинными бледными пальцами. Он снова взял в руки записную книжку и принялся изучать выкладки и расчеты, ритмично постукивая карандашом по странице и продолжая покусывать нижнюю губу. Я стоял в двух шагах от него, но он меня уже не видел. Я снова был забыт. Мне это было не в диковинку, но привыкнуть я так и не смог.

Нет одиночества более сильного, чем рядом с человеком, который не видит тебя в упор, занятый собственными делами. Проходили дни, мы жили бок о бок, работали в лаборатории, а он не замечал меня – я не слышал от него ни слова. Когда же он говорил, ему не требовалось моих ответов. Наши роли были расписаны раз и навсегда: он говорит – я слушаю. Он – оратор, я – аудитория. Я давно научился не заговаривать прежде, чем он обратится ко мне. Я подчинялся любому приказу без лишних вопросов, каким бы загадочным или абсурдным ни был этот приказ. Я был как солдат на службе, хотя редко понимал, чему именно я служу.

Звезды погасли на небе, упрямая хватка ночи ослабла наконец, а монстролог все еще трудился над картами, книгами и газетами, делая замеры и производя подсчеты, записывая все в свою маленькую записную книжку. Временами он вскакивал из-за стола в крайнем возбуждении, размахивал руками и потирал лоб, бормотал что-то себе под нос и ходил туда-сюда. Он был охвачен одним из приступов исследовательской страсти. Повсюду стояли чашки изпод черного чая – в случаях маниакального напряжения мысли он поглощал его литрами. За все годы, что я жил у Доктора, я ни разу не видел, чтобы хоть капля алкоголя коснулась его губ. Уортрон хмурился при упоминании о спиртном и часто высказывал недоумение, как люди могут с таким воодушевлением превращать себя в идиотов.

За окном занимался рассвет, а я, заваривая на кухне очередной чайник чаю, не смог отказать себе в удовольствии съесть несколько черствых галет, чтобы хоть как-то поддержать иссякшие силы, – если помните, все, что я съел за ту ночь, было несколько ложек сомнительного супа, приготовленного Доктором. У меня болела спина, и каждая мышца тела ныла от усталости. Я передвигался неловко, еле-еле, словно в тумане. Тот адреналин, который держал меня на ногах с момента возвращения с кладбища, весь выветрился. Я едва не падал. Мысли с трудом шевелились в голове, тело почти не слушалось – я был в нем словно незваный гость. Когда я принес чайник с чаем в лабораторию, Доктор был на том же месте, что и раньше. Тишина. Только тикают часы на каминной полке. Вот Доктор вздохнул – глубоко, устало и разочарованно. Он пересматривал газеты в стопке, пока не нашел одну, в которой была статья, уже обведенная им прежде в кружок. Он читал ее минуту-другую, бормоча одно и то же

слово, потом уронил газету на остальные и обратился к карте, где соответствующим цветом был обведен кружочком – Дедхем.

– Дедхем, Дедхем, – бормотал монстролог. – Почему же это название кажется мне знакомым?

Он склонился над картой так низко, что едва не уперся носом в стол. Указательным пальцем он трижды постучал по точке на карте, повторяя:

– Дедхем (стук пальца), Дедхем (стук пальца), Дедхем (снова стук пальца).

Вдруг он посмотрел на меня в упор осмысленным взглядом. В глазах его виднелась строгая мысль, уверенный логический вывод. Этот взгляд тут же выдернул меня из состояния ступора, в котором я пребывал последнее время. Только что меня не существовало – и вот по мановению руки, руки Доктора, я возник из небытия. Словно я был мертв и родился вновь.

– Дедхем! – воскликнул он, размахивая газетой над головой. Ее шорох разорвал тишину пыльной библиотеки. – Дедхем, Уилл Генри! Я знал, что уже слышал это название где-то раньше! Быстро – беги в подвал. Под лестницей найдешь дорожный сундук. Сейчас же тащи его сюда. Сейчас же! Пошевеливайся, Уилл Генри, пошевеливайся!

Первое «пошевеливайся» было сказано в силу привычки, во втором прозвучала ярость, потому что я не бросился со всех ног в подвал. Само это слово – «подвал» – парализовало меня. Но вторую команду не услышал бы разве что глухой. Я тотчас же рванул из библиотеки, уже чуть медленнее вбежал в кухню, еще медленнее открыл дверь, ведущую к лестнице в подвал... туда, где висел монстр на стальном крюке, а вокруг стояли стеклянные банки, в которых были заспиртованы его органы. Теперь людоед превратился в страшный опустошенный сосуд, а его содержимое располагалось отдельно на полках. Кроме того, там еще стояла банка с зародышем Антропофага, извлеченным из живота девушки, – кошмар кошмаров, безголовая масса с когтями, уже выпачканными человеческой кровью, со скрюченными ручками и зубками-лезвиями на груди. Я вспомнил, как в последней битве за жизнь эти зубы щелкали и кусали пустой воздух вокруг – и содрогнулся.

Утренний свет, по-весеннему щедро бьющий сквозь открытые окна, хлынул вниз по узкой лестнице в подвал, однако тьма у подножия лестницы будто оттолкнула его или послужила волнорезом: весенний свет разбился о нее, словно о каменную глыбу. Снизу потянуло запахом мертвого Антропофага – тошнотворной смесью прогнивших склизких фруктов и биологического разложения.

Я отвернулся от открытой двери, набрал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание – так и спускался, одной ладонью зажав нос и рот, а другой опираясь о холодную каменную стену. Старые ступени скрипели и стонали, когда я, дрожа, ступал на них. Ноги немели и подгибались по мере того, как воображение брало верх над холодным разумом. С каждым шагом сердце мое стучало все громче, ибо перед мысленным взором вставал образ безголового зверя, застывшего на всех четырех лапах на каменном полу в ожидании моего приближения. Его пустые черные глаза глубоко посажены на плечах, пасть заполнена несколькими рядами сверкающих зубов. Он, словно лев в саванне, притаившийся в кустах, словно акула, замершая в тени рифа в ожидании добычи. А добыча – хрупкая газель, маленький тюлень – это я. Как только я подойду достаточно близко, он поднимется, перемахнет через перекладину и вцепится мне в ногу своими трехдюймовыми зубищами. И как только это случится, я буду приговорен – приговорен, как Эразмус Грей, схваченный за ногу в могиле Элизы Бантон. А монстролог? Бросится ли он мне на помощь с револьвером, услышав мои вопли, и выполнит ли обещание, данное не больше двух часов назад? Скатившись по лестнице и узрев меня наполовину в пасти чудовища, сжалится ли он надо мной, пустив мне пулю в лоб?

На полпути вниз я понял, что не могу идти дальше. От задержки дыхания кружилась голова, сердце билось в пятках, меня всего трясло с ног до головы. (Кстати, где моя шапочка? Неужели я потерял ее у могилы?!). Я замерз, а моя несоразмерно длинная тень, падающая на

ступени, не имела головы, в чем я до сих пор пытаюсь найти скрытый юмор. Итак, я осторожно вдохнул, и холодный воздух наполнил легкие. Я глотнул немного этой отравы, надеясь, что этого хватит для завершения моей миссии. «Давай, Уилл Генри! – скомандовал я себе. – Доктор ждет!» Мне и в голову не могло прийти вернуться к нему с пустыми руками. Итак, оттолкнув врага, известного всем воинам, напоминая себе, что я был свидетелем расчленения Антропофага и видел это собственными глазами – и таким образом задвигая все сомнения в том, жив он или нет, – я преодолел оставшиеся ступени и оказался внизу под лестницей. Сундук стоял там, прислоненный к стене и покрытый слоем пыли. Он издал протестующий звук, когда я потянул его из уютного уголка, где он примостился – словно живое существо заворчал, разбуженное от долгого сна. Ухватив его за старую кожаную ручку, я поднял сундук над полом на пару дюймов: тяжело, но не настолько, чтобы я не мог занести его наверх. Я поставил его на пол и волоком дотащил до первой ступеньки, стараясь смотреть только прямо, хотя краем левого глаза я видел черную тень – чернее обычного мрака старого подвала. Антропофаг. Когда я поднял сундук, чтобы затащить его наверх, заговорил голос моего врага; страх зашептал мне в ухо – эхом отдавались слова Уортропа: оплодотворенное яйцо вкладывается в рот мужской особи, где покоится в мешочке, расположенном вдоль нижней челюсти. У самца есть два месяца, чтобы найти утробу для своего отпрыска, потом защитная пленка рвется, и отец либо глотает зародыш, либо давится им насмерть...

А вдруг во время вскрытия Доктор что-то упустил? Вдруг еще один зародыш Антропофага спокойно притаился во рту выпотрошенного монстра, развился там и выбрался из своего кокона? А теперь быстро пробирается по полу в мою сторону? Там, на кладбищенской дороге, Доктор говорил, они отлично взбираются вверх. Что, если с помощью своих острых ногтей этот уже взобрался на потолок над моей головой, и, стоит мне сделать еще шаг – он обрушится на меня, и вцепится своими бледными лапками, и вырвет мне глаза? Я прямо увидел, как я кручусь посреди лаборатории, кровь хлещет из моих пустых глазниц, а существо размером с кулачок сползает по моему лицу и обрывает мои истошные вопли, вырывая мне язык мускулистой лапкой и съедая его крошечными острыми зубами. Это было нелепое видение, порожденное паникой, но в момент паники ты не чувствуешь ее нелепости. Паника обладает собственной логикой и силой. Она погнала меня вверх по лестнице, дала мне неестественную силу и стойкость. Я не чувствовал ни тяжести сундука, ни боли в пальцах и плечах, ни того, как сильно бил сундук мне по коленкам, когда я стремительно взбирался вверх. Солнце затопило верхние ступени, купая меня в сверкающем душе торжествующего света. Я закинул короб на пол кухни и протолкнул его внутрь, взобрался еще по трем ступенькам вверх, перескочил через кухонный порог и изо всех сил захлопнул за собой дверь. Я ловил ртом воздух, голова у меня кружилась, перед глазами плясали черные точки. Чувство было такое, будто я избежал страшной опасности – но какой? Так часто и бывает: чудовища, владеющие нашим сознанием, – не более чем наши собственные страхи и фантазии.

– Уилл Генри! – позвал Доктор. – Ты что там, уснул? Или решил поесть? Время сна кончилось, а поесть сможешь позже. Пошевеливайся, Уилл Генри!

С глубоким вздохом – каким же сладким казался воздух здесь, наверху! – я поднял сундук и потащил его через холл в библиотеку. Доктор с нетерпением ждал в дверях. Он принял сундук из моих рук и грохнул его рядом с рабочим столом, едва не проломив доски пола.

– Дедхем, Дедхем, – бормотал Доктор, опускаясь на колени перед старинным сундуком.

Он откинул медные защелки и поднял тяжелую крышку. Я тихонько приблизился, с любопытством глядя через его плечо, – мне не терпелось узнать, что там, внутри сундука, который я, проработавший с Доктором большую часть года, никогда не замечал в углу под лестницей, где он притаился в тени. И какое отношение содержимое сундука имеет к той проблеме, над которой корпит сейчас доктор? И почему это важнее, чем разгуливающие тут и там Антропофаги?

Первым, что Доктор извлек из сундука, была человеческая голова, мумифицированная и сжавшаяся до размера апельсина. Цвет кожи напоминал черную патоку. Глаза были закрыты. Открытый беззубый рот застыл в безмолвном крике. Доктор отложил голову в сторону, едва взглянув на нее. Но, почувствовав мой взгляд, обернулся – и что-то в выражении моего лица рассмешило его. Он улыбнулся, хотя делал это очень редко. Улыбнулся – и улыбка полностью преобразила его черты.

– Голова моего отца, – сказал он.

При этом признании мой болезненный интерес к жуткой голове тут же улетучился, уступив место страху совсем иного рода. Я знал, что Доктор – человек странный, но это было уже слишком. Слишком неестественно. Слишком похоже на сумасшествие. Что за человеком надо быть, чтобы хранить в сундуке под лестницей мумию головы собственного отца? Вдруг Доктор на самом деле – сумасшедший?!

Он заметил, как меня перекосило, и позволил себе улыбнуться еще раз:

– Уилл Генри, это не собственная голова моего отца. Это голова из коллекции необычных вещей, которые он собирал во время своих путешествий.

И он спокойно продолжил разбирать сундук. На свет появились кипы бумаг, пачки писем и то, что впоследствии оказалось юридическими документами; большая упаковка, перетянутая шпагатом; кожаный мешок, судя по звуку, с какими-то брякающими штуковинами.

– Вот главная загадка того, что Антропофаги появились в этих краях, Уилл Генри, – сказал он. – Конечно, тебе уже приходило в голову, что это весьма странное совпадение, учитывая то, что я – единственный монстролог в наших краях на пятьсот миль кругом. Разве не странно, Уилл Генри, что необычный, представляющий интерес именно для меня вид монстров появляется вдруг в десяти милях от города, где я живу и работаю?! Беспристрастный наблюдатель сказал бы, что случайность в данном случае слишком маловероятна, а более вероятно то, что я каким-то образом причастен к их появлению. Разумеется, я не имею к этому никакого отношения; для меня это такая же загадка, как для любого беспристрастного судьи. Мы не можем полностью отбросить возможность действительно из ряда вон выходящего совпадения, так как совпадением это, по всей видимости, и является. Хотя я лично сомневаюсь. Да, я сомневаюсь.

Очки. Бархатный футляр с мужскими часами и обручальным кольцом. Старая деревянная трубка, вытертая до кремового цвета за десятки лет использования. Небольшая деревянная шкатулка с коллекцией фигурок из слоновой кости. Эти фигурки Доктор оставил в ладони и продолжал потряхивать время от времени, разбирая сундук дальше, и фигурки тихо брякали одна о другую.

– Нет в мире университета, где преподавали бы монстрологию, Уилл Генри, – сказал он. – Общество регулярно проводит семинары, но только по приглашению. На этих семинарах выдающиеся практики в нашей области читают лекции о достижениях в своей сфере исследований. Большинство из нас, если не все, отдаются в ученики мастеру, который обучает нас этой науке, официально признанной Научным Обществом. А, вот и оно!

Он торжественно вытащил наружу книгу в кожаном переплете, дважды обмотанную бечевкой. Ее обложка и корешок были вытерты до блеска за долгие годы использования.

– Вот, Уилл Генри, возьми-ка, поддержи минутку, – сказал Доктор, передавая мне в руки фигурки из слоновой кости. Он разорвал бечевку на книге, а я в это время рассматривал фигурки, все еще теплые от ладони Доктора. Всего их было шесть. Они были вырезаны изысканно и фактурно. Их головы были непропорционально большими, на лицах – гримасы, руки обвиты вокруг туловищ. Фигурки были не объемными, а плоскими, как домино. Хотя Доктор был поглощен чтением старой книги, которая оказалась не то дневником, не то ежедневником, исписанным элегантным почерком с рисунками на полях, он, видимо, заметил, с каким любопытством я изучаю фигурки. Потому что сказал:

– Это гадальные кости из Новой Гвинеи. В последние годы мой отец был увлечен оккультными обрядами одного шаманского племени. Эти были вырезаны их шаманом из костей врага.

Так, значит, это не китовая кость. Человеческая! А Доктор продолжал:

– Хотя «увлечен» – это мягко сказано. Скорее, отец был одержим, это слово больше подходит. Он страшно боялся собственной смерти; как и многие, он рассматривал смерть как вызов человеческой гордости, чувству собственного достоинства. И последние годы его жизни были посвящены попыткам обмануть естественный порядок вещей или хотя бы вырваться из ледяных объятий Смерти на несколько мгновений сверх меры, которая была ему суждена. Кости, которые ты сейчас держишь в руках, как предполагал отец, могут предсказывать будущее того, кто их бросает. Но трактовать значение того, как они упадут – определенную последовательность фигур, упавших лицом вверх или вниз, – он так до конца и не научился. Однако он часами изучал эту науку и вкладывал в это всю душу. Не помню всех формул, хотя помню, что последовательность «шесть фигур лицом вверх» имеет какой-то жуткий смысл – то ли скорую смерть, то ли вечное проклятие – какая-то такая чепуха.

Внезапно он вскочил на ноги с победоносным криком. Я отпрянул на несколько шагов, ошарашенный столь бурным проявлением эмоций. Кости выскользнули у меня из рук и раскатились по ковру с тихим стуком. Я с трепетом нагнулся, чтобы их подобрать, – мне было боязно, что я увижу шесть ухмыляющихся изображений «лицом вверх». Так... Четыре вверх лицом, два – вниз. Конечно, я не знал, что означает такая комбинация, но все равно почувствовал облегчение. Не думая, я положил кости себе в карман.

– Дедхем! – воскликнул монстролог. – Я знал, что уже видел это раньше! Вот, Уилл Генри, смотри, в записи отца значится: «Девятнадцатое ноября, 1871 года: Дедхем. Я в последний раз побывал в «Мотли Хилл». Я просто не могу заставить себя пойти туда снова, чтобы видеть его измученные черты, видеть на его лице отчетливо отраженным вероломство своего греха. При моем появлении он разволновался и требовал, чтобы я раз и навсегда подтвердил его рассказ о страданиях и бедствиях, что поможет ему выиграть судебный процесс и получить, таким образом, полное прощение и освобождение. Но я вынужден был отклонить это требование во имя интересов науки и своих собственных. Уступить и сделать подобное признание значило бы наверняка добиться противоположного результата. Это могло бы, вероятнее всего, продлить его заключение на всю жизнь – равно как заключить на всю жизнь и меня. Так сильно рисковать я не мог и попытался объяснить это ему, и тогда он стал физически угрожать мне, и я вынужден был уйти... Бедный страдалец! Прости меня, В., прости меня! Ты не первый, чья участь – платить за грехи других! Прости мне мой проступок – не первый и, боюсь, не последний. Увидимся снова на Страшном суде. Я отвечу за все, что сделал с тобой... Я не могу продолжать... приближается время ведьм, «когда зевает кладбище и сам ад выдыхает яд». Хотя я заражен до мозга костей, я должен ответить страшному собранию. Колокол звонит, Час ведьм приближается, и сам Христос подвергается насмешкам...»

Уортроп прекратил читать и закрыл книгу, заложив ее пальцем. Тень прошла по его спокойному лицу. Он вздохнул, поднял глаза к потолку и тихонько поскреб себя под подбородком.

– Продолжение следует. Больше душераздирающего бреда, больше самоистязания, самобичевания и вины. Когда отец был молод и начинал свой путь в науке, равных ему не было, Уилл Генри. Его ум только совершенствовался, питаемый неустанным любопытством, неослабевающей тягой к знаниям и беспрестанными поисками истины. Наша наука во многом обязана ему, его работе в юные годы. Но когда он стал старше и страх собственной смерти начал одолевать его, отец принялся стремительно погружаться в пучину глупых примет, суеверий и бессмысленного чувства вины. Умер он испуганным, поглупевшим человеком, совершенно непохожим на того блестящего ученого, каким был когда-то. Он был раздавлен страхом, одержим чувством вины и тянул за лямку баржу вымышленного стыда и выдуманного позора.

Доктор снова вздохнул, на этот раз продолжительнее и горше.

– И умер он в одиночестве. Моя мать отошла в мир иной на десять лет раньше, а я в это время был в Праге; коллеги один за другим покинули его за несколько лет, на протяжении которых он впадал в маниакальное состояние. Я вернулся в Америку уладить его дела, тогда я и обнаружил вот это, – он поднял старую книгу, – летопись медленного падения моего отца в бездну безумия. Очевидно, это всего лишь один том из множества, который он по причинам, мне неизвестным, не уничтожил. Я долго недоумевал над смыслом этого пассажа, только что прочитанного тебе, и вплоть до настоящего момента я не был до конца уверен, что он, как и многие предыдущие и последующие, не является бредом больного, одержимого сожалениями и болезнью, подтачивающей здоровье, имя которой Сомнения... Нигде больше на протяжении всего дневника он не упоминает Дедхем, «Мотли Хилл» или этого загадочного В.; не встречал я этих имен и в его опубликованных статьях или отчетах Научному Обществу.

Доктор взял со стола газету, которая лежала наверху высокой стопки.

– Я нигде больше не встречал этих имен до сегодняшнего дня, когда увидел их вот в этой газете, которая хранится у меня вот уже три года. Три года, Уилл Генри! И теперь я боюсь, что грех отца отныне ложится на плечи его сына.

Он уронил газету на стол и прижал кулаки к глазам.

– Если можно назвать это «грехом», – пробормотал он. – Ложный термин для науки, но вот для самих ученых – вовсе нет!.. И вот появляется критический научный вопрос, Уилл Генри: сколько Антропофагов попало сюда, на наши берега? Ответ на этот вопрос будет ключом ко всему, потому что, не зная этого, мы не можем понять, сколько их здесь сейчас. Здесь – это не только в Новом Иерусалиме, но и на всей территории Новой Англии. Инвазия легко может оказаться более экстенсивной, чем показали наши подсчеты на кладбище.

Еще несколько минут он изучал карту, затем отвернулся от стола и, споткнувшись о старый сундук, пошел прочь. Казалось, чертя линии на карте, он нарисовал глаза Медузы Горгоны. Эти же глаза смотрели на него со страниц старого дневника, который он не брал в руки три года, – со страниц, много лет назад испещренных каллиграфическим почерком сумасшедшего. И Доктор не мог встретиться взглядом с этими глазами и смотрел в сторону, дабы не быть обращенным в камень.

– Время работает против нас, – сказал монстролог. – В нашем распоряжении не больше двух, от силы трех, дней. Потом Антропофаги атакуют снова. Иди, Уилл Генри, иди быстрее и отправь письма по почте. Нигде не останавливайся и ни с кем не заговаривай. Туда и обратно. Сегодня вечером мы уезжаем в Дедхем.

Часть пятая. «Порой мне очень одиноко...»

Меньше чем через час, подчиняясь приказу сбежать на почту и обратно без остановок (что было непросто, ибо мой маршрут пролегал мимо пекарни, где запах горячих булочек и хлеба буквально опьянил меня), я вернулся в дом на Харрингтон-лейн и тут же прошел в библиотеку, ожидая увидеть там хозяина, однако его там, как ни странно, не было. Рабочий стол был завален бумагами и записями, сундук стоял с откинутой крышкой, словно он раскрыл рот, зевая, а его содержимое было разбросано кругом – дневник отца, сверху – сморщенная голова с навечно открытым в крике ртом; Пеллинора Уортропа нигде не было. Я вошел через заднюю дверь и потом через кухню в библиотеку, но его не встретил. Я вернулся на кухню, покосился затравленно на дверь в подвал, но свет внизу не горел, и из черного зева не доносилось ни звука. На всякий случай я тихонько позвал Доктора по имени. Ответа не последовало. Возможно, на него навалилась такая же усталость до ломоты в костях, какая одолевала сейчас и его ассистента, и он удалился наверх, чтобы лечь в кровать? Хотя вероятность этого казалась до смешного малой. Как я уже говорил, Доктор, когда был охвачен жадной деятельностью, не хотел или не мог испытывать обыкновенные человеческие потребности в отдыхе и пище. Он

жил на каком-то скрытом резерве, который в его тощей угловатой фигуре было трудно разглядеть человеку малознакомому.

Вспомнив свой иррациональный страх, испытанный ранее на ступеньках, ведущих в подвал, – а вдруг какая-то часть монстра, висящего там, выжила? – я быстро спустился вниз к полуоткрытой двери и снова позвал Доктора:

– Доктор Уортроп! Доктор Уортроп, вы там?

Молчание. Я развернулся, пересек холл, прошел мимо библиотеки и вошел в кабинет. Это любимое убежище монстролога в моменты кризиса тоже пустовало. Пустовала и гостиная, и все комнаты на первом этаже. Конечно, если бы он ушел из дому, он бы оставил записку, объясняющую его отсутствие. Я вернулся в библиотеку. Когда я стоял у рабочего стола, взгляд мой упал на статью, обведенную кружочком, – ту самую статью, которая пробудила его воспоминания, вызвав озарение, когда он воскликнул: «Я знал, что уже видел это раньше!» Я взял в руки газету, чтобы прочесть статью. Заголовок гласил:

КАПИТАН ВАРНЕР ВЕРНУЛСЯ В ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ЛЕЧЕБНИЦУ

Вчера, почти двадцать лет спустя после заключения, в Генеральном Апелляционном Суде прошло финальное слушание по делу Капитана Хезекии Варнера. Суд вынес милосердное решение.

Капитан Варнер обвинялся в марте 1865 года в нарушении долга и преступной халатности в море, когда его корабль – грузовое судно «Ферония» – было выброшено на мель в двух милях от побережья неподалеку от Суомпскотта.

Во время первого слушания Капитан Варнер дал показания, что он был нанят определенными сторонниками Конфедерации, чтобы обеспечить движения сопротивления «продуктами и вещами» и что весь его груз и команда были захвачены в море «существами не из этого мира, но из самых глубин преисподней».

Во время нынешнего слушания Капитан Варнер, которому теперь 72 года и который пребывает в плачевном физическом состоянии, сам произнес речь в свою защиту, отрекаясь от своих предыдущих показаний и отмечая, что провел в море два дня в одиночестве после того, как покинул судно и получил сильный солнечный удар. Капитан Варнер не предоставил свидетелей со своей стороны. Доктор Дж. Ф. Старр выступил со стороны Штата, дав показания, что, по его мнению, Капитан Варнер пребывает не в своем уме. «Он был сумасшедшим двадцать лет назад; он является таковым и сейчас», – сказал Доктор Старр. По решению суда, Капитан Варнер возвращен в санаторий «Мотли Хилл» – частную психиатрическую лечебницу Доктора Старра в Дедхеме, где он и был заключен с момента первоначального суда.

«Существа не из этого мира, но из самых глубин преисподней...» Я вспомнил о существе, висящем у нас в подвале на крюке. Я стоял сейчас в комнате как раз над этим местом. Вспомнил бледные мускулистые руки, выскочившие из рыхлой почвы в могиле Элизы Бантон, шелкающий звук зубов, сомкнувшихся на ноге бедного старика. Вспомнил массу тошнотворно-белой плоти, блестящие черные глаза и слюнявые рты с двумя рядами треугольных зубов, мерцающих в свете апрельской луны; огромные, неповоротливые, безголовые туши монстров, выползающие из каждой тени, передвигающиеся гигантскими шагами и прыжками; труп Элизы Бантон, от которого отрываются руки и ноги, ее голова в пасти чудовища, которое любой разумный человек принял бы за адское создание...

Прочтя статью и заметки в дневнике Капитана Варнера, я не сомневался уже, что Доктор сделал правильные выводы: этот Капитан Варнер (или В., как называл его старший Уорттроп в дневнике) был как-то связан с Антропофагами. Но это было двадцать три года назад! Как эти странные и ужасные хищники-людоеды умудрились выжить за столь долгое время – более того, размножиться и процветать – никем не замеченные, невидимые, никому не ведомые в Новой Англии?

Погруженный в свои мысли, я не услышал, как открылась задняя дверь, не услышал и шагов монстролога, поднимающегося в комнату. Я не заметил его, пока он не возник в дверном проеме. Лицо его горело, волосы, грязные и мокрые, слиплись, а сапоги были в грязи. В руке он держал шляпу. Я узнал эту шляпу. Именно ее, шутя, надевал мне на голову человек, чьи мозги я потом несколько часов вымывал из своих волос.

– Уилл Генри, – тихо спросил Доктор, – что ты делаешь?

Чувствуя, как краска заливает мне щеки, я ответил:

– Ничего, сэр.

– Оно и видно, – сухо бросил он. – Ты отправил письма?

– Да, сэр.

– Ты дошел до почты и сразу пошел обратно?

– Да, сэр.

– И ни с кем не разговаривал по дороге?

– Только с почтальоном, сэр.

– И оба письма отправил быстрой почтой?

– Да, сэр.

Он кивнул. На минуту-другую он погрузился в молчание, словно мысли его бродили где-то далеко. Взгляд его стал отрешенным, и, хотя он стоял совершенно неподвижно, волнение словно просачивалось сквозь его кожу. В руке его я заметил какую-то грязную тряпицу. Сперва я принял ее за коврик, но тут же узнал кусок порванного савана Элизы Бантон.

– А что ты делаешь сейчас? – спросил Доктор.

– Ничего, сэр.

– Да-да, – торопливо сказал он, – ты уже говорил мне, Уилл Генри.

– Я не знал, где вы, так что я...

– Ничего не делал, – закончил он за меня.

– Искал вас.

– Возможно, ты думал, что я спрятался в сундуке моего отца?

– Я думал, возможно, вы оставили мне записку.

– С чего бы я вдруг стал это делать?

Мысль о том, что он должен держать меня в курсе своего местопребывания, явно не приходила ему в голову.

Лучше сменить тему разговора, подумал я. Если он заведется, не оберешься неприятностей. А он уже и так явно на взводе.

– Вы ходили на кладбище? – спросил я.

Моя хитрость сработала, так как он кивнул и сказал:

– Там по меньшей мере две дюжины четких пар следов. Это значит, есть еще четыре-пять детенышей, спрятанных в логове, где бы оно у них ни было. Общее число взрослых Антропофагов – от тридцати до тридцати пяти. Опасное, уму непостижимое количество, Уилл Генри.

Я посмотрел на шляпу в его руке, и это напомнило мне о пропаже моей шапки, моей единственной собственности, оставленной на поле боя прошлой ночью. Может, рискнуть, набраться наглости и спросить Доктора, не нашел ли он ее? Он проследил направление моего взгляда и сказал:

– Я прибрал там все, как мог. Зарыл ее могилу. Отыскал почти все наши вещи и нашел обломки телеги среди деревьев. Если повезет, мы, возможно, завершим это дело прежде, чем нас обнаружат.

Я хотел спросить, почему он боится, что нас обнаружат сейчас, но все его поведение говорило о том, что ответ очевиден. Теперь я подозреваю, что его опасения были связаны больше с тем, что в этом деле был замешан его отец, нежели с тем, что поднимется волна паники. Доктора больше волновала репутация отца – и, как следствие, своя собственная – нежели общественное благоденствие.

Возможно, я сужу его слишком строго. Возможно, он считал, что цена сделанного открытия намного выше, чем цена вовремя сделанного предупреждения, что монстры вот-вот нападут снова. Возможно. Хотя после долгих лет размышлений над этим вопросом я все еще сомневаюсь. Эго монстролога, как мне казалось, не имело границ, словно бескрайняя Вселенная. Даже во время периодов черной меланхолии, к которой он был склонен, ничто не имело для него большего значения, чем самовосприятие – осознание того, чего он стоит как ученый и каково его место в истории. Жалость к себе – абсолютный эгоизм, в конце концов, сосредоточенность на себе в чистом виде.

– Я иду наверх помыться, – продолжал Доктор. – Ты, Уилл Генри, упакуй сундук и убери его. Оседлай лошадей и приготовь себе что-нибудь поесть. Да пошевеливайся!

Он пересек холл, погруженный в свои мысли, потом обернулся и бросил старую шапку и обрывок савана на пол комнаты:

– И сожги это.

– Сжечь, сэр?

– Да.

Он с минуту колебался, а потом быстро подошел к рабочему столу и взял дневник своего отца. Его он вложил мне в руки:

– И это, Уилл Генри. Это сожги тоже.

Что ж, я сжег его. С испачканным кровью обрывком савана и старой соломенной шляпой. Я сидел с минуту на корточках перед потрескивающим пламенем камина в библиотеке, чувствуя жар на коленях и на щеках, на кончике носа и на лбу, который онемел от тепла огня так, словно с головы стягивали кожу. После пожара, унесшего жизни моих родителей, мне казалось, от меня постоянно пахнет дымом. Я чувствовал этот запах в своих волосах и на коже. Я тер себя мылом со щелоком до тех пор, пока кожа не становилась красной и воспаленной. Мне казалось, дым обволакивает меня, и прошла не одна неделя, прежде чем чувство это немного отступило. А пока этого не произошло, я, вне всякого сомнения, был самым чистым двенадцатилетним мальчиком в Новой Англии.

Хотя я был совершенно измотан и очень голоден, я упрямо решил закончить дела в библиотеке прежде, чем идти на кухню и готовиться к отъезду. Я заглянул в старый сундук, из которого было вытащено все, кроме примерно дюжины старых писем, все еще лежащих в конвертах. Любопытство овладело мной, ибо на одном из конвертов я увидел имя, указанное в обратном адресе: Пеллинон Уортроп, эсквайр. Получатель: Доктор А. Ф. Уортроп, Харрингтон-лейн, 425, Лондон, Англия. Почерк определенно принадлежал Доктору, разве что был более аккуратным, чем те образцы, с которыми мне приходилось иметь дело, словно надписывавший конверт старался изо всех сил соблюсти все правила чистописания. На конверте была восковая печать, она была не сломана. Я посмотрел на остальные письма – та же история. Около пятнадцати запечатанных и невскрытых писем с одинаковым обратным адресом. Пройдя длинный путь, эти письма сына к отцу были брошены непрочитанными в старый сундук и хранились там, в дальнем пыльном углу. Ах, Уортроп! Ах, человеческая природа! Знал ли он? Он читал дневник отца, он весьма быстро вспомнил место, где упоминался капитан

Варнер. Заметил ли он, роясь в старом сундуке, что эти письма никто не вскрывал? Заметит ли он, если одно из них вскроют?

Это было бы дерзким, нахальным и грубым вторжением в частную жизнь человека. Имею ли я на это право? Вскрыть или не вскрыть? Я воровато оглянулся на дверь, затаив дыхание. Ни звука, только тикают каминные часы да кровь стучит у меня в ушах. В этом человеке столь многое оставалось для меня загадкой, хотя я проводил рядом с ним каждый миг своей жизни и жизни наши были неразрывно связаны. Я почти ничего не знал о нем и совершенно ничего не знал о его прошлом. Письмо, которое я держал в руках, несомненно, даст ключ к разгадке. Сейчас или никогда, Уилл Генри, сказал я себе. Клади его в сундук или вскрой – сейчас или никогда!

Я вскрыл его. В конверте лежал только один листок, исписанный тем же почерком, каким был надписан адрес на конверте. Стояла дата: 14 марта 1865 года. Вот это письмо:

Дорогой отец,

так как прошло почти три недели с тех пор, как я писал тебе в последний раз, я решил написать снова, чтобы ты не думал, что я не вспоминаю о доме. Со времени моего последнего письма мало что изменилось, разве что я сильно простыл, у меня была высокая температура и кашель и все такое, но ты был бы доволен мной – я не пропустил ни одного занятия из-за болезни. Учитель говорит, что он очень доволен моими успехами, а еще он говорит, что намерен отправить тебе личную записку. Пожалуйста, не пропусти этого письма и не откажи ему в любезности – ответь что-нибудь. Он очень высокого мнения о тебе, равно как и я – как все, кто тебя знают.

Жаль, что ты не пишешь мне. Письма из Америки приходят каждую неделю, и я стою в очереди вместе с одноклассниками, когда нам их выдают. И каждую неделю я жду, что вот сейчас выкрикнут мое имя, но этого никогда не происходит. Я не жалуюсь, отец, и я надеюсь, ты не воспримешь это письмо, как жалобу. Просто порой мне очень одиноко, и я не вполне могу сказать, что чувствую себя здесь, как дома. Когда нет занятий, я в основном сижу у себя в комнате, и бывают дни (вот, например, сегодня: холодно, пасмурно, и думаешь – вот-вот пойдет снег или дождь, но они не идут, а над миром словно висит серое покрывало), когда я совершенно одинок. Письмо от тебя могло бы развеять мрак, потому что, как ты знаешь, у меня есть склонность к нашей семейной хандре. Я знаю, ты очень занят исследованиями и путешествиями. Представляю, как мои письма скапливаются на тумбочке у двери в ожидании того часа, когда ты вернешься и прочтешь их. И, конечно, я волнуюсь, что с тобой может что-то случиться и никто не возьмет на себя труд написать мне об этом. Если ты все же получишь это письмо, то не мог бы ты выкроить минутку-другую и набросать мне коротенький ответ? Для меня это было бы настоящим праздником.

Твой сын

Пеллино.

Я услышал шаги наверху. Я очень быстро сложил письмо, вложил его в конверт и изо всех сил прижал большим пальцем восковую печать – бессмысленная попытка, ведь с того момента, как оно было запечатано, прошел двадцать один год, и воск был тверже камня.

Письмо осталось полуоткрытым, и я положил его в сундук, прикрыв сверху другими письмами.

«Для меня это было бы настоящим праздником». Судя по всему, для его отца – нет. Все, что писал сын, отец игнорировал. Интересно, он действительно был в путешествии, в то время

как Уортроп учился в Лондоне – мальчик моего возраста, одинокий, лишенный семейного тепла, в тоске ожидающий получить весточку из дома? Если так, почему Уортроп-старший не вскрыл конверт, когда вернулся из путешествия? И зачем сохранил его, если ему было наплевать на сына? Я не мог не уловить иронии в том, что я вскрыл это письмо в поисках ответа на вопросы, а вопросов теперь стало только больше.

Как это часто и бывает, мы ищем одно, а находим другое. Теперь в своем воображении я ясно видел его: в длинной ночной рубашке, на маленькой кровати, он писал это письмо между приступами кашля, дрожа от высокой температуры – мальчик, почти такой же, как я, – оторванный от семьи и друзей, а рядом не было ничего и никого, чтобы утешить его. Впервые я почувствовал к монстрологу не страх и благоговение, а что-то совсем другое. Впервые мне стало его жалко. Мое сердце преисполнилось боли и сочувствия к маленькому больному мальчику, находящемуся вдали от дома.

Но дать волю этим чувствам я не успел. Едва я спрятал письмо под другими, как Доктор стремительно спустился по ступеням и ворвался в комнату:

– Уилл Генри! Что ты делаешь?

– Ничего, сэр, – заикаясь, проговорил я.

– Ничего! Я снова спрашиваю тебя, что ты делаешь, и ты снова отвечаешь мне, что ничего! Похоже, это твое основное занятие, Уилл Генри!

– Да, сэр. То есть нет, сэр! Простите, сэр. Я больше не буду.

– Не будешь чего?

– Ничего не делать.

– Мне не будет от тебя никакого проку, Уилл Генри, если каждый раз, как я говорю тебе сделать что-то, ты делаешь наоборот. Пошевеливайся! До Дедхема не меньше трех часов езды!

Он не дал мне времени ответить и стремительно прошел через холл на кухню. Я слышал, как громко хлопнула дверь в подвал. С горящим от стыда лицом я поторопился закончить и стал складывать вещи в сундук. Пришлось подавить врожденную брезгливость и поднять с пола скукоженную голову. Я не ожидал, что она окажется такой легкой. Интересно, подумал я, кому эта голова принадлежала при жизни? И что это было – дружеский подарок старшему Уортропу от одного из вождей племени или что-то более личное? По голове можно было определить только пол; возраст и раса были стерты временем, смеющимся над нашими великими помыслами, делающим равными короля и слугу, стирающим различия между мужчиной и женщиной, героем, мошенником и дураком. Итак, отправляйся обратно в свою коробку, безымянный Йорик с зашитыми глазами и навеки открытым в безмолвном крике ртом! Унижение твоего заключения не хуже, чем наше.

Я бросил голову в сундук. Она отскочила от одной стенки, прежде чем упала на дно и покатилась, остановившись и завалившись набок поверх писем Доктора. Видимо, от удара в ней что-то сдвинулось, потому что теперь я заметил, что из отверстия, где когда-то была шея, торчит красный лоскуток. Я снова достал голову, подцепил краешек лоскутка и стал тянуть, пока не извлек то, к чему был привязан противоположный конец. Это был ключ. От чего он, я не знал – но уж точно не от этого сундука и не от двери. Для этого он был слишком велик.

– Уилл Генри! – крикнул Доктор из подвала.

Я снова бросил голову в сундук, а ключ сунул себе в карман. Покажу Доктору позже, решил я. Он исследовал содержимое сундука; возможно, он все знает о ключе, который был спрятан в полости высушенной головы.

– Лошади, Уилл Генри! Провизия, Уилл Генри!

Мой спуск в лабораторию не имел ничего общего с предыдущим – страха как не бывало. Внизу горел свет, и там был Доктор. Он стоял перед подвешенным трупом Антропофага. Он не обернулся при моем появлении, но остался стоять спиной ко мне, скрестив руки на груди,

склонив голову к одному плечу, изучая чудовище, висящее перед ним. Я запихнул сундук его отца под лестницу и только потом подошел к Доктору. Я слегка запыхался.

– Доктор, – спросил я тихо, – что бы вы хотели на обед?

Он не обернулся. Он поднял правую руку и молча помахал пальцами в воздухе, как бы говоря: «Ступай прочь». Я подумал, не сказать ли ему о ключе, но тут же решил обождать с этим до тех пор, пока он не будет в более хорошем настроении. Я вернулся наверх, чтобы посмотреть, что можно приготовить поесть из оставшейся скудной провизии. Я умирал от голода.

Доктор ворвался в кухню полчасика спустя, и, хотя он помылся и переоделся после того, как вернулся с кладбища, за ним тянулся шлейф неживого запаха, словно след аэрозоля. Он увидел, что я сижу за столом, взял дымящийся горшочек, стоявший передо мной, а потом увидел точно такой же на другой стороне стола. Рядом с горшочком лежала приготовленная для него, аккуратно сложенная салфетка и начищенная до блеска ложка, стоял чайник и дымящаяся чашка. Над ней разливался аромат свежесваренного чая.

– Что это такое? – требовательно спросил Доктор, указывая на горшочек.

– Суп, сэр.

– Суп?

Можно было подумать, он слышит это слово впервые.

– Картофельный суп.

– Картофельный суп, – эхом повторил он.

– Да, сэр. Я нашел в корзине две неплохие картофелины, и немного моркови, и луковицу.

У нас не было сливок или мяса, так что я добавил в воду немного муки, чтобы суп был погуще.

– Погуще...

– Да, сэр. Мука, сэр... от нее суп загустевает.

– Мука.

– Это весьма неплохо, сэр, – сказал я. – Я пробежал мимо булочной, когда вы отправили меня на почту, но так как вы велели никуда не заходить, я и не заходил, так что хлеба к супу у нас нет. Поешьте...

– Я не голоден.

– Но вы сказали, мы должны пообедать, прежде чем отправляться в путь.

– Я знаю, что я сказал, – резко перебил он меня. – Мало что раздражает меня больше, чем собственные слова, повторяемые так, словно я не в состоянии запомнить, что говорил. Ты, а не я, не можешь запомнить, что было сказано. А сказано было, что ты должен поесть перед поездкой.

– Но я и ем, сэр.

– Боже мой! – воскликнул он. – У тебя что, мозги заплыли, Уильям Джеймс Генри? Может, у тебя психическое расстройство, о котором я ничего не знаю?

– Нет, сэр, насколько мне известно, нет. Я просто подумал, что вы не откажетесь съесть немного супа.

Я почувствовал, что нижняя губа начинает предательски дрожать.

– Вывод, сделанный на основе ложных предпосылок, – бросил он мне в лицо. – Я не голоден.

Я опустил глаза. Я не мог вынести его пристального взгляда. В его глазах плескалась ярость, его аж трясло от нее. В чем дело? Я не понимал. Неужели он и вправду воспринял мою заботу о нем как акт неповиновения? Или, после недавнего напоминания о холодности и равнодушии его отца, моя забота оказалась для него как соль на рану – рану, которую уже никто никогда не исцелит? И хотя он возвышался над моей ссутулившейся спиной, хотя он был высокий и сильный, а я дрожал, внутренним зрением я видел его больным одиноким мальчиком, чужим в чужом краю, пишущим письма человеку, в любви и внимании которого он так

нуждался, человеку, который отверг его, не прочтя ни одного письма, бросив их на дно сундука и позабыв о них. Какой невероятно странной, какой безумно печальной может быть ирония судьбы, ее зигзаги и повороты!

Мы часто мстим, когда прошло уже много времени, тем, кто ни в чем не виноват, кто всего лишь напоминает нам наших обидчиков. Мы грешим, причиняя им тот же вред, что причинили нам, и тем самым до бесконечности продлеваем боль, испытанную нами, передавая ее дальше и дальше по цепочке. Его отец отверг его мольбы, теперь он отвергает мои, а я – вот невероятный поворот! – это он сам, всеми покинутый и одинокий мальчик, жаждущий одобрения и похвалы от единственного человека, который значит для него так много. Это задело его гордость и удвоило злость: злость на отца за то, что тот игнорировал его любовь; злость на себя за то, что ему кто-то был настолько нужен.

– О, прекрати! – рявкнул он. – Что это за невыносимые сопли ты тут развел? Я взял тебя не для того, чтобы ты стал моим поваром или нянькой, и даже не потому, что обязан твоему отцу за его самоотверженную службу. В тебе есть потенциал, Уилл Генри. Ты умен и любознателен. Кроме того, у тебя есть характер и отвага в сердце – незаменимые качества для помощника и ассистента, а впоследствии, возможно, и ученого. Но не бери на себя большего! Ты здесь не для того, чтобы нянчиться со мной и принимать за меня решения. Это я обеспечиваю твое существование и отвечаю за твое будущее. А теперь доедай свой суп, которым ты по непонятным причинам так страшно гордишься, и ступай запрягать лошадей в коляску. Мы выезжаем с наступлением темноты.

Часть шестая. «Откуда столько мух?»

Той ночью мы поехали прямо в Дедхем – трехчасовое путешествие по неровным безлюдным дорогам, с одной только остановкой, чтобы дать отдых лошадям. Еще раз мы остановились сразу за границей города – тихонько переждали в лесу в черной тени деревьев, пока проедет встречная повозка. Нас не должны были заметить. Ночь была весьма холодной. Из ноздрей лошадей валил пар. Доктор дождался, пока стук копыт и скрип колес замерли вдалеке, и только потом мы продолжили наше путешествие. Мы ехали без остановок до тех пор, пока не добрались до первых домов в пригороде. Внутри этих уютных домиков горел уютный свет, и я представил себе семьи, которые мирно живут там, согревая друг друга своим теплом и общением. У них сейчас обычный вечер вторника: отец сидит у камина, мать возится с малышами – и никаких тревог, никаких мыслей о монстрах-людоедах, бродящих в темноте – ну, разве что воображение кого-то из малышей уж больно разыграется.

Человек, который ехал рядом со мной верхом, был чужд наивных иллюзий родителей, тихим голосом успокаивающих воспаленное страхами воображение ребенка, ласково глядя его по голове. Доктор знал правду. «Да, дитя мое, на самом деле монстры существуют, – несомненно, сказал бы он напуганному мальчику или девочке, невыносимо нуждающимся в поддержке. – И один из них как раз висит сейчас у меня в подвале».

Мы совсем немного проехали по главной улице Дедхема, и Уортроп заставил лошадь свернуть на узкую дорогу, петляющую среди густой тополиной рощи. У въезда на дорогу на ржавом стальном столбе висел незаметный указатель: санаторий «Мотли Хилл». Теперь мы ехали вверх по дороге, и над нашими головами возвышались тополя, увитые какой-то травой и диким плющом, образуя свод, который становился все ниже и ниже по мере того, как мы поднимались в гору. Лес окружил нас, звезд уже не было видно. Мы ехали словно в темном петляющем туннеле. Ни звука не раздавалось вокруг, лишь чавканье лошадиных копыт по густой грязи. Ничто не нарушало абсолютной и зловещей тишины, которая становилась все тягостнее – ни стрекот кузнечиков, ни кваканье лягушек. Мы ехали по этой погруженной во мрак Киммерийской дороге, лошади меж тем начали беспокоиться – они фыркали и топали при

подъеме. Доктор выглядел собранным и спокойным, но я испытывал страх не меньший, чем наши кобылки. И они, и я со страхом всматривались в непроглядную мглу. Это была уже не дорога, а злоключение. И вдруг она закончилась, деревья расступились, и, к нашему с лошадаками облегчению, мы выбрались на открытую заросшую лужайку, освещенную лунным светом.

Примерно в сотне ярдов впереди стояло здание в федеральном стиле, белое с черными ставнями. Вход охраняли возвышающиеся колонны. Окна были темны, и вообще у строения был нежилой вид, словно все жители давно оставили его, переехав в более теплые края. Моей первой мыслью было, что санаторий, должно быть, закрыт и покинут в результате вторичного заключения капитана Варнера тремя годами раньше. Я посмотрел на Доктора: его губы были плотно сжаты, глаза мерцали, словно подсвеченные изнутри.

– Уилл Генри, – сказал он мягко, когда мы подъезжали к дому, – ничего не говори. Молчи. В глаза прямо никому не смотри. Если кто-то заговорит с тобой, ничего не отвечай. Игнорируй. Ни к кому не обращай и ни на что не отвечай ни словом, ни жестом. Не кивай и не моргай. Ты все понял?

– Да, сэр.

Он вздохнул.

– Думаю, я предпочел бы иметь дело с дюжиной Антропофагов, чем с несчастными душами за этими стенами!

При ближайшем рассмотрении дом был на пару оттенков ближе к серому, нежели к белому. Когда-то он был белым, да, но это было давно, а теперь краска стерлась и начала отслаиваться. Она свисала длинными лохмотьями с голых заплесневелых досок. Окна не мылись месяцами. Дрожащие паутины висели по углам. Будь у меня ум с более метафизическим уклоном, я решил бы, что это дом с привидениями, но, как и монстролог, я был чужд веры в привидения и другие сверхъестественные феномены.

Безусловно, есть многое на небе и на земле, «что и не снилось нашим мудрецам», но то явления и существа физические, такие как Антропофаги, абсолютно естественные, способные вполне удовлетворить нашу странную и непостижимую потребность в ужасном и злонамеренном, так что хватит и этого, спасибо большое.

Доктор громко постучал в дверь набалдашником трости с изображением оскалившейся горгульи. Ответа не последовало. Мы подождали, и Уортроп постучал снова – три отрывистых удара, пауза, еще три отрывистых удара: тук-тук-тук... тук-тук-тук.

Тишина, только ветер шепчет в деревьях да старая листва шуршит, пролетая по доскам покосившегося крыльца. Доктор оперся о трость и ждал с невозмутимостью Будды.

– Здесь нет никого, – прошептал я, испытывая некоторое облегчение.

– Нет, – сказал он. – Нас не ждали, только и всего.

По другую сторону двери послышались шаркающие шаги, они приближались. Казалось, кто-то очень старый и слабый вынужден был встать, чтобы открыть дверь в ответ на требовательный стук Доктора. Послышался громкий металлический скрежет и скрип отодвигаемых засовов, а потом дверь приоткрылась и сквозь щель слабый луч света упал на крыльцо. На пороге стояла старуха в черном, в костлявой руке она сжимала лампу, держа ее высоко, чтобы осветить наши лица.

– Никаких посетителей после девяти! – прокаркала старуха беззубым ртом.

– Но это не светский визит, – бросил в ответ Уортроп.

– Никаких посетителей после девяти! – гаркнула она громче, как будто Доктор был туговат на ухо. – Никаких исключений!

– Возможно, в моем случае вы все же сделаете исключение, – мягко возразил Доктор, протягивая свою карточку. – Скажите Доктору Старру, что к нему приехал Пеллино Уортроп.

– Доктор Старр закончил работу на сегодня, – сказала она, – и отдал ясное распоряжение его не беспокоить.

– Моя дорогая, уверяю вас, Доктор меньше всего хотел бы, чтобы вы нас прогнали.

– Доктор спит.

– Так разбудите его! – воскликнул Уортроп, теряя терпение. – У меня к нему срочное дело, которое не терпит отлагательств.

Она сощурилась на карточку, которую он протянул ей, и ее глаза почти полностью исчезли под набрякшими веками.

– Доктор Уортроп, – прочитала она. – Ха! Доктор Уортроп умер, это факт, я это точно знаю. Вы, должно быть, самозванец.

– Нет, я его сын.

Она открыла и закрыла рот, подняла свои старые глаза и вперилась взглядом в Доктора, потом снова посмотрела на карточку.

– Он никогда не говорил, что у него есть сын, – сказала она наконец.

– Я уверен, есть много вещей, в которые он вас не посвящал, – сухо ответил Доктор. – Как я уже отметил, я здесь по крайне важному делу, так что если это вас не очень затруднит, не могли бы вы так быстро, как только позволяет ваш почтенный возраст, известить Доктора Старра о моем приезде и безотлагательной необходимости поговорить с ним, желательно раньше, чем закончится ночь и наступит утро.

Она захлопнула дверь у нас под носом. Доктор тяжело вздохнул. Шли минуты. Он стоял неподвижно, словно статуя, облокотившись о косяк. Глаза его были полузакрыты, голова опущена. Было такое ощущение, что он собирается с силами.

– Она вернется? – спросил я, когда уже не мог больше терпеть. Мне казалось, мы стоим на этом крыльце уже много часов. Доктор не ответил. Я снова спросил: – Она вернется?

– Она не закрыла дверь на засов, так что надежда есть.

В конце концов, я услышал торопливые шаги. Они приближались – и вот дверь распахнулась и на пороге возник старик – хотя и не такой дряхлый, как старуха, которая стояла позади него. Он явно одевался впопыхах: на ночную рубашку сверху был накинут сюртук, но ночной колпак он игнорировал, так что седые пряди волос свисали почти до плеч, прозрачным покрывалом прикрывая огромные уши, но оставляя выставленной напоказ макушку в пигментных пятнах. Нос его был длинным и острым, слезящиеся голубые глаза – маленькими, подбородок – безвольным и небритым.

– Доктор Старр, – сказал монстролог. – Меня зовут Пеллино Уортроп. Полагаю, вы были знакомы с моим отцом.

– Прискорбный случай, – заметил старик, опуская чашку дрожащей рукой. Фарфоровая чашка задребезжала о блюде, и по ее стенке скатилась коричневая слезинка чая. – Для вашего отца он представлял особый интерес.

– Не только для него, – сказал Доктор.

Мы сидели в маленькой гостиной, примыкавшей к холлу. Комната была такой же, как и весь дом, – холодной, плохо освещенной и душной. Станный, тошнотворно сладкий запах стоял в воздухе. Я почувствовал его, когда мы еще только вошли, – его и неясный, приглушенный шум невидимых людей где-то в глубине дома: стоны, кашель, вопли отчаяния, злобные выкрики и надо всей этой какофонией – высокий истерический смех. И Уортроп, и Старр не обращали на это внимания. Однако я скоро почувствовал, что нервы мои на пределе, и мне понадобилось собрать всю свою силу духа, чтобы не попросить у Доктора разрешения подождать его снаружи вместе с лошадьми.

– Так, значит, вы пошли по его следам и выбрали его профессию, – осмелился спросить психиатр. – Я буду честен с вами, Доктор Уортроп: до сегодняшнего дня я и понятия не имел, что у него есть сын.

– Мой отец был очень скрытным человеком, особенно в том, что касалось его частной жизни, – ответил Доктор. – Он считал интимность человеческих отношений... безвкусицей. Я был его единственным ребенком, но и я едва знал его.

– С такими людьми, каким был ваш отец, это не редкость, – прокомментировал Доктор Старр. – Работа заменяла ему все.

– Я всегда считал, что просто не нравлюсь ему.

Доктор Старр рассмеялся, и что-то забулькало у него в груди.

– Простите, – сказал он. Он извлек из кармана белый платок в пятнах и сплюнул в него обильную мокроту. Потом поднес к глазам и тщательно рассмотрел содержимое платка. Он посмотрел на Доктора и печально улыбнулся: – Прошу прощения, Доктор Уортроп. Боюсь, я умираю.

– Каков диагноз? – вежливо спросил Уортроп. Он вел себя безупречно, но его правая нога так и постукивала по старому ковру.

– Диагноза нет, – сказал Старр. – Я не говорил, что умираю. Я сказал, что я боюсь, что я умираю.

– Страх, посещающий всех время от времени.

– В моем случае он практически постоянный. И тем не менее мое нежелание поставить себе диагноз возрастает по мере того, как растет страх.

– Интересно, – сказал Доктор без особого энтузиазма.

– И, в отличие от вашего отца и, судя по всему, вашего мальчика, мне некому будет передать свой факел, когда я покину этот мир.

– Уилл Генри – не «мой мальчик», – сказал Доктор.

– Нет?

– Он – мой ассистент.

– Ваш ассистент! Он весьма молод для такого важного поста, не так ли?

Он посмотрел на меня слабо видящими глазами, и я быстро отвернулся, вспомнив слова Доктора: никому не смотри прямо в глаза. Если кто-то заговорит с тобой, ничего не отвечай.

– Мне пришлось взять его к себе после трагической гибели его родителей.

– А, акт благотворительности.

– Это далеко не так. Возможно, он еще мал, но у него большой потенциал.

– Примите мои соболезнования, вы потеряли родителей, – обратился ко мне Доктор Старр, но я не поднял головы и даже не кивнул в ответ на его сочувствие. Игнорируй их, наставлял меня Доктор. Он не говорил, что владелец клиники – исключение.

– Итак, Уортроп, – продолжал Старр, – вы желаете переговорить с Капитаном Варнером.

– Я не настаивал бы, не будь вопрос чрезвычайно важным.

– О, я не сомневаюсь, что только срочное дело могло привести вас сюда в такой час без предварительного предупреждения и приглашения. На протяжении многих лет этот пациент не делает секрета из своих историй о каннибализме и убийстве. Если бы он не рассказывал об этом направо и налево, он был бы свободным человеком. Или уже умер бы, потому что, если бы не сумасшествие, его признали бы виновным.

– Мой отец никогда не говорил об этом случае, – сказал монстролог. – Я наткнулся на упоминание в его личных бумагах.

– И любопытство привело вас к моим дверям.

– Исключительно любопытство.

– Воистину так, мой дорогой Доктор Уортроп! Исключительно любопытно, исключительно!

Его тело сотряс приступ кашля, длившийся на этот раз около минуты. Он повторил ритуал с носовым платком.

– Но чистое любопытство, даже такого человека, как вы, не может быть названо необходимостью – или, как вы выразились в разговоре с мисс Браттон, «делом чрезвычайной важности».

– Мой отец верил в правдивость заявления Капитана Варнера.

– Ну, с учетом его профессии, не вызывает никаких сомнений то, что он верил.

– Верил до такой степени, что почувствовал себя обязанным приехать сюда, как приехал сегодня я. Мне известно, что пациент стар и плохо себя чувствует...

– Итак, вы прибыли из Нового Иерусалима и провели в дороге три часа, даже не предупредив о своем визите и не узнав заранее, примут ли вас, потому что чувствовали себя обязанным... а что именно обязанным сделать?

– Как я уже сказал, – ответил Доктор осторожно, – состояние Варнера, давность этого дела и другие, относящиеся к проблеме факторы заставили меня...

– Ах, да! Вот именно! «Относящиеся к проблеме факторы». Вот что вызывает мое любопытство, Доктор Уортроп. Что, ради бога, за «относящиеся к проблеме факторы»?

Доктор глубоко вздохнул, выпрямился в кресле и сказал твердо:

– Я не вправе говорить об этом.

– Тогда вы извините меня, если я возьму на себя право сказать, – с сарказмом произнес Доктор СтARR. – Антропофаги. Антропофаги, да? Вы думали, я никогда не слышал о них? Да старый безумец рассказывал о них всем подряд, кто только готов был слушать! Да и тем, кто не слушал, он все равно рассказывал! Я не невежа, Уортроп, я помню Шекспира: «Антропофаги... люди, головы которых находятся между плеч». О да, я весьма хорошо знаю, что привело вас к моим дверям!

– Ну, вот и прекрасно, – спокойно согласился монстролог. – Можно мне переговорить с ним прямо сейчас?

Доктор СтARR бросил взгляд в сторону двери, а потом снова посмотрел на Уортропа:

– Как вы правильно заметили, он стар и здоровье его слабее даже, чем мое. Я боюсь, что, возможно, я умираю. Капитан Варнер действительно умирает. И рассудок его, боюсь, уже покинул. Ваш приезд напрасен, Доктор Уортроп.

– Вы отказываете мне? Вы не позволите мне увидеть Варнера? – требовательно спросил Уортроп. Он начинал терять терпение. – Я приехал, чтобы прояснить несколько давних вопросов по старому делу своего отца, но я могу и не прояснять их. Никакого особого интереса они для меня не представляют.

– Тем не менее, – улыбнулся СтARR.

Доктор встал с кресла, плечи его были расправлены, руки сжаты в кулаки.

– Идем, Уилл Генри. Здесь мы понапрасну теряем время.

– Это не совсем то, что я имел в виду, – сказал СтARR с лукавой улыбкой. – Я лишь хотел заметить, что вашему времени и интересам науки больше послужила бы беседа со мной. Поговорите об этом деле со мной. Капитан Варнер – мой пациент уже почти двадцать четыре года. Я слышал его историю сотни раз и не сомневаюсь, что нет таких деталей, о которых я бы не знал в мельчайших подробностях. На вашем месте я бы рискнул, учитывая ухудшение его состояния и умственных способностей.

Уортроп сказал:

– Я хотел бы услышать историю от Капитана.

– Несмотря на то что я предупредил вас: он вряд ли в здравом уме.

– Я сам смогу судить об этом.

– Вы очень воспитанный и культурный человек, Уортроп. Доктор психологии, равно как и доктор – как там звучит ваша так называемая наука? – монстрологии.

Уортроп ничего не ответил. Напряжение повисло в воздухе, я боялся, что Доктор потеряет контроль над собой, перемахнет через комнату и вцепится старику в горло. Старик-пси-

холог не знал Доктора так хорошо, как я: внешне Уортроп казался собранным и невозмутимым, но внутри у него бушевало пламя, пекущее, как солнце, и только невероятная сила воли Доктора заставляла его сдерживаться.

И снова Старр посмотрел на дверь, словно ожидая чего-то. Потом продолжил с той же заговорщической улыбкой на лице:

– Я не хотел обидеть вас, Уортроп. Моя сфера деятельности заслуживает не больше уважения, чем ваша. У меня и в мыслях не было высмеивать или несерьезно относиться к делу вашей жизни, ибо в определенном смысле оно совпадает с моим: мы посвятили себя погоне за фантомами. Разница лишь в природе этих фантомов. Мои располагаются в том пространстве, что находится у других людей между ушами, ваши живут исключительно в вашей собственной голове.

Когда дело дошло до этого, я ожидал, что Доктор пригласит Старра в Новый Иерусалим, чтобы тот мог увидеть своими глазами, насколько фантазмагорической является природа его деятельности. Но Доктор держал язык за зубами и тоже смотрел в направлении двери. Казалось, оба они чего-то ждут.

– Это трудная и одинокая жизнь, – прошептал старик; его тон как-то смягчился. – Мы оба, Уортроп, вы и я, – глас вопиющего в пустыне. Пятьдесят лет я оказываю неоценимые услуги своим знакомым. Я принес в жертву все, едва сводя концы с концами на крохотные пожертвования и деньги от филантропов. Я мог бы выбрать более стабильное и доходное место в университете, но вместо этого решил посвятить свою жизнь помощи бедным неудачникам, которых судьба и обстоятельства прибили к моему берегу. Не поймите меня неправильно, я не жалею, но все это трудно. Так трудно!

Поразительно, но улыбка чеширского кота растаяла, а ее место заняла дрожащая губа и одинокая слеза, скатывающаяся по старческой щеке.

– И вот как заканчиваю я дни свои! – воскликнул он тихо. – Беспомощный, бедный, сильно нуждающийся жалкий человек, в кошельке у которого едва найдется достаточно денег на собственные похороны. Вы спрашивали про мой диагноз, и я честно ответил вам, что он не поставлен, потому что я не могу позволить себе хорошего врача. Я, будучи сам врачом, принесшим собственное благополучие на алтарь альтруизма, вынужден заканчивать свои дни в страдании и унижении, потому что я отказывался поклоняться золотому тельцу! Ах, Уортроп, как жаль – но я ни о чем не прошу. Моя гордость – моя погибель, но я непоколебим. У меня нет сожалений. Легких, правда, тоже уже, считайте, нет. Но лучше умереть в благородной нищете, чем жить недостойно.

Его снова сотряс приступ сильнейшего хриплого кашля; старик прижал к ослабевшей груди тощие руки. Рукава сползли до локтей, обнажая их – не руки, а, скорее, кости, обтянутые кожей. Казалось, он съеживался прямо у нас на глазах, ссыхался до дрожащего мелкой дрожью куска изнуренной плоти с несоразмерно большими, желтоватыми зубами.

Доктор оставался неподвижен. Он не говорил. Он смотрел, как старик повторил еще раз ритуал с носовым платком, но не вымолвил ни слова. Однако его глаза горели все тем же странным блеском, словно подсвеченные изнутри, а руки были плотно сжаты в кулаки.

Он подождал, пока Старр затихнет, затем спокойно подошел к нему и положил рядом с его чашкой золотую монету. Слезающиеся старческие глаза метнули взгляд на монету, но тут же быстро посмотрели в сторону.

– Я не прошу вашей благотворительности, Доктор Уортроп, – прохрипел скряга. – К моей ране вы добавляете еще и оскорбление.

– Это вовсе не входило в мои намерения, Доктор Старр, – ответил Доктор. – Это – ссуда. Вы выплатите мне ее. Единственным условием, которое я предъявляю, является посещение вами хорошего врача.

Взгляд на монету, еще взгляд...

– Моя единственная надежда – найти хорошего специалиста.

Вторая монета присоединилась к первой.

– В Бостоне.

Третья монета. Когда Старр ничего не сказал, но громко вздохнул в ответ на тихий звон блестящих монет, Доктор добавил четвертую. Старр закашлялся, и в груди у него так защелкало, словно в сухой поллой тыкве трясли семечками. Уортроп добавил пятую монету в стопочку. Старр выпрямился, руки его повисли по обе стороны кресла, и он крикнул отчетливым зычным голосом:

– Миссис Браттон! Миссис Брааааттон!!!

Она появилась в дверях в тот же миг – вспыльчивая старая карга, которая не хотела пускать нас в дом. Казалось, она поджидала где-то под дверью, когда ее позовут. При ее появлении в комнате запахло хлоркой.

– Проводите Доктора Уортропа в комнату Капитана Варнера, – приказал Старр.

Он не сделал попытки присоединиться к нам. Он остался сидеть в своем кресле, допивая остатки чая. Теперь его рука держала кружку намного увереннее, чем несколько минут назад. Золото, положенное Доктором рядом с блюдцем, явно укрепило здоровье Старра.

– Хорошо, Доктор, – ответила ему старуха. – Следуйте за мной, – сказала она Уортропу.

Мы уже выходили из комнаты, когда Старр обратился к Доктору:

– Возможно, мальчику лучше остаться здесь со мной?

– Этот мальчик – мой ассистент, – бросил ему Доктор. – Его услуги мне необходимы.

Он пошел следом за старухой прочь из комнаты и даже не обернулся посмотреть, пойду ли я за ним. Он знал, что пойду.

Следуя по пятам за одетой в черное, пропахшей хлоркой миссис Браттон, мы поднялись по слабоосвещенной узкой лестнице, ведущей на второй этаж.

На полпути Доктор прошептал мне на ухо:

– Помни, Уилл Генри, то, что я сказал тебе.

Пока мы поднимались, душераздирающие крики и стоны, которые раньше приглушенно доносились издалека, приблизились и стали громче и отчетливее. Гортанный голос, перекрывая общий шум, произносил яростный монолог, приправленный ругательствами. Женский голос отчаянно звал снова и снова кого-то по имени Хана. Кто-то безутешно рыдал. И надо всем этим стоял пронзительный смех, который я услышал, едва только войдя в помещение санатория. И усиливался, по мере того как мы поднимались, сладковатый запах. Теперь уже было не ошибиться, из чего он состоял, – это была перехватывающая горло смесь запаха немытых тел, застоявшейся мочи и человеческих экскрементов.

По обе стороны коридора на втором этаже располагались тяжелые деревянные двери. На каждой был дверной засов, открываемый ключом, и висячие замки размером с мой кулак. В каждой было окошечко на уровне глаз, прикрытое металлической заслонкой. Старые доски пола скрипели под нашими ногами, когда мы шли по коридору, и этот звук беспокоил жителей камер, заставляя их кричать и стонать еще громче. Одна дверь задрожала и чуть не слетела с древних петель, когда о нее с противоположной стороны ударило тело. Мы миновали любителя монологов, пересыпавшего свою речь ругательствами, которым позавидовал бы любой моряк. Пронзительные вопли, призывающие Хану, еще долго стояли у нас в ушах. Я заглянул в лицо Доктора снизу вверх в поисках утешения в этом грязном скоплении человеческих страданий и несчастий, но он не подал мне ни знака. Он выглядел как человек, прогуливающийся в парке теплым летним днем.

Для меня же этот тревожный проход по мрачному коридору показался длиннее мили и уж, конечно, совсем непохожим на прогулку в парке. Когда мы остановились у последней двери, я задыхался, потому что вдыхать это зловоние полной грудью было просто невыносимо. Старуха достала из кармана передника связку ключей на большом кольце. Она перебирала

пальцами бороздку на каждом из них, низко склонившись над связкой, словно на ощупь определяла скрюченными пальцами, какой ключ от какой двери, – задача более трудная, чем можно было предположить.

Я чуть не выпрыгнул из одежды от неожиданности, когда дверь прямо за моей спиной вздрогнула от сильного удара и скрежещущий голос прошептал:

– Эй, кто здесь? Кто здесь?

За дверью послышалось шуршание и сопение.

– Я знаю, что вы здесь. Я чувствую ваш запах!

– Пациент спал, когда я в последний раз заходила к нему, – сказала миссис Браттон Доктору, любовно перебирая ключи.

– Если он все еще спит, мы разбудим его, – сказал Доктор.

– Вы немного от него добьетесь, – сказала она. – Он уже несколько недель не издает ни звука...

Уортроп не ответил. Миссис Браттон, наконец, нашла нужный ключ и открыла старый замок, потом откинула три задвижки и плечом толкнула громоздкую дверь.

Комната была крошечной, едва ли больше моего алькова на Харрингтон Лейн. Мебели не было, лишь шаткая кровать, расположенная в двух шагах от двери. Около нее горела керосиновая лампа; ее дымящееся пламя было единственным источником света. Оно отбрасывало наши тени на потолок и на осыпающуюся штукатурку на стене напротив грязного окна. Пыльный подоконник был усыпан дохлыми мухами. На стекле жужжали и бились живые.

От едкого запаха хлорки у меня начали слезиться глаза, и я догадался, почему нас с Доктором так долго продержали внизу: миссис Браттон нужно было время, чтобы все тут вымыть и продезинфицировать, прежде чем представить нас Капитану Варнеру.

Он лежал на кровати под несколькими одеялами и простынями, верхняя из которых была белоснежной и свежeweыглаженной, словно погребальная. Открытыми оставались лишь его голова и шея. Кровать была небольшой, но казалась еще меньше под весом его огромного тела. Я представлял его хилым, болезненным стариком, от которого осталась одна оболочка после более чем двадцатилетнего заключения. Но передо мной лежал человек богатырского телосложения, весом, рискну предположить, более четырехсот фунтов, и кровать прогибалась под ним гамаком. Голова его тоже была огромной; подушка под ней казалась размером с подушечку для иглоок. Глаза утопали в сероватых складках век; нос был алым, выступая над щеками, как красная картофелина на сером поле. А рот был похож на беззубый туннель, в котором раздутый язык неустанно скользил по обнаженным деснам.

Доктор подошел к его постели. Старуха нервно перебирала ключи на связке. Позвякивание ключей, тяжелое дыхание больного да жужжанье мух на окне – вот и все звуки, что заполняли крошечное до клаустрофобии пространство.

– Я не советовала бы прикасаться к нему, – предупредила она. – Капитан Варнер ненавидит, когда его трогают руками. Не так ли, Капитан Варнер?

Он ничего не ответил. Хотя глаза его тонули в глубоких морщинах, я видел, что они открыты. Кончиком языка – серым, как и кожа, – он облизнул губы. На его подбородке, узелком приткнувшемся между шеей и нижней губой, блестела слюна.

Уортроп долгим взглядом посмотрел на несчастный объект своих поисков. Он ничего не говорил и ничем не выдавал своих чувств. Потом он, казалось, стряхнул с себя чары и резко обернулся к старой женщине.

– Оставьте нас, – сказал он.

– Не могу, – резко бросила она, – это против правил.

Доктор повторил команду, даже не повышая голоса, но медленно произнося слова – так, словно в первый раз она плохо его расслышала:

– Оставьте нас.

Она что-то почувствовала в его взгляде, и это что-то напугало ее, ибо она тотчас посмотрела в сторону, яростно затрясла ключами – символом своей власти – и сказала:

– Доктору будет об этом доложено.

Уортроп уже повернулся к ней спиной и смотрел на выброшенного на берег бегемота, лежащего в постели. Звук бряцающих ключей растаял вдалеке; дверь старуха оставила приоткрытой. Доктор велел мне закрыть ее. А когда я закрыл ее и оперся о твердую, успокаивающую поверхность, Уортроп склонился над постелью и приблизил свое лицо почти вплотную к лицу больного. Громким четким голосом он произнес:

– Варнер! Капитан!

Варнер не отвечал. Он неотрывно смотрел на потолок; рот его был открыт; язык без устали облизывал нижнюю губу и возвращался к исследованию беззубой челюсти. Из глубины его груди вырывался не то хрип, не то стон. Но кроме языка, он не шевелил ни одной мышцей (если мышцы вообще остались у него под толстым слоем жира).

– Варнер, вы меня слышите? – спросил Доктор. Он ждал ответа: спина напряжена, зубы плотно сжаты. Только слышно, как мухи жужжат и бьются о стекло. Запах хлорки и духота становились невыносимы. Я часто и неглубоко дышал и думал, рассердится ли Доктор, если я попрошу открыть окно, чтобы впустить немного свежего воздуха.

Уортроп повысил голос и буквально проорал в лицо Капитана:

– Вы знаете, кто я, Варнер? Вам сказали, кто пришел навестить вас сегодня?

Тучный больной издал стон. Доктор вздохнул и посмотрел на меня.

– Боюсь, мы пришли слишком поздно, – сказал он.

– Кто... – простонал старый моряк, словно решил разубедить Доктора. – Кто пришел?

– Уортроп, – ответил монстролог. – Меня зовут Уортроп.

– Уортроп! – воскликнул Капитан.

При упоминании этого имени его глаза вдруг задвигались так же беспокойно, как язык – вправо, влево, – но Варнер никак не мог сфокусироваться на лице Доктора. Его взгляд блуждал по потолку – там, где раздробленная тень Уортропа танцевала в свете керосиновой лампы прямо над Варнером, словно нечистый дух – темный, нелепый и огромный.

– Вам знакомо это имя, – сказал Доктор.

Огромная голова с трудом кивнула.

– Да сжалится надо мною Небо – да. Мне знакомо имя Уортроп, – прозвучал гортанный голос, захлебываясь слюной. – Все это было дело рук Уортропа, дьявольское отродье – он и весь его род!

– Проклятие – лишь одно из объяснений, – сухо сказал Доктор. – Хотя я больше придерживаюсь теории Дарвина. Сейчас доказательства на моей стороне, хотя время может показать, что я ошибался, а вы, Хезекия Варнер, – нет. Алистер Уортроп был моим отцом.

Ответа не последовало – только странные, подавляемые и все ж вырывающиеся стоны.

– Мой отец, – продолжал монстролог, – тот, кто нанял вас отплыть в конце шестьдесят третьего или начале шестьдесят четвертого года на корабле в Западную Африку, возможно в Сенегамбию или Нижнюю Гвинею, и вернуться с грузом, который имел для него особое значение. Да? Так было дело?

– Нет... – пробормотал старик.

– Нет? – эхом отозвался Доктор, хмурясь.

– Не Сенегамбия и не Гвинея. Бенин, – простонал он. – Королевство Бенин! Дом безбожного подражания знати и проклятый правитель этой проклятой земли по имени Оба. И я клянусь, не найдется язычника более мерзкого и распутника более страшного ни в одном уголке мира!

– Этот Оба, король Бенина, захватил в плен весь род Антропофагов? – спросил Доктор. Казалось, его осенила страшная догадка.

– Целое племя этих страшных чудовищ жило в специальной камере прямо под его дворцом.

– Но Антропофаги не могут жить в плену. Они бы умерли с голоду.

– Не эти, Уортроп, – выдохнул старый контрабандист. – Эти монстры были жирными и счастливыми, благодарю покорно! Я видел это собственными глазами, и, если бы я был более храбрым человеком, я выбил бы всем глаза за их преступления.

– Их кормили? – скептически спросил Доктор. – Чем?

– В основном детьми. Двенадцати- и тринадцатилетними девочками. Девочками, вот готовыми стать женщинами. Иногда и младше. Бывало, им закидывали в дыру и пищущих младенцев. Там в центре дворца есть шахта, соединенная туннелем с камерой Антропофагов. В эту шахту их священники бросают девушку; я видел это, Уортроп, я видел это! Она пролетает двадцать футов и падает на дно, где она кидается на стены пропасти для жертвоприношений, царапает их ногтями в поисках выхода или опоры, но их, конечно, нет. Оттуда никуда не деться! Главный священник подает сигнал; огромная деревянная заслонка поднимается, и появляются они. Сначала слышен только их запах – гнилое зловоние самой смерти, потом слышится громкое пыхтение и шелканье острых клыков. Они приближаются, а невинная жертва начинает визжать и кричать, призывая невидимых судей, что находятся наверху, пощадить ее. Пощадить, Уортроп! Она молит их о милосердии, а они пялятся на нее сверху вниз с каменными лицами, и, когда чудовище врывается в яму, ужас лишает ее последних остатков достоинства: она испражняется, ее кишечник сдается. Она падает в грязь, покрытая собственными нечистотами, а они бросаются к ней со всех сил – самые крупные животные прыгают в тридцати футах от входа в туннель, где лежит она, ягненок на заклание. А над ней – язычники-властители, чья сумасшедшая причуда приговорила ее к судьбе, негодной даже для самого отъявленного преступника. Но жаждущие крови боги требуют и получают свое. Голова – самый желанный приз. Первый, кто добирается до головы, хватает ее и отрывает от туловища, а все еще бьющееся сердце жертвы гонит кровь, и она хлещет через отверстие; дымящийся гейзер забрызгивает их, окрашивая в темно-красный цвет их алебастровые тела. Они с рычанием и хрустом сражаются за кусок мяса; да, теперь она – мясо, она не человек больше. Куски ее плоти летят во все стороны, иногда подсакивая кверху и обрызгивая зрителей кровью, чистой и девственной. Я потерял ее из виду в рукопашной схватке, но то была благословенная слепота после проклятого зрелища. Никакое адское видение не превзойдет этого, Уортроп. Никакой образ или слово, рожденное человеческим сознанием, не выразит того, что увидел я в тот день!

(Хотя я точно и честно записал здесь рассказ старика – все, что я помню, – это остается всего лишь рассказом на бумаге в сравнении с теми стонами, бормотаньем и непонятными отступлениями, которые пронизывали его монолог, длившийся около получаса. Голос Капитана то повышался, то затихал почти до шепота, так что Доктору приходилось наклоняться к самым серым губам больного. Я решил избавить того, кто будет читать мои дневники, от этих отвлекающих внимание и, возможно, раздражающих отступлений.)

– Так я думал, – простонал Варнер после непродолжительного молчания, во время которого слышалось лишь жужжанье мух.

– Так вы думали? Что вы хотите этим сказать?

– Король ни за что не хотел расставаться с ними, ибо какую цену вы назначите за головы ваших богов?

– И все же Оба продал их вам? – заметил Доктор. – Вероятно, так и было.

– Да-да, конечно. После двухнедельного торга он согласился продать их, но не столько, сколько хотел Уортроп. Он хотел четверых – взрослую пару и двоих детенышей. Но мы отплыли только с тремя: двухгодовалым Антропофагом, молодым самцом и...

Капитан закрыл глаза и глубоко прерывисто вздохнул.

– И самкой, настоящей дьяволицей, самой крупной самкой в племени – крупнее самого высокого самца, а он был ростом около восьми футов. Ее Оба боялся больше, чем всех остальных. А мы ее взяли. Мы ее взяли.

В ужасе от этой мысли, хотя миновало уже больше двадцати лет, все еще не придя в себя, Варнер затрясся под подоткнутыми одеялами.

– Но почему он хотел четверых? Он говорил?

– Да боже мой, не говорил он ничего, а я не спрашивал! Я даже не знал, когда отплывал в эту проклятую страну, что за груз мы повезем. Уортроп предложил огромную, королевскую цену за эту работу, и мне было без разницы, нужно ему четыре или восемьдесят! После войны «Ферония» была в плачевном состоянии. Я принял его предложение, не задумываясь и не задавая лишних вопросов!

Уортроп отвернулся от кровати и в два шага достиг окна. Руки его были сложены за спиной, он со всем вниманием пристально изучал подоконник. Доктор осторожно поднял одну из дохлых мух, зажав ее тонкие крылышки между большим и указательным пальцами, и поднес ее к глазам, словно изучая причину ее смерти.

Распростертый на кровати левиафан не смотрел на него. Его взгляд был по-прежнему устремлен в потолок. Какое бы успокоение желтоватая неровная поверхность ни приносила больному, его огромное тело было неподвижно, словно труп, под безукоризненно белой простыней. Интересно, сколько времени он уже пролежал здесь, парализованный, не способный пошевелить ни головой, ни руками, ни ногами, вынужденный смотреть час за часом, день за днем на пустое полотно потолка? И какие адские сцены разворачивала перед ним на этом полотне беспощадная память? Бедное парализованное существо. Неудивительно, что Уортроп-старший покинул тебя! Какое утешение мог он дать тому, чей разум покинул тело, в котором обитал? Даже если он покинул тело по доброй воле, мог ли какой-то разум оказаться сильнее, чем ужас, замораживающий костный мозг и блокирующий движение конечностей? Сильнее, чем самая тяжелая тюремная цепь, сковали тебя метафорические узы, Хезекия Варнер!

Варнер засмеялся. Смех был слабым, шуршащим, как осенние листья под ногами.

– Что-то пошло не так, когда вы возвращались обратно в Америку, не так ли? – настойчиво продолжал монстролог.

– Он пытался предупредить меня, – сказал Варнер. Дыхание его стало свистящим.

– Кто? Кто пытался предупредить вас?

– Оба! В то утро, когда мы отплывали, старый дьявол с усмешкой в лукавых глазах и широкой улыбкой на черных щеках спросил, какую провизию мы заготовили для них. Он сказал мне, что во время путешествия они могут сильно проголодаться без «корма», и предложил взять с собой парочку его рабов. Я гневно отказался. Я сказал, что я – христианин, что во мне есть страх Божий и страх Божьего суда.

– Но вы пожалели об этом, – подвел итог Уортроп.

– Меня заверили, что все будет в порядке, – пробормотал Варнер. – У меня были строгие инструкции от монстролога. Мы укрепили опоры и крепежные детали, приварили железные решетки на иллюминаторы, врезали двойные замки на двери. У нас на борту было двести фунтов соленой свинины, а в Сапеле мы загрузили именно ту провизию и в том количестве, что приказал Уортроп: двенадцать коз, пять телят и семь шимпанзе. «Попробуйте шимпанзе, если они не станут есть другое, – сказал он мне. – Они – ближайшие родственники их привычной добыче». Ближайшие родственники! Да помоги нам Бог!

Уортроп разжал пальцы, и муха упала на пол. Он наступил сапогом на ее сухое тельце.

– Мухи, – пробормотал он задумчиво. – Откуда столько мух?

Он с минуту наблюдал, как они жужжат и бьются о замызганное стекло, прежде чем повернуться лицом к Варнеру.

– Антропофаги отказались это есть, – скорее сказал, чем спросил Доктор.

– О да, именно так и было, как вам известно. Как вам известно и все остальное. Так что я больше не буду ничего рассказывать об этом. Не знаю, зачем вы приехали среди ночи и задаете вопросы, ответы на которые вам известны. Не знаю, зачем вы приехали, если только не для того, чтобы мучить больного умирающего старика. Не знаю, что за удовольствие доставляет вам моя боль, Уортроп, разве только, помилуй господи, вы воистину – сын своего отца! Вы уже знаете, какой специальный приказ отдал ваш отец и какая судьба постигла экипаж «Феронии». Что за садизм привел вас к моему смертному ложу? Чего вы хотите – напомнить мне о тех страшных днях смерти и о смерти приближающейся? Поглубже вонзить в меня нож, который уже вонзил ваш отец? Разбередить мою рану еще раз, прежде чем ангел смерти спустится за мной? Сжальтесь надо мной, Уортроп! Я молю вас о милосердии! Сжальтесь!

Доктор проигнорировал эту обличительную речь, эту страстную мольбу, разбавленную стонами и всхлипыванием. Проигнорировал все это и сказал:

– Они, должно быть, немедленно убивали всех животных, которых вы предлагали им, – они яростно охраняли свою территорию – но не ели их. Через несколько дней трюм корабля, надо думать, напоминал скотобойню, а вонял еще хуже.

– Нет, – прошептал Варнер, закрывая глаза. – Нет, прошу вас, не говорите ничего больше.

– Им как-то удалось выбраться. Нигде в литературе не упоминается, что они умеют плавать, так что они попросту захватили корабль, а не бежали с него. И по крайней мере двое из них выжили до того момента, как «Феронию» выбросило на мель в Суомпскотте. Выжили самец и самка, полагаю?

Варнер вздохнул – это был резкий скрипучий вздох, такой звук издает галька, когда на нее наступает сапог. Глаза его открылись, рот зевнул, язык вывалился, голос стал потусторонним.

– Они съели младшего. Это был ее сын, этой самки Антропофага, по крайней мере, Оба так говорил. Она просто порвала его на куски. Своими собственными глазами – о, как виню я свои глаза за то, что они видели! – я смотрел, как она засовывает его еще бьющееся сердце себе в глотку. То, что осталось, доел самец.

– Она была главная в паре? Она доминировала?

– Самец боялся ее, страшно боялся, это было ясно.

– Тем не менее его она не тронула – или не так? Она одна спаслась с корабля?

– Я не знаю, спаслась она одна, или они оба, или никто не спасся. Меня там не было! Господь в неизмеримой милости своей решил сохранить мне жизнь, чтобы я окончил дни мои здесь, окруженный заботой доброго доктора Старра и этой ведьмы, миссис Браттон!

– Вы бросили ваш корабль на произвол судьбы, вы покинули судно, – настаивал Доктор.

Варнер не отвечал. Его глаза снова закрылись. Возможно, он думал, что, если закроет их, мы исчезнем так же, как чудовищные образы, которые он видел на потолке, и будем преданы забвению. Он стал так неподвижен, что на миг я подумал, что он перестал дышать.

– Вы спрашивали, зачем я приехал, – начал Уортроп, возвращаясь на свое место. – Меня привела сюда она, эта самка, Хезекия, потому что она, как и вы, пережила гибель «Феронии», а ее отпрыски процветают в новообращенном доме. Ее потомство, более тридцати сильных особей Антропофагов, на данный момент находятся в трех часах езды от этого места.

Варнер застонал. К этому времени мы уже столько слышали его стон, что он превратился в постоянный фон, как жужжанье мух, бьющихся о стекло. («Откуда столько мух? – интересовался Уортроп. – Откуда столько мух?»)

– Мой отец измучил себя мыслями о вас, – продолжал Доктор. – Но не выказал заинтересованности в судьбе вашего необыкновенного груза. Он был много кем, но в первую очередь оставался ученым и не пришел бы к выводу, что Антропофаги затерялись или погибли в море от голода. Что-то или кто-то убедили его, что не надо гнаться за ответом. И не было никого, кроме одного человека, кто был свидетелем и мог убедить его. Человека, спасшегося с «Феронии». Из-за этого он нашел вас через двадцать лет? Чтобы снова спросить вас об их судьбе?

Кожа Варнера тошнотворно серого цвета заблестела в свете лампы – он потел под слоями своих одеял, и впервые я почувствовал в воздухе не только запах хлорки, а примешивающийся к нему слабый запах разложения. Я подумал, может, под кровать заползла крыса и там сдохла? Это объяснило бы наличие мух. Я обернулся и посмотрел на усеянное ими окно. Откуда столько мух?

– Ей на руку сыграли две вещи: прихоть природы и человеческая глупость, – глухо простонал Варнер, откликаясь наконец на вопрос Доктора. – На девятнадцатый день в море наступил штиль. Кругом было только море – бесконечное, как прерии Канзаса, а сверху палило жестокое тропическое солнце. И так продолжалось день за днем, восемь дней, пока экипаж не начал нервничать, сходить с ума от скуки и, наконец, пить. Они почти постоянно были пьяные. И мучили чудовищ просто ради развлечения. Они делали ставки, кто из монстров первый загнется без еды, кто первый начнет убивать. Они открывали дверь трюма и дразнили их через решетку, бросались в них чем попало и наслаждались вызванной яростью. Самый крупный из монстров, самка, мог допрыгнуть со дна трюма, с двадцатифутовой глубины, почти до прутьев решетки; на это они тоже делали ставки – как далеко дотянется она лапами. Уилсон, первый помощник, был заводилой. Именно он придумывал большинство издевательств. И именно он первым поплатился за это.

За день до того, как снова подули ветры, после еще одного жаркого, праздного, пропитанного ромом дня, Уилсон и двое его приятелей решили забить теленка и попробовать накормить Антропофагов.

Пьяная логика Уилсона была такова: зверюги отказываются есть то, что им предлагают, потому что видят, что это – не человеческое мясо. Ни один уважающий себя людоед не станет есть какого-то там теленка! Но если они не будут знать, что за мясо им бросили, они могут принять его за человеческое и проглотят за милую душу! Таков был план. Капитан его не одобрил. Он лежал в своей каюте с малярией, как он полагал. Команда судна забила орущего теленка на палубе и выкинула внутренности за борт поджидающим акулам. Пребывая в пьяном дурмане, они не осознавали и не обратили внимания, что неистовство и бешенство, с которым акулы набросились на потроха, были всего лишь прелюдией, страшным предзнаменованием последующих событий.

Уилсон и рабочий по имени Смит отрезали толстый кусок телячьего бока и насадили его на гарпун. Крюк они привязали к концу тридцатифутовой веревки, сложенной кольцами, и Уилсон спустил наживку сквозь прутья решетки, лежа на животе так, чтобы видеть результаты эксперимента. Для Антропофагов это было тихое и спокойное время суток – время, когда они прячутся в своем жилище и отдыхают, лежа в соломенных гнездах, которые, как предупредил нас капитан, они сначала подолгу сооружают, а потом еще тщательнее поддерживают в порядке. Антропофаги – ночные охотники и проводят большую часть дня высыпаясь, нянча малышей или тренируя соплеменников. Главный – и самый странный – вид тренировки – это навык извлечения кусочков человеческого мяса друг у друга из зубов. Делают они это кончиком самого длинного ногтя, расположенного на среднем пальце. Это упражнение вырабатывает у них осторожность, внимание и самоконтроль, потому что тот, у кого копаются в пасти, должен сохранять полную неподвижность, в то время как его товарищ забирается ему в самую глотку, чтобы почистить задние зубы. Если первый пошевелится, второй может поцарапать ему десны, что вызовет рефлекторное смыкание челюсти на руке, чистящей зубы, – руке, оказывающей бесценную услугу.

Уилсон почти не видел их – как они уютно устроились, прижавшись друг другу, на соломе в дальнем углу трюма. Решетки на окнах плохо пропускали свет даже в полдень, а сейчас солнце уже садилось; монстры казались скорее темными тенями среди более светлых теней от холмиков соломы, в которую они зарылись. Уилсон принялся раскачивать приманку туда-сюда, покрикивая, что пора вставать – обед подан. С тех пор как они ели в последний раз, прошло уже

три недели, и они, должно быть, сильно страдали от голода. Приятели Уилсона, Смит и навигатор Бернс, стояли по обе стороны от него, низко наклонившись, вглядываясь во мрак трюма, не в силах удержаться от веселого смеха. «Ниже, – подначивали они Уилсона, – раскачивай пониже, чтобы они могли унюхать запах!» Так кричали они в темную дыру трюма – тюрьму, знававшую тысячи тонн человеческого груза для работ на хлопковых плантациях Джорджии и плантациях индиго в Луизиане – ибо «Ферония» была работоторговым судном еще до войны. Теперь этот трюм был завален гниющими скелетами коз и неузнаваемыми останками разодранных шимпанзе – монстры порвали их так же легко, как дети отрывают крылышки мухам.

«Ну же, зверушки! Просыпайтесь и покушайте!» Призывы оставались без ответа. Стараясь раскачать приманку так, чтобы она была поближе к спящим Антропофагам и те смогли ее унюхать, Уилсон просунул правую руку сквозь прутья решетки, и веревка опустилась вниз еще на пару футов. «Приготовьтесь в любой момент выдернуть меня, – сказал он своим товарищам, раскачивая все сильнее из стороны в сторону кусок жирной телятины, с которого капала свежая кровь. – Вы же видели, как быстро они могут...»

Его фраза оборвалась, как оборвалась за полминуты и его жизнь.

Позже, прежде чем встретить ту же судьбу, что и глупый Уилсон, Бернс ворвался в кабину капитана и, забаррикадировав дверь, рассказал Варнеру, что случилось за те страшные полминуты. Выпрыгнула ли самка из-за соломенного гнезда или с другой стороны, никто не знает. Бернс – потому что не видел, Уилсон и Смит – потому что были мертвы. Уилсон, боясь уронить веревку, обмотал ее вокруг запястья, так что когда самка атаковала и повисла на крюке всем своим весом, плечо Уилсона полностью провалилось за решетку, хотя он и ослабил хватку, как только самка набросилась на дичь. Веревка разматалась и упала на пол трюма, но плечо Уилсона было теперь крепко зажато между прутьями решетки. Хриплым голосом Уилсон истерично закричал, чтобы его вытащили обратно. Разглядел ли он ее в темноте внизу? Встретился ли взглядом с ее черными бездушными глазами, расположенными на плечах, мерцающими в свете заходящего солнца? Но вот пасть ее разверзлась, и она подскочила на двадцать футов вверх. Вцепившись когтями в его руку, она подтянулась и другой лапой достала до прутьев решетки, до которых не могла дотянуться раньше, – его плечо стало ей опорой. Товарищи Уилсона отскочили в панике при виде ее кошмарной пасти. Уилсон вопил от ужаса и боли; его ноги дергались, ступни пытались найти опору, чтобы выбраться, но тяжесть туши, повисшей на его руке, тянула вниз. Он застрял в решетке еще крепче. Он откинул назад голову, так как она принялась полосовать ногтями его лицо, и тогда она проколола средним пальцем его сонную артерию – кровь брызнула во все стороны, и самка Антропофаг подставила пасть под ее фонтан. И вот его голова глухо стукнулась о металлические прутья, ноги еще раз дернулись в предсмертной судороге – и Уилсон замер.

Слишком поздно Смит вспомнил, что у него на боку есть кольт. Но пока он извлекал его из кобуры, она уже выломала два железных прута решетки – так легко, «как мы ломаем зубочистки». Эти прутья находились как раз под телом Уилсона, и теперь он полетел вниз в трюм, где поджидал самец Антропофаг, разбуженный возней и запахом человеческой крови. Смит принялся палить из револьвера, а самка, цепляясь лапой за решетку, продолжала выламывать следующие прутья. Бернс не мог сказать, попала ли в нее хоть одна пуля, потому что он повернулся и бросился бежать. Доски дрожали под его ногами. Все помещение вибрировало от пушечных выстрелов и истерических воплей Смита. Когда он поднялся по узкой лестнице на кварталдек, выстрелы внезапно прекратились: то ли у Смита кончились патроны, то ли она доломала прутья и Смит последовал за Уилсоном. В любом случае, когда «Феронию» обследовали уже после того, как судно село на мель, останки Смита, по словам Варнера, могли уместиться «в мешочек для пороха».

В этом месте своего мрачного повествования Варнер остановился. Все краски покинули его лицо; тело тряслось под одеялами. Воспоминания могут принести успокоение старику и

укрепить его дух, но они же могут обернуться армией призраков, лишаящей его последних сил. Он молил Уортропа не заставлять его вспоминать те ужасные события, которые и так невозможно до конца забыть, как показал и мой собственный опыт, сколько бы времени ни прошло.

И хотя он замолчал, Уортроп не настаивал на продолжении. Возможно, он понимал – как, к сожалению, понял потом и я, – что мы не можем остановиться, начав вспоминать что-то из своего прошлого. Пути назад уже нет и быть не может. Растревоженные воспоминания должны дойти до своего завершающего этапа. Тот же импульс, то же болезненное любопытство заставляет нас смотреть на несчастный случай, на канатоходца, упавшего с высоты... Воспоминания последних дней на «Феронии» не принадлежали Капитану – они владели им.

– Мы воровато спустились вниз, подняли на верхнюю палубу все запасы еды и воды, до каких смогли добраться, и заколотили нижнюю палубу, – продолжил наконец старик свой рассказ. – Мы выставили круглосуточную вооруженную охрану. Погода была нам на руку: дул попутный ветер, небо было ясным. Все шло хорошо. Дни проходили спокойно, но это было кажущееся спокойствие. Как только садилось солнце, внизу начиналось движение, слышно было, как там ходят и скребутся. Мы слышали, что они проверяют на прочность каждую доску у нас под ногами. Команда разделилась надвое, и все отчаянно ссорились между собой. Одни предлагали покинуть корабль на спасательных шлюпках и молиться о том, чтобы нас спасли. «Мы подожжем корабль, – говорили они, – мы сожжем его дотла!» Другие считали, что наше единственное спасение – в неожиданной атаке. «То, что они прорвутся наверх, – лишь вопрос времени, – говорили они. – Нужно напасть на них, пока они спят. Столкновение неизбежно, так лучше самим выбрать время и место». Я запретил и то, и другое. Мы шли с хорошей скоростью; корабль явно выдерживал ярость странных тварей; покинь мы его – и нас ждет если не участь Уилсона, то гибель от солнечного удара или голода. И мы плыли дальше...

Поначалу решение капитана показалось мудрым, тем более что погода действительно благоприятствовала. Так прошла неделя, потом другая, пока однажды утром, на тридцатый день плавания, когда к северу уже показался Бермудский архипелаг, ветер, неизменно дувший с востока, резко изменил направление.

Южное небо почернело, как смоль, а уровень воды в море поднялся на фут за один час, потом на два фута, на четыре – и солнце исчезло за темными, стремительно летящими тучами; «Ферония» оказалась в объятиях бушующего моря, гигантские волны захлестывали палубу. Ветер усилился до пятидесяти узлов, и команда вынуждена была спустить паруса, чтобы их не оторвало вместе с мачтой. Дождь хлестал немилосердно, а люди должны были оставаться на палубе, в то время как людоеды сидели себе в сухом теплом трюме. И споры возобновились. Одного человека уже смыло волной за борт, шторм с каждым часом нарастал, вспышки молний озаряли палубу, ветер гнал дождь наискось, так что передвигаться вдоль перил становилось все труднее. День заканчивался, температура падала, и возникла опасность заболеть. Все посты были покинуты.

С наступлением ночи экипаж «Феронии» сбился в одну кучку дрожащих людей на верхней палубе. Их страх перед яростью природы боролся со страхом перед ее прожорливыми детищами.

– Не знаю, кто заметил Антропофага первым, – признался Варнер. – Лампы уже не горели, молнии были единственным источником света в непроглядной штормовой мгле. «Что-то принесло с волной на палубу!» – закричал кто-то. Мы ждали, затаив дыхание, следующей вспышки молнии, но когда она озарила палубу, мы не увидели ничего, кроме теней да стены дождя. «Вон, видите, он там! К оружию!» Они подняли винтовки, но я приказал не стрелять. Куда можно попасть в таком водовороте? Честное слово, я готов поклясться, что не предполагал, что эти скачущие тени – чудовища из трюма. Тот человек видел, как что-то перемахнуло через борт, – но разве есть существо, способное подняться по скользкому борту корабля при

ветре в пятьдесят узлов? Скорее всего это выбросило из моря какую-то большую рыбу – акулу или что-то еще. Другого я и предположить не мог, это было невозможно.

– Нет, – сказал Уортроп тихо. – Это возможно.

Слушая рассказ Капитана, он стоял, облокотившись о стену, скрестив руки на груди, опустив подбородок на грудь и закрыв глаза. Я вспомнил, как он предупреждал меня на кладбище: «Будь очень внимателен и смотри в оба, Уилл Генри. Антропофаги способны стремительно взбираться по любым поверхностям».

– Он выбрался через боковой иллюминатор, это наиболее вероятно, – рискнул предположить Варнер. – А потом он взобрался на палубу по внешнему борту корабля – но это только мои предположения. В Бенине я видел череп жертвы со сквозными дырками от когтей Антропофагов, длинных, как у ленивца, и крепких, как сталь. Невозможным это казалось мне тогда, невероятным представляется и сейчас, но он взобрался по борту «Феронии» на верхнюю палубу, хотя я до сих пор не знаю, что заставило его покинуть убежище и так рисковать.

– Возможно, им двигал голод, – сказал Доктор. – Хотя сомневаюсь. Он мог бороться за территорию, но во время шторма немедленной угрозы никто не представлял. Возможно, страх перед совершенно неведомыми метеорологическими условиями... или, что более вероятно, страх перед самкой. В этом они похожи на людей: в моменты наивысшего напряжения и паники они бросаются друг на друга.

– Не той ночью, Уортроп, – простонал Варнер. – В ту ночь он выбрал более легкие жертвы. Страх или голод заставил его напасть, я не знаю. Но он напал. Он был быстрее молнии, одним прыжком преодолел сорок футов и приземлился прямо посреди нас. Раздались вопли и крики перепуганной команды, ворчание и рык атакующего зверя, пальба из винтовок и пистолетов – из этого кровавого бедлама меня выволокли на лестницу и стащили вниз в мою каюту...

Не кто иной, как навигатор Бернс, единственный, выживший в первой схватке с Антропофагами, затащил капитана в его каюту и закрыл дверь, пока наверху над ними бушевала битва. Капитан, все еще слабый и немощный после приступа тропической лихорадки, рухнул на пол, а Бернс отодрал от стены тяжеленный шкаф и забаррикадировал им дверь. Потом он вернулся к капитану, но вместо благодарности услышал проклятия – капитан потерял на палубе пистолет, и теперь они оказались запертыми в мышеловке – сухой – но мышеловке! Бернс стойко перенес оскорбления и без лишних слов уложил капитана в кровать, попросив его не двигаться и оставаться на месте. С этой позиции дверь хорошо просматривалась, а капитана не было видно снаружи, если бы кто-то заглянул в окно, расположенное над кроватью.

– В шкафу, – крикнул капитан, когда ровно над их головами раздался грохот. – Быстрее, Бернс!

Бернс перекатился по полу (он не рискнул подниматься во весь рост, чтобы его не увидели через окно) и обнаружил в шкафу ружье для охоты на слонов и кое-какую амуницию. Варнер вырвал ружье у него из рук и горько рассмеялся, заряжая.

– Это – подарок короля Асанты. Из него никогда не стреляли. Давай надеяться, Бернс, что нам не придется воспользоваться им сегодня ночью.

Они сидели рядом у подножия кровати. Молнии сверкали через окно, отбрасывая на пол длинные, дрожащие, угловатые тени. Корабль продолжало швырять в разбушевавшемся море. Хлопки выстрелов скоро стали более редкими и совсем прекратились. Вопли экипажа тоже внезапно стихли. Был слышен лишь шум волн, гром, завывающий ветер... и больше ничего. Как ни напрягали они слух, сверху больше не доносилось ни одного человеческого звука. Выиграла ли битва? Нашли ли приют на другой палубе? Сколько человек выжило и выжил ли кто-нибудь вообще? И что там с монстром? Разумеется, он, должно быть, умер или серьезно ранен. Даже такое огромное чудовище не может выдержать атаки двадцати вооруженных мужчин в ближнем бою... или может? Так они спрашивали себя, тяжело дыша и перешептываясь, в промежутках между вспышками молний и грохотом грома. Зубы у них стучали, они промокли

до костей, их пальцы нервно поглаживали спусковые крючки оружия; они гадали и успокаивали друг друга, но не могли представить, какого плана им придерживаться дальше. Что делать? Каждая секунда, когда ничего не происходило, была уже победой; каждая секунда без изменений была триумфом. Но секунды ползли, превращаясь в минуты, и минуты медленно шли, и вот уже пленники затихли, измученные вопросами, на которые у них не было ответов. Никто ничего не говорил, пока Варнер не спросил Бернса ровным спокойным голосом, сколько пуль у того в пистолете.

– Я стрелял дважды, сэр, – ответил навигатор. – Так что в барабане осталось четыре.

– Оставь две, – сказал Варнер.

– Две, сэр?

– Если потребуется, выстрелишь дважды, но две последние оставь. Одну – для меня, а одну – для себя, Бернс, если дойдет до того. Я не хочу умереть так, как Уилсон.

Бернс сглотнул комок в горле и помолчал с минуту. Возможно, он хотел поспорить, возразить что-то насчет веры и здравого смысла, но, по всей вероятности, не нашел что сказать.

– Хорошо, капитан, – только и произнес он.

– Скажи мне, Бернс, ты знаешь какую-нибудь молитву? – спросил капитан.

– Я христианин, сэр.

Варнер усмехнулся и поудобнее устроил ружье на коленях. Оно было очень тяжелым и отдавало ему ногу.

– Я тоже, но христианин христианину рознь, Бернс. Ты молишься?

– Когда был юным, не молился, – признался Бернс. – Сейчас делаю это чаще, капитан.

– Хорошо, – сказал капитан. – Прочти молитву, Бернс, и вставь словечко за своего капитана.

Бернс послушно склонил голову и начал читать «Верую...». Он произносил слова тихо, вкладывая в них всю душу. Когда он закончил, оба мужчины были глубоко тронуты, и Варнер спросил, не знает ли Бернс двадцать третий псалом.

– Это – мой любимый, – признался он. – «И когда пойду я дорогою смерти, то не убоюсь...» Ты знаешь его, Бернс? Прочти, если знаешь.

Бернс знал, и Варнер прикрыл глаза, пока тот произносил. «Господь – пастырь мой. Не будет у меня...» Слова молитвы успокаивали Капитана, они напомнили ему детство, мать и то, как она держала его за руку во время церковной службы, напомнили долгие поездки на лошадях воскресным днем и восхитительные семейные обеды, переходящие в ужин. «Душу мою оживляет...» Как мимолетны безмятежные дни детства! Как странно, что будущее представляется таким далеким, и как мгновенно, словно на крыльях птицы, оно прилетает! Не успеешь и глазом моргнуть, а маленький мальчик, сидящий с мамой в церкви, уже зрелым мужчиной в страхе прячется в темноте каюты корабля.

– Спасибо, Бернс, – пробормотал капитан. – Так хорошо.

– Спасибо вам, капитан, – сказал Бернс. – Теперь стало легче.

Его ноги задержались. Голова откинулась на ступеньку с глухим стуком, глаза закатились, а из открытого рта хлынула кровь, заливая грудь, заливая дергающиеся ноги. Живот вздулся и лопнул, словно воздушный шар, наполненный воздухом. Пуговица пролетела через кабину. И тут рука, в два раза крупнее руки взрослого человека, вспорола пропитанную кровью материю. Алебастровая кожа была в пятнах крови, куски порванного кишечника свисали с трехдюймовых ногтей. Рука высунулась дальше, повернулась на девяносто градусов, и в следующий момент голова Бернса оказалась зажата в гигантской лапе. С тошнотворным хлопком зверь целиком оторвал голову от туловища и утащил ее назад сквозь рваную дыру в животе.

С криком ужаса Варнер отполз в сторону, волоча за собой тяжелое ружье. Времени поднять ружье у него не было, так что он просто положил его поверх обезглавленного тела своего друга. Дрожа, с болью в предплечье от тяжести ружья, стараясь изо всех сил удержать баланс,

в то время как корабль бросало на волнах, Варнер задержал дыхание и прицелился, приказывая сердцу успокоиться. Свет сменялся тьмой, молнии вспыхивали и тут же гасли, погружая комнату во мрак.

Но зверь под кроватью был терпелив; это была самка, и она была готова ждать наступления темноты, чтобы выиграть схватку. Она будет атаковать, когда жертва станет наиболее уязвима, когда потеряет от страха свой драгоценный рассудок. Миллион лет эволюции подготовили ее к этому моменту. Она была хищником, на голову выше других, имеющим неоспоримое превосходство, в отличие от своей жертвы – представителя вида, который лишь в последние десять тысяч лет вообразил себя главным на Земле.

Антропофагов прогнали с потомственных земель саванны и прибрежных прерий. Те, кого не убили или не захватили племена, такие как Бенин, для развлекательных жертвоприношений, скрылись в лесах Конго и на побережье Гвинеи. С течением времени количество Антропофагов все сокращалось. Но, даже несмотря на это, власть человека на Земле пошла им на пользу, обеспечив не только добычей – ведь люди размножались, и на них стало легче охотиться, – но и кое-чем еще: чтобы выжить в новых условиях, Антропофаги стали больше, быстрее и сильнее.

Когда первые пирамиды поднялись над песками Египта, среднестатистический самец Антропофаг был ростом чуть более шести футов от стоп до плеч. За какие-то пять тысяч лет – краткий миг с точки зрения эволюции – он поднялся более чем на семь футов над землей. Его когти стали длиннее, длиннее стали ноги и мощные руки. Глаза превзошли по размеру наши в три раза, потому что мы загнали его во мрак, в ночь, согнали с акации в холодные леса и сырые пещеры Киншаса и Атласных гор. Природа создала зверя, сидящего сейчас под кроватью, но именно превосходство человека, установление его главенства, довело этого хищника до совершенства.

У Варнера был всего один шанс: он выронил коробку с патронами, когда в диком ужасе отползал по полу от кровати. Проманись он сейчас, в следующий же миг самка уже окажется сверху. Образ обнаженной девушки в яме, ее обезглавленный труп, валяющийся в грязи и собственных испражнениях, мелькнул в его голове. И тогда, словно это воспоминание было вопросом, самка-монстр ответила: она атаковала.

Ступенька треснула и разлетелась в щепки, когда та выпрыгнула из своего укрытия; именно громкий треск ломающегося дерева подтолкнул Варнера. Он выстрелил. Выстрел был оглушительным. Что-то яростно дернуло его за ногу: она вцепилась зубами в каблук его сапога. Он принялся наносить тяжелые удары ружьем ей между плеч, а она тянула его к своему жадному рту. Он надавил носком сапога на захваченный каблук другой ноги и пнул изо всех сил. Его нога выскользнула из ловушки, и он пополз к своему рабочему столу, едва удерживаясь, чтобы не скатиться по качающемуся полу.

Много лет назад он приобрел в Борнео у одного малайца крис – кинжал с волнистым лезвием. Варнер использовал его, чтобы вскрывать письма или, когда ничего более подходящего под рукой не было, ковырять им в зубах. Провидение улыбнулось ему в тот момент, ибо комната озарилась вспышкой молнии, и в ее свете кинжал блеснул на столе. Варнер схватил кинжал и, обернувшись, изо всех сил сделал выпад и вонзил клинок в темноту.

– Я до сих пор не могу сказать, что это было, – задыхаясь, говорил прикованный к постели старик двадцать лет спустя, – случай или судьба, удача или рука ангела-хранителя, направившая мой кинжал ровно в черный глаз проклятой зверюги. Да, я сделал выпад вслепую – и ослепил ее! Громче, чем волны, бьющие о корабль, были ее рев и рычание от страха и боли. Она отступила, и я услышал, как она повалилась на мою сломанную кровать. Возможно, она споткнулась о тело бедняги Бернса; не могу сказать. Я уже был у двери.

Случай или судьба подарили ему возможность спасения. Теперь страх и его неизменный спутник, адреналин, дали ему силы использовать ее: он отпихнул в сторону шкаф, распахнул дверь и нырнул под пелену дождя.

– Я не смотрел ни направо, ни налево, – сказал он. – Я не думал о том, что меня может смыть волной или ударить молнией. Я бросился к спасательным шлюпкам.

Но веревка, которой были привязаны шлюпки на «Феронии», перекрутилась под порывами ветра, и размотать ее было невозможно. Сжимаясь от холода в ледяной воде, затопившей лодку, Варнер щурился под стекавшим по лицу дождем и негнушимися пальцами пытался развязать узлы на веревке.

Все так же опустив голову и не раскрывая глаз, Уортроп тихо произнес:

– Нож.

– Bravo, Уортроп! Нож! А знаете ли вы, что все то время, что я пытался развязать узлы, лезвие было зажато у меня между зубами, чтобы они не стучали так сильно? Истерично хохоча над собственной глупостью, я вспорол наконец узлы ножом и тут же свалился на лодке в море.

По окончании его рассказа все некоторое время молчали. Уортроп оставался стоять у стены, а Варнер лежал, как лежал с момента нашего прихода, неподвижный, словно труп, и язык его облизывал посиневшие губы, и глаза блуждали по потолку. Я стоял у двери – там же, где встал, как казалось, много часов назад. Если бы я не видел Элизу Бантон в оскорбительных объятиях Антропофага, если бы не был свидетелем гибели Эразмуса Грея, я, несомненно, подумал бы, что весь этот рассказ – плод больного, измученного воображения, галлюцинация, порожденная старческим слабоумием, и что стоит он не больше чем сказки о русалках и левиафанах, способных проглотить корабль вместе с командой. Жестокая ирония. Как же так? Как, после чудесного спасения, правда и правдивость привели его сюда, в сумасшедший дом?

Но ведь только сумасшедший верит в то, что известно наверняка каждому ребенку: монстры, которые лежат в ожидании под нашими кроватями, существуют.

– Какая невероятная удача, – сказал Доктор, прерывая наконец молчание. – Не только сбежать той ночью с корабля, но и выжить в море, дождавшись спасения.

– Я всех их потерял, каждого, – отозвался Варнер. – И я провел двадцать лет в этом ужасном месте, последние пять – прикованным к этой постели. Со мной – только мои воспоминания и эта отвратительная старуха с гремющей связкой ключей. Вот вам и удача, Уортроп! Так что если жизнь – это вопрос, у меня есть на него ответ: сбежать и спастись нельзя. Судьбу не проведешь. Я был капитаном. «Ферония» принадлежала мне, а я – ей. И я ее предал. Я предал и покинул ее, но судьбу не предашь и не проведешь. То, что предначертано, можно только отсрочить. Видите ли, мне было суждено быть съеденным, и, несмотря на то что я выбил себе отсрочку, долги все же надо отдавать. И я плачу по счету.

Уортроп застыл. С минуту он пристально рассматривал раздутое лицо, слезящиеся, бегающие глаза, суетливо двигающийся язык. Он поднял с пола лампу и передал ее мне.

– Подержи-ка, Уилл Генри, – сказал он мне, – да повыше. И отступи немного назад.

Он схватился обеими руками за одеяла. Варнер скосил на него глаза и прошептал:

– Нет!

Но пошевелиться он не мог.

Уортроп откинул одеяла – и я отпрянул с невольным вскриком.

Хезекия Варнер лежал обнаженным, как в день своего рождения, под слоями студенистого жира. Кожа его была того же серого оттенка, что и лицо, а на разных участках его огромного тела были наспех прикреплены неровной мозаикой марлевые компрессы. Более тучного человека я в жизни не видел, но не это заставило меня вскрикнуть и отпрянуть. То был запах. Запах гниющей плоти, который я почувствовал ранее, – тошнотворный запах, принятый мной за дохлую крысу под кроватью. Я посмотрел на Доктора – вид его был мрачен.

– Подойди, Уилл Генри, – сказал он, – и держи лампу над ним, пока я осмотрю его.

Я подчинился, конечно, стараясь осторожно дышать ртом, но и тогда чувствовал привкус на кончике языка – пощипывающую кислинку, сопровождающую любой едкий запах.

Итак, я держал лампу над неподвижным телом капитана, а Доктор склонился над ним и осторожно принялся снимать один из компрессов. Варнер застонал, но не шевельнул ни мускулом.

– Не надо, – взмолился он. – Не трогайте меня!

Уортроп был глух к его мольбам.

– Глупо с моей стороны было бы не осмотреть вас и не увидеть все сразу. Для них может быть только одно объяснение, Уилл Генри.

Я кивнул. В одной руке я держал лампу, освещая Доктору его работу, а другую прижал к носу и рту. Я кивнул, но не понял – для кого может быть только одно объяснение?

Кожа Варнера натянулась, когда Доктор отлеплял марлю. Компресс казался слишком белым на фоне его серой кожи. Его сделали недавно, миссис Браттон пришлось потрудиться, пока Старр заговаривал нам зубы в гостиной. Да, ей пришлось немало потрудиться – вычистить комнату, обработать ее хлоркой, стянуть с Варнера грязную одежду, наложить свежие марлевые компрессы, и все это ради того, чтобы скрыть... что? Уж, конечно, не пролежни, потому что при комплекции Варнера они были неизбежны. Тогда что же? Ответ, конечно, жужжал и бился о стекло позади нас.

Откуда столько мух?

– Не трогайте меня, – прошептал с кровати человек, превратившийся в корм.

Компресс, снятый Уортропом, покрывал почти весь правый бок Варнера. Под ним оказалась рана размером с блюдо, овальная, с неровными воспаленными краями – влажная полость, ведущая прямо к ребрам. Кровавый гной стекал с нижнего края полости по складкам жира на заплесневевшую простыню – ее старуха не смогла поменять, уж больно тяжел был Варнер.

Уортроп что-то промычал, склонившись над раной так низко, что едва не касался ее лицом, и заглядывая внутрь.

– Нет, – пробормотал он, качая головой, – здесь нет... А! Вот они! Все же миссис Браттон пропустила парочку. Видишь их, Уилл Генри? Наклонись пониже – видишь, вон там, под вторым ребром?

Я проследил взглядом за его пальцем и увидел. Они извивались и скручивались в гниющей массе внутри бессильного оскверненного тела Варнера: три личинки, исполняющие запутанный сложный танец на зараженном мясе. Их черные головки блестели, как отполированные бусинки.

– Не... прикасайтесь... ко... мне...

– Обрати внимание, Уилл Генри: мы близоруки в своем восприятии, осмыслении и понимании, – вздохнул Доктор. – Подумать только: простейшие личинки потребляют сырого мяса больше, чем львы, тигры и волки вместе взятые. Так, а это что такое?

Он метнулся мимо меня к подножию кровати. Я ошибался, думая, что капитан полностью раздет. Нет. На нем были сапоги. Кожа на них потрескалась, шнурки скатались в узлы. Доктор слегка надавил пальцем на воспаленную кожу прямо над правым сапогом, и Варнер тут же хрипло закричал от боли. Уортроп просунул руку между каблуком и матрасом, и одно только это движение заставило Капитана застыть в агонии.

– Ради бога, Уортроп, имейте хоть каплю милосердия!..

– Стопа воспалена, инфицирована, так же как и левая, я полагаю, – пробормотал монстролог, не обращая внимания на мольбы Варнера. – Поднеси лампу поближе, Уилл Генри. Стой здесь, у изножья кровати. Жаль, у меня нет острого ножа – я мог бы срезать его.

– Только не сапоги! Только не мои сапоги!

Уортроп ухватил гниющий сапог обеими руками и потянул изо всех сил. Интересно, подумал я, это те самые сапоги, которые спасли ему жизнь двадцать лет назад? Неужели он так и проносил их все это время в суеверном страхе? У Доктора вены вздулись на шее, так сильно приходилось тянуть сапог. Варнер выл и сыпал ругательствами, а потом разразился слезами.

Наконец сапог оторвался от ноги и буквально развалился в руках Уортропа. Вонь гнилого мяса окатила нас волной. Когда сапог был сдернут, вместе с ним отодралась кожа, и густой гной цвета болотной жижи хлынул на простыню.

Уортроп отступил с выражением отвращения и смятения на лице.

– Да будь они прокляты за это, – сказал он низким зловещим голосом.

– Наденьте его назад! – орал капитан. – Мне больно! Мне больно!

– Слишком поздно! – пробормотал Уортроп.

Он посмотрел на мое залитое слезами лицо.

– Инфекция распространилась внутрь костей, – прошептал он. – Ему осталось жить несколько часов, не более одного дня.

Он бросил рваный сапог на пол и вернулся к изголовью кровати. С огромной нежностью он приложил руку ко лбу исстрадавшегося старика и заглянул ему глубоко в глаза:

– Хезекия, Хезекия! Все очень плохо. Я сделаю все, что смогу, но...

– Я хочу только одного, – прошептал Варнер.

– Скажите мне, я сделаю все, что в моих силах.

Последним усилием воли – вот триумф человека над бесчеловечной судьбой – старик приподнял голову с подушки и прошептал Доктору в ухо:

– Убейте меня.

Доктор ничего не ответил. Он продолжал молчать, тихонько поглаживая старика по горячему лбу, потом медленно выпрямился и едва заметно кивнул. Он повернулся ко мне:

– Уилл Генри, подожди меня снаружи.

– Сна... снаружи? – заикаясь, переспросил я.

– Если увидишь, что старая карга шпионит в коридоре, дважды стукни в дверь.

Он снова повернулся к умирающему, уверенный, как всегда, что я в точности выполню его указания. Он подсунул одну руку под голову Варнера, а другой выдернул из-под нее подушку. Не оборачиваясь ко мне, он сказал глухим голосом:

– Делай, что велено, Уилл Генри.

Я поставил лампу на пол, и тень, упавшая на кровать, закрыла лицо Доктора и лицо умирающего – темный экран для темного дела. Так я и оставил их, прикрыв за собой дверь. Всей грудью вдохнул я воздух в коридоре и облокотился о стену между двух дверей – Варнера и его соседа, – медленно сполз на пол, обхватил колени руками и спрятал в них мокрое от слез лицо. За дверью соседа послышалось царапанье, и все тот же гортанный голос, который я уже слышал раньше, заговорил:

– Привет еще раз, малыш. Ты вернулся, чтобы проведать меня? Не смущайся. Я знаю, что ты здесь. Я чувствую твой запах. Подойди же, будь хорошим мальчиком и открой дверь. Мы можем поиграть. Я буду хорошо себя вести, я обещаю.

Я закрыл ладонями уши.

Я не знаю, сколько я так просидел в злосчастном коридоре. Так же, вероятно, томился и экипаж «Феронии» когда-то... Время идет иначе в таких местах, как санаторий «Мотли Хилл». Час за день, ночь – за год. Какое успокоение можно найти в том, что ночь сменяет день в местах, подобных этим, когда один день неизменно похож на другой? Какое значение имеет час, когда этот час ничем не отличим от другого? Наступает новый день, сменяют друг друга времена года, и год за годом проходят и выстраиваются в двадцать лет. Ах, Хезекия, неудивительно, что ты помнишь свое последнее плавание с такой ясностью. Все твои последующие годы ты не видел ничего, кроме потолка над головой, и измерял время лишь жужжаньем мух на окне.

Каким глупцом чувствовал я себя теперь за то, что осуждал Доктора, когда тот убил Эразмуса Грея. Случай Хезекии Варнера полностью опровергал утверждение, что «там, где есть жизнь, есть надежда». У него оставалась жизнь, но надежда? Его судьба ничем не отличалась от судьбы несчастных девственников, брошенных в яму на съедение Антропофагам. Что может быть страшнее, чем знать, что ты – живой труп? Без сомнения, Эразмус умолял бы Уорттропа, как Варнер: «Убейте меня!» И, без сомнения, как Доктор и говорил, поблагодарил бы его за то, что он сделал.

Я даже удивился, когда Доктор наконец открыл дверь. Его длинная тень упала на пол и на противоположную стену. Он опустился рядом со мной и принял ту же самую позу усталого смирения и прижал кулаки к глазам, вокруг которых залегли черные тени.

– Я не могу сделать этого, Уилл Генри.

Он рассмеялся и добавил:

– Не знаю даже, что это – триумф воли или поражение. Возможно, и то и другое. Видишь, почему я предпочитаю морали науку? Что есть, то есть. Что возможно будет, то возможно будет. Ему позволили лежать в этой постели, не двигаясь, пока под тяжестью его собственного тела у него не образовались язвы, они воспалились, и мухи стали откладывать в них личинки, а теперь эта инфекция дошла до костей. Он приговорен, Уилл Генри, надежды на выздоровление нет.

– Тогда почему вы не можете?.. – прошептал я.

– Потому что я не понимаю, что движет мной. Я сам себе не доверяю. Я не знаю, чьи руки держали бы подушку – его... или мои.

Он резко поднялся и подтолкнул меня тоже вставать.

– Идем, Уилл Генри. У нас осталось здесь лишь одно небольшое дело. И касаться оно будет возмещения ущерба. Действительно, откуда столько мух! Личинки, пожирающие тело Варнера, черви сомнения и вины, пожиравшие душу моего отца. Есть такие монстры, как Антропофаги, но есть еще и монстры другого порядка. Так было, Уилл Генри, и так будет.

Он стремительно пошел по коридору, не оборачиваясь. Я поспешил следом за ним, испытывая облегчение при мысли, что наше пребывание здесь подошло к концу. Мы прошли по длинному коридору, в котором даже в этот поздний час раздавались крики, жалобы и призывы приговоренных к заключению здесь «гостей». Мы спустились по узкой скрипучей лестнице на первый этаж, где ждала суровая миссис Браттон, и на ее крючковатом, как у ведьмы, носу было пятно белой пудры. С момента нашей последней встречи она нацепила передник и страдальческую, неестественную улыбку.

– Ваше посещение больного завершено, Доктор? – спросила она.

– Нет, – бросил Уорттроп, – а вот жизнь больного уже почти завершена. Где Доктор Старр?

– Доктор Старр закончил на сегодня, – сухо ответила она, подлаживаясь под его тон. – Уже слишком поздно.

Монстролог глухо рассмеялся горьким смехом:

– Вне всякого сомнения, моя дорогая! Что у вас есть из обезболивающего?

На ее лице появилось хмурое недовольное выражение, гораздо более естественное, чем улыбка:

– Обезболивающего, Доктор?

– Опий... или морфий, если есть.

Она покачала головой:

– У нас есть аспирин. А если пациент совсем плох, доктор позволяет дать ему глоток виски.

– В нашем случае не поможет ни то, ни другое, – сказал Уорттроп.

– Он плохо себя чувствует? – поинтересовалась она безо всякого выражения на лице. – Мне он не жаловался.

– Он не доживет до утра, – сказал Доктор, и лицо его вспыхнуло. Ему потребовалось все его мужество и самоконтроль, чтобы не схватить старуху за тощее горло и не свернуть шею. – Принесите виски.

– Я не могу без разрешения доктора, – протестующе воскликнула она. – А он отдал ясный приказ не беспокоить его.

– Я даю вам разрешение «побеспокоить» его, миссис Браттон, – прорычал Уорттроп. – В противном случае я привезу городскую полицию, чтобы дать вам разрешение.

Он развернулся на каблуках и зашагал прочь к лестнице. Сердце у меня упало. Этому ночному посещению не будет конца. Когда мы проходили через гостиную, Уорттроп велел мне взять маленькое кресло-качалку, которое стояло у камина. Я пошел за ним вверх по лестнице, волоча кресло за собой.

– Виски, миссис Браттон! – крикнул он через плечо. – И пузырек аспирина!

Мы вернулись в комнату Варнера. Уорттроп уже снова прикрыл его одеялами, но запах разложения все еще стоял в воздухе. Я поставил кресло рядом с кроватью, Уорттроп сел – и началось ожидание смерти. Пришла миссис Браттон с виски и аспирином. Она отказалась переступить порог комнаты, лишь взгляд ее метал молнии в сторону Уорттропа. Я взял поднос из ее рук.

С беспечностью, попросту ненормальной в этих трагических условиях, она спросила:

– Я там испекла булочки с клюквенной начинкой. Принести вам или вашему мальчику?

– Нет, спасибо, – ответил Доктор сквозь зубы. – Я не голоден.

– Как угодно, – сказала она насмешливо. – Что-нибудь еще, Доктор?

Он не ответил. Тогда она посмотрела на меня. Я отвел глаза. Она оставила нас в покое.

– Закрой дверь, Уилл Генри, – мягко сказал Доктор.

Он приподнял голову Варнера и сунул ему в полуоткрытый рот четыре таблетки аспирина. Потом он прижал к его бесцветным губам бутылку.

– Пейте, Хезекия. Пейте.

В течение следующего часа капитан то отключался, то приходил в себя, бессвязно бормоча, вздыхая и постанывая. Даже с закрытыми глазами зрачки его продолжали двигаться. Доктор Старр так и не появился.

– Это дело – многоголовая гидра, Уилл Генри, – говорил Уорттроп, поглаживая Варнера по лбу. – Стоит найти один ответ, как на его месте тут же возникают два новых вопроса. Теперь мы знаем, что на наши берега попало только два монстра. Учитывая среднестатистическое появление потомства – два детеныша в год – и принимая в расчет несчастные случаи и болезни, да и то, что время от времени один самец погибает во время вынашивания плода – похоже, оба монстра пережили гибель «Феронии» и племя Антропофагов, которое мы имеем, – целиком потомство той пары. Это значит, тридцать – тридцать пять монстров... и не больше.

Он вздохнул.

– Что ставит перед нами еще один вопрос – зачем? Зачем отцу понадобилось больше одного монстра? Если он хотел изучать этот вид, в естественных условиях или в заключении, как в Бенине, почему он сам не поехал в Африку? Моя мать к тому времени уже умерла, я постоянно жил в школе в Лондоне, его ничто не держало в Новом Иерусалиме. Он никогда не сомневался, ехать ему куда-то или нет, если это требовалось, и был не чужд сомнительным экспедициям. Но он захотел, чтобы ему привезли нескольких живых представителей этого вида и заплатил королевскую цену за их доставку. Почему? Зачем?

Доктор продолжал рассеянно поглаживать по лбу Варнера, словно этот ритуал мог помочь ему с ответом. Но ни умирающий, ни я не были способны найти объяснение поступку его отца. Варнер – потому что был без сознания, я – потому что дошел до точки. Я сидел, облокотившись спиной о стену, не в силах подавить зевоту, не в силах бороться с закрывающимися глазами. Силуэт Доктора расплывался, звук его голоса сливался с расплывающимися

по комнате тенями. Жужжание мух, сиплое дыхание капитана, ритмическое поскрипывание кресла-качалки, даже симфония стонов, доносившихся из коридора, – все слилось для меня в единую колыбельную. Я уснул на рассвете. Но Доктор не спал. Согнувшись, он примеривал и принимал на себя ношу, возложенную на него отцом. Он не отдыхал, он бодрствовал и дежурил у ложа умирающего. И хотя тело его было неподвижно, ум его неустанно работал.

Я проснулся с затекшей шеей и страшной головной болью. Сквозь грязное окно светило утреннее солнце. Доктор по-прежнему сидел в кресле-качалке. Он не спал, положив подбородок на сомкнутые в замок руки. Глаза его покраснели. Он, не мигая, смотрел на бесформенное тело. Уортроп уже закрыл лицо Варнера простыней.

Хезекии Варнера больше не было.

Я поднялся на дрожащих ногах, опираясь о стену, чтобы не упасть. Доктор не смотрел на меня, но потерял лицо, и я услышал, как трется щетина о его ладони.

– Все кончено, Уилл Генри, – сказал он.

– Мне так жаль, сэр, – слабо промолвил я.

– Жаль? Да, мне тоже жаль. Все это, – он указал рукой на постель, – достойно величайшего сожаления, Уилл Генри.

Он поднялся на ноги и с минуту покачался с пятки на носок – похоже, ноги у него затекли, как и у меня. Я вышел из комнаты вслед за ним. Вместе мы молча пересекли коридор, наполненный, как обычно, стонами и криками измученных людей. Миссис Браттон ждала нас у подножия лестницы. Она безмятежно кивнула Доктору:

– Как чувствует себя капитан Варнер сегодня?

– Он умер, – ответил Уортроп. – Где Старр?

– Доктора Старра вызвали по неотложному делу, – был ответ.

Монстролог пристально посмотрел на нее и вдруг горько рассмеялся.

– Ну, разумеется, его вызвали! – воскликнул он. – Даже не сомневаюсь! А вы будете очень заняты в его отсутствие, я уверен. Очень много надо сделать, раз я поставил в известность местную полицию, не так ли, миссис Браттон?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, Доктор Уортроп, – холодно отозвалась она.

– Очень жаль, вероятно, вы действительно не понимаете, – признал Доктор ледяным голосом. – Но еще ужаснее, если понимаете! Если воспринимаете свою бесчеловечность как гуманность. Можете передать своему хозяину, что я просто так этого не оставлю. «Мотли Хилл» пришел конец. Я лично прослежу за тем, чтобы Старр получил по заслугам по всей строгости закона за убийство Хезекии Варнера.

Он сделал шаг навстречу старухе. Она вздрогнула, глянув в его пылающее лицо, преисполненное негодования.

– И я молюсь о том, чтобы закон «смиловился» над ним – и над вами – с той же немилосердной жестокостью, с какой он доверил вам эти несчастные души.

И Доктор прошел мимо ее съежившейся фигуры, не дожидаясь ответа. Он рывком открыл дверь – так, что она громко стукнулась о стену. На заросшей лужайке Доктор опустил вожжи и повернулся в седле, чтобы еще раз взглянуть на старый дом с осыпающейся краской и провисшей крышей – тягостное зрелище даже в лучах утреннего солнца.

– Хотя Варнер мог бы поспорить относительно такого утверждения касательно своей жизни, но смерть его не будет напрасной, Уилл Генри, – сказал Доктор. – Я добьюсь справедливости для Хезекии Варнера и всех тех, кто страдает в этих проклятых стенах. Они будут отомщены, я лично прослежу за этим, да поможет мне Бог!

Дневник 2. Residua¹

Часть седьмая. «Ты предал меня»

Я не знал, чего ожидать по возвращении на Харрингтон-лейн, 425. Я только надеялся, там найдется какая-нибудь еда для моего пустого желудка да подушка для моей усталой головы. Судя по письмам, которые я отправил днем раньше, я подозревал, что доктор ждет прибытия Джона Кернса, чтобы начать действия против Антропофагов. Но я не решался спросить Уортропа, ибо настроение его становилось тем мрачнее, чем ближе мы подъезжали к дому.

Я отправился на конюшню, а Доктор пошел в дом. Когда я напоил и накормил лошадей, смыл с них дорожную грязь и пыль, навестил старушку Бесс, я тоже отправился в дом, тая в душе крошечную надежду обнаружить на кухонном столе что-нибудь аппетитное. Надежда была напрасной. Дверь в подвал была открыта настежь, свет внизу ярко горел, и, поднимаясь вверх по узкой лестнице, раздавались звуки хлопающих дверей шкафа, падающих на пол полок и перетаскиваемых волоком предметов. Через несколько минут звуки сражения поутихли, и Доктор поднялся наверх с пылающим лицом, тяжело дыша. Даже не взглянув на меня, он пронесся через холл в кабинет, где снова начал хлопать дверьми, что-то рушить и бросать. Когда я заглянул в кабинет через дверную щель, он сидел за рабочим столом, выдвигая ящики один за другим.

– Что-то должно было остаться, – бормотал Доктор себе под нос, – письмо, счет, контракт оказания услуг, ну, хоть что-то...

Я аж подпрыгнул, когда он с треском задвинул последний ящик. Доктор поднял голову и посмотрел на меня, возникшего в дверном проеме, с таким недоумением, словно не я был его единственным компаньоном на протяжении последнего полугода.

– В чем дело? – требовательно спросил он. – Что ты там топчешься, Уилл Генри?

– Я хотел спросить...

– Да, да, спрашивай. Спрашивай!

– Да, сэр. Я собирался спросить, сэр, не хотите ли вы, чтобы я сбегал на рынок?

– На рынок? Зачем это нужно, Уилл Генри?

– Купить что-нибудь поесть, сэр.

– Боже милостивый, ты вообще думаешь о чем-нибудь еще?

– Да, сэр.

– О чем же еще?

– Еще?

– Да, о чем еще, кроме еды, ты думаешь?

– Ну, я... я много о чем думаю, сэр.

– Понятно, но о чем конкретно – вот мой вопрос.

Он бросил на меня сердитый взгляд, барабанил тонкими пальцами по полированной поверхности стола.

– Ты знаешь, что такое обжорство, Уилл Генри?

– Да, сэр. И что такое голод.

Он улыбнулся в ответ. Ну, хоть так, сказал я себе; мог бы и запустить в меня чем-нибудь тяжелым.

– И что же? – спросил он.

– Сэр? – спросил я.

---

¹ То, что осталось (лат.).

– Что еще занимает твои мысли?

– Я пытаюсь... понять, сэр.

– Понять что?

– Для чего я... смысл того, что... того, чему вы учите меня, сэр... но в основном, честно говоря, сэр, ибо ложь – худший вид шутовства, сэр – я пытаюсь не думать о большем количестве того, о чем думаю, если вы понимаете, сэр...

Махнув на меня рукой, как бы отпуская, он сказал:

– Ты знаешь, где у нас лежат деньги. Беги на рынок, раз тебе так надо, но только одна нога здесь – другая там. Ни с кем не говори, а если кто-то заговорит с тобой, скажешь, что у нас все в порядке – я работаю над новым трактатом или что-нибудь в этом духе. Главное, не говори правду. Помни, Уилл Генри, есть ложь, порожденная необходимостью – не глупостью.

С более легким сердцем я оставил его предаваться поискам. Я был рад получить передышку. Не все представляют себе, что такое жить рядом с монстрологом. Начинаешь ценить очень простые вещи. И после ночи, проведенной за занесением в каталог внутренних органов монстра, я с удовольствием начищал столовое серебро.

Так что теперь я с радостью отправился наверх, чтобы помыться. Запах комнаты капитана Варнера, казалось, вьелся в кожу. Я освежился и переоделся, но одной детали все же не хватало, и, прежде чем отправиться на рынок, я снова зашел к Доктору. Он был в библиотеке, вытаскивал с полки одну книгу за другой и бегло перелистывал, а затем, не глядя, бросал на пол.

– Ты вернулся? Хорошо, мне нужна твоя помощь, – сказал он. – Начинай просматривать книги с противоположного конца полки.

– Вообще-то, сэр, – сказал я, – я еще не уходил.

– Прошу прощения, тебя ж не было столько времени. Что ты делал?

– Мылся, сэр.

– Зачем? Ты испачкался?

Он не дождался ответа.

– Стало быть, ты решил, что не так уж и голоден?

– Нет, сэр.

– Ты не голоден?

– Очень голоден, сэр.

– Но ты только что сказал «нет».

– Сэр?

– Я спросил тебя, решил ли ты, что не голоден, и ты сказал: «Нет, сэр». По крайней мере, это то, что я запомнил.

– Да, сэр. То есть. Нет, сэр. Я хочу сказать... Я хочу спросить... Вы не находили мою шапку, сэр?

Он уставился на меня непонимающим взглядом, как будто я спросил его что-то на неизвестном языке.

– Шапку?

– Да, сэр, шапку. Я думаю, я потерял ее на кладбище.

– Не знал, что у тебя была шапка.

– Была, сэр. Я был в ней на кладбище той ночью, и она, должно быть, свалилась у меня с головы, когда они... когда мы покидали кладбище, сэр. Вот я и хотел спросить, не находили ли вы ее, когда возвращались туда, чтобы... чтобы все прибрать.

– Я не видел ничего, кроме шляпы старины Эразмуса, которую ты сжег. А откуда у тебя шапка, Уилл Генри?

– Она уже была, когда я переехал, сэр. Она была моя.

– Куда переехал?

- Сюда, сэр. Когда я переехал к вам жить. Эта шапка – подарок отца.
- Понятно. Это была его шапка?
- Нет, сэр, моя.
- А... Я-то подумал, она хранит для тебя сентиментальные воспоминания, поэтому представляет такую ценность.
- Так и есть, сэр.
- Почему? Что особенного может быть в шапке, Уилл Генри?
- Ее дал мне отец, – повторил я.
- Твой отец. Уилл Генри, могу я дать тебе совет?
- Да, сэр. Разумеется, сэр.
- Не вкладывай столько души в материальные ценности.
- Хорошо, сэр.
- Разумеется, совет не нов. И все же более ценен, чем твоя шапка, Уилл Генри. Я ответил на твой вопрос?
- Да, сэр. Полагаю, я потерял ее навсегда.
- Ничего нельзя потерять. Кроме, пожалуй, свидетельств того, что мой отец заказывал привезти ему Антропофагов. Почему ты все еще здесь?
- Сэр?
- Или иди на рынок, или давай помогай мне, Уилл Генри. Пошевеливайся! Не понимаю, как ты втянул меня в этот философский диспут! Я отвлекся.
- Я просто хотел спросить, не находили ли вы мою шапку, сэр.
- Нет, не находил.
- Это все, что я хотел узнать, сэр.
- Если тебе нужно мое разрешение, чтобы купить новую шапку, можешь зайти к скорняку.
- Мне не нужна новая шапка, сэр. Мне нужна была та.

Он вздохнул. Я поспешил удалиться прежде, чем он что-нибудь ответит. Для меня все было просто. Или он нашел шапку на кладбище, или нет. Сказал бы просто: «Нет, Уилл Генри, я не видел твоей шапочки». Мне этого было бы достаточно. Я не чувствовал себя ответственным за то, что разговор у нас вышел таким запутанным. Бывало, несмотря на то что он родился в Америке и получил образование в Лондоне, Доктора ставил в тупик самый обычный разговор.

Я пошел в город без шапки, но счастливый. На короткое время – драгоценное время – я чувствовал себя свободным от всего, связанного с монстрами и монстрологией. Тем более что последние четыре дня были не из легких. Неужели всего четыре дня прошло с тех пор, как Эразмус Грей постучал в нашу дверь со своей жуткой ношей? Казалось, что вечность. Топая по булыжным улицам Нового Иерусалима, глубоко вдыхая чистый свежий весенний воздух, я подумал на краткий миг и уже не в первый раз с того момента, как я поселился у Доктора (а кто бы не подумал?), о побеге.

Доктор не устанавливал решетки на окна, он не запирали меня в комнате на ночь, как маленькую птичку в клетке. Когда ему не нужны были мои «незаменимые» услуги, он вообще меня едва замечал. Если бы я исчез во время одного из его приступов меланхолии, он вообще заметил бы мое отсутствие только через месяц. Как раб, гнувший спину на хлопковых плантациях Старого Юга, я мечтал сбежать и не задавал себе вопрос, куда я подамся и чем займусь. Это все казалось мелочами. Главное, я был бы свободен! А ценность свободы – в самой свободе.

Часто на протяжении многих лет я задавал себе вопрос, почему я не сбежал тогда? Что удерживало меня рядом с ним? Это были не кровные узы, не клятва, не буква закона. И все же каждый раз, как мысль о побеге посещала меня, она, пощекотав нервы, испарялась. Не то чтобы я не мог помыслить сбежать, я думал об этом довольно часто. Но остаться без него – вот что невозможно было себе представить. Страх ли удерживал меня рядом с ним – страх

неизвестного, страх одиночества, страх встретить судьбу более страшную, чем служба у монстролога, – не знаю. Может, я просто выбирал синицу в руках вместо журавля в небе. Все это было, но это было не все.

Первые одиннадцать лет своей жизни я был свидетелем того, как был признателен ему горячо любимый мной отец, как восхищался им. Задолго до того, как я впервые встретил Пеллинора Уорттропа, я рисовал его в своем воображении – гигант, гений, которому наша семья обязана всем. Мы словно жили в его тени. Доктор Уорттроп – великий человек, занимающийся великим делом. Не преувеличением будет сказать, что отец не просто любил его, но в какой-то мере поклонялся ему, и именно эти любовь и поклонение заставили отца принести себя в жертву: он умер за Пеллинора Уорттропа. Любовь отца стоила ему жизни. Возможно, именно она и удерживала меня от побега. Не любовь к Доктору, конечно, а любовь к отцу. Оставаясь с Доктором, я чтил память отца. Сбежать значило бы свести на нет все, во что отец верил, а верил он в то, что, служа «великому делу», ты становишься частью великого. Сбежать значило бы признать, что отец мой умер напрасно.

– Мать честная, ты посмотри только, кто к нам пожаловал! – воскликнул Фланаган, распахивая дверь лавки после того, как я позвонил в колокольчик. – Эй, хозяйка, выходи-ка, взгляни, кого к нам ветром занесло!

– Я занята, мистер Фланаган! – громко крикнула его жена из подсобки. – Кто там?

Владелец лавки, Фланаган, со щеками, похожими на два спелых яблока, схватил меня за плечи и устремил взгляд искрящихся зеленых глаз на мое поднятое вверх лицо. От него пахло корицей и ванилью.

– Малыш Уилл Генри! – крикнул он через плечо. – Пресвятая Дева Мария, да я не видел тебя больше месяца, – обратился он ко мне, и его пухлое розовощекое лицо озарилось улыбкой. – Как поживаешь, мой мальчик?

– Кто там? – крикнула миссис Фланаган из подсобки.

Фланаган подмигнул мне и, обернувшись, крикнул в ответ:

– Житель дома четыреста двадцать пять по Харрингтон-лейн!

– Харрингтон-лейн! – вскричала она в ответ и тут же появилась в дверном проеме с тяжеленным разделочным ножом в большой красной руке.

Миссис Фланаган была в два раза больше своего мужа и в три раза громогласнее. Когда она говорила, даже стекла в рамах позвякивали.

– О, мистер Фланаган! – пророкотала она при виде меня. – Это же всего лишь Уилл Генри.

– «Всего лишь»! Ну, ты и сказала! – Он улыбнулся мне. – Не слушай ее.

– Хорошо, сэр, – по инерции ответил я. И тут же подумал, что обладательницу ножа это может обидеть, так что я добавил: – Здравствуйте, миссис Фланаган. Как поживаете, мэм?

– Могло быть и получше, если бы меня все время не отвлекали, – прорычала она. – Мой муж, за которого мама справедливо советовала мне не выходить, считает, что я – подходящий предмет для его глупых шуточек и насмешек, которыми он отвлекает меня целыми днями.

– Она в плохом настроении, – прошептал продавец.

– Я всегда в плохом настроении, – гаркнула она в ответ.

– С момента картофельной голодухи сорок восьмого года, – прошипел Фланаган.

– Я это слышала!

– Сорок лет, Уилл Генри. Сорок лет, – сказал он и театрально вздохнул. – Но я люблю ее. Я люблю тебя, хозяйюшка! – крикнул он ей.

– О, перестань. Я и так слышу каждое твое слово! Уилл Генри, ты что, похудел? Отвечай честно.

– Нет, миссис Фланаган, – сказал я, – просто вырос немного.

– Вот именно, – вмешался Фланаган, – не потеря в весе, а перераспределение! А?!

– Ерунда, – пророкотала она. – Мои глаза еще хорошо видят! Ты посмотри на него, Фланаган. Посмотри на эти впалые щеки и выпуклый лоб. Почему у него запястья не шире цыплячьей шеи? Вот и вспоминай о голоде сорок восьмого. Голод и сейчас царит в этом ужасном доме на Харрингтон-лейн.

– И не только голод, если то, о чем поговаривают люди, хотя бы отчасти правда, – осмелился сказать Фланаган, озорно приподнимая одну бровь. – А, Уилл Генри? Знаешь, что за истории нам тут рассказывают? Таинственные исчезновения и появления, какие-то мешки, которые доставляют среди ночи, полуночные посетители и затем внезапное, долгое отсутствие твоего хозяина – это что, правда?

– Доктор не обсуждает со мной свою работу, – сказал я осторожно заученную фразу.

– Да, Доктор... А все же он Доктор чего? Каких наук? – пролаяла миссис Фланаган, и в том, что она слово в слово повторила вопрос Эразмуса Грея, было что-то зловещее.

– Доктор философии, мэм, – ответил я, как и в тот раз.

– Он – глубокий мыслитель, – серьезно закивал мистер Фланаган, – и Бог свидетель, мы нуждаемся в таких людях; их должно быть как можно больше.

– Он странный, и привычки у него чудные, – подтвердила миссис Фланаган, потрясая ножом. – Такими же были его отец и дед.

– Мне больше нравился его отец, – сказал ее муж. – Намного более – как сказать? – представительный. И доброжелательный, хотя и смотрел немного свысока. Скрытный, конечно, и немного – ну, как это? – надменный, но не заносчивый, не высокомерный. Образованный человек, в нем чувствовалась порода.

– Ну, муженек, ты можешь говорить что хочешь, как обычно, но Алистер Уортроп был таким же, как и все Уортропы: скупой, самодовольный, чопорный – вот каким он был. И друзей у него не было, кроме тех странных отвратительных типов, которые жили у него время от времени.

– Сплетни, дорогая, – настаивал Фланаган. – Все это сплетни и праздное чесание языком.

– Он был сторонником. Это уж точно не сплетня.

– Не слушай ее, Уилл Генри, – предостерег он меня. – Она любит, чтобы последнее слово оставалось за ней.

– Я все слышу! Мои уши слышат не хуже, чем глаза видят, мистер Фланаган!

– Да плевать мне, слышишь ты или нет! – проорал он в ответ.

Это уже всерьез напоминало домашнюю ссору. Я занервничал и схватил яблоко с прилавка. Может, если я начну выбирать товар, они отвлекутся и скандал сойдет на нет?

– За ним приходили, про него спрашивали, – продолжала миссис Фланаган, высунувшись из-за двери с таким же красным лицом, как яблоко в моей руке. – Вы так же хорошо помните это, мистер Фланаган, как и я.

Фланаган ничего не ответил. Искорки в его озорных ирландских глазах погасли. Он недовольно поджал губы.

– Кто разыскивал его? – не удержался я.

– Никто, – отрезал Фланаган. – Просто у хозяйюшки...

– Пинкертоны, вот кто! Устроили бурю в стакане воды, – сказала Фланаган.

– А кто такие пинкертоны? – спросил я.

– Детективы! – ответила она. – Целый взвод детективов!

– Их было всего двое, – тихо сказал Фланаган.

– Они приехали из самого Вашингтона, – продолжала она, не слушая его. – Это было весной шестьдесят первого года.

– Шестьдесят второго, – поправил Фланаган.

– С приказом из военного департамента – за подписью самого Секретаря Стэнтона!

– Нет, это был не Стэнтон.

– Точно Стэнтон!

– Значит, это был не шестьдесят первый год, моя милая, – сказал Фланаган. – Стэнтон стал Секретарем только в январе шестьдесят второго.

– Не заговаривай мне зубы, я видела приказ своими глазами!

– С чего бы вдруг секретный агент правительства стал показывать тебе, жене продавца, приказ?

– А что им было нужно? – спросил я.

Год (или годы), когда это происходило, совпадал с путешествием в Бенин. Была ли близость этих двух событий простым совпадением? Не могло ли правительство каким-то образом узнать о намерении старшего Уортропа привезти Антропофагов в Америку? Сердце мое забилося часто-часто. Кажется, эта встреча, этот разговор – счастливый случай, который может дать мне ключ к разгадке тайны, мучающей Доктора. Что, если я вернусь сейчас домой с ответом – и это после намека, что у меня маловато мозгов в голове! Как я сразу вырасту в его глазах, превращусь из глупого заикающегося мальчишки в человека действительно незаменимого!

– Они хотели узнать, был ли он преданным американцем, – ответил мне Фланаган прежде, чем его жена успела открыть рот, – и он, несомненно, был. И спрашивали, кстати, не столько о нем, сколько о двух джентльменах из Канады, дорогая, если ты помнишь. Не назову их сейчас по именам, все-таки двадцать пять лет прошло...

– Слайделл и Мейсон, – бросила миссис Фланаган. – И они были никакие не канадцы. Они были шпионы от бунтовщиков, так-то.

– Ну, пинкертоны ничего такого не говорили, – подмигнул он мне.

– Обоих видели в доме Уортропа, – сказала она, – в этом доме на Харрингтон-лейн. И не один раз.

– Это ничего не доказывает насчет Уортропа, – не согласился он.

– Это доказывает, что он сотрудничал с агитаторами и предателями, – крикнула она в ответ. – Это доказывает, что он был сторонником.

– Ну, ты вольна думать все, что пожелаешь, миссис, и повторять слова других, но правда от этого не изменится. Пинкертоны покинули город, а Доктор Уортроп остался, не так ли? Если бы у них были доказательства против него, его бы забрали, верно? А ты теперь поливаешь грязью этого хорошего человека, который никому из известных мне людей не причинил зла. Нехорошо это, дорогая. И вообще – о мертвых плохо не говорят.

– Он был сторонником восстания! – настаивала она. У меня уже в ушах звенело от ее крика. – Он изменился после войны, и вам это хорошо известно, мистер Фланаган. Он временно по несколько недель не выходил из дома, а когда выходил – безучастно бродил по городу, как человек, потерявший лучшего друга. От него даже «как поживаете» было не услышать, хоть под самым носом у него пройди. Он онемел, как человек, у которого сердце разбито, вот что я вам скажу.

– Что ж, женушка, возможно, и так, – уступил наконец Фланаган с тяжелым вздохом. – Но не скажешь, что это было из-за войны. Сердце мужчины – сложная штука. Признаю, не такая сложная, как сердце женщины, и все же... Возможно, его сердце и было разбито, но мы не знаем кем.

Я этого тоже не знал, но у меня была догадка: к концу войны руки Алистера Уортропа были в крови. Не той, что проливалась на поле боя, а той, что пролилась на борту «Феронии», – да еще той, что прольют монстры, которых он так настойчиво стремился привезти на родные берега – жертва, возложенная им на алтарь своей «философии».

Я нашел Доктора в кабинете. Он сидел в своем любимом кресле у окна. Ставни были закрыты, и в комнате царил мрак; я едва не проглядел Уортропа, когда заглянул внутрь. До этого я сперва искал его в подвале, но нашел лишь перевернутые коробки и папки, разбросан-

ные по его столу; потом я был в библиотеке, которая тоже была в беспорядке, и книги валялись на полу повсюду. Вообще весь дом выглядел так, словно здесь побывали грабители.

– Уилл Генри, – сказал он. По голосу было слышно, что он страшно устал. – Надеюсь, твои заботы оказались более плодотворными, чем мои.

– Да, сэр, – откликнулся я, тяжело дыша. – Я пришел бы пораньше, но я забыл зайти к пекарю, а я знаю, как вы любите его ватрушки с малиной, так что мне пришлось вернуться. Я купил последние, сэр.

– Ватрушки?

– Да, сэр. И еще я был в лавке мясника и у мистера Фланагана. Он передает вам привет, сэр.

– Почему ты так тяжело дышишь? Ты заболел?

– Нет, сэр. Я бежал домой, сэр.

– Бежал? Почему? За тобой гнались?

– Мне миссис Фланаган рассказала кое-что.

Меня переполнял восторг. Вот сейчас я расскажу ему все – и его меланхолию как рукой снимет, я уверен. А все потому, что я такой умный.

Доктор хмыкнул:

– Что-то обо мне, несомненно. Не стоит тебе разговаривать с этой женщиной, Уилл Генри. Разговаривать с женщинами вообще опасно, но с этой разговор превращается в серьезный риск.

– Не о вас, сэр. О вашем отце.

– О моем отце?

Я рассказал ему все, захлебываясь и едва переводя дыхание, – о Слайделле и Мейсоне, об агентах Пинкертона, которые рыскали по городу (что подтвердил мясник Нунан и пекарь Таннер), про расхожее мнение, что его отец был сторонником конфедератов, о его замкнутости и тяжелой реакции на падение Юга, и что все это совпадало по времени с экспедицией «Феронии». Доктор прервал меня лишь один раз – чтобы я повторил имена людей, в сотрудничестве с которыми обвиняли его отца. Все остальное время он сидел и нетерпеливо изучал меня поверх сложенных рук. Я ждал, затаив дыхание, что он скажет в заключение моего рассказа. Я был уверен, что он вскочит с кресла, обнимет меня и благословит за то, что я разрубил гордиев узел.

Вместо этого, к моей огромной досаде, он покачал головой и сказал тихо:

– И это все? Ты мчался сюда со всех ног, чтобы рассказать мне это?

– Вы это знали? – спросил я упавшим голосом.

– Мой отец был много в чем виноват, – сказал он. – Но не в измене и не в предательстве. Возможно, что он встречался с этими людьми. И возможно также, что их задачей было склонить его на сторону мятежников. Может быть, у них на уме был хитрый план – особые взгляды моего отца были безызвестны в определенных кругах, – но какой бы план они ему ни предложили, он отверг бы его немедленно.

– Но как вы можете знать это наверняка, сэр? Вы в это время здесь не жили.

Он нахмурился, глядя на меня:

– Откуда ты знаешь, где я тогда жил?

Я опустил голову, не в силах выдержать его пристального взгляда.

– Вы говорили, он отправил вас учиться в школу во время войны.

– Не припомню, чтобы я говорил тебе это, Уилл Генри.

Разумеется, он не говорил; я знал это из письма, которое нашел в старом сундуке и бессовестно вскрыл. Но есть ложь, порожденная необходимостью.

– Это было давно, – неуверенно выговорил я.

– Должно быть, так, потому что в моей памяти это не сохранилось. В любом случае, то, что два события произошли одновременно, еще не значит, что они связаны друг с другом, Уилл Генри.

– Но они могут иметь отношение друг к другу, – настаивал я. Я не хотел уступать, мои доводы казались мне ясными. – Если это были шпионы конфедератов, он бы никому ничего не сказал и не оставил никаких записей или контракта с Капитаном Варнером. Вот почему вы ничего не можете найти, сэр! И это объясняло бы, зачем он хотел привезти больше, чем одного монстра. Вы сами сказали, что, вероятно, они были предназначены не для изучения, так для чего? Может быть, они нужны были вовсе не вашему отцу, а им – Слайделлу и Мейсону! Может быть, это они заказали Антропофагов, Доктор!

– И для чего же? – поинтересовался он, глядя, как я в волнении перепрыгиваю с ноги на ногу.

– Я не знаю, – ответил я. – Чтобы разводить их, возможно. Чтобы сделать из них армию! Можете себе представить наступление такого войска – штук сто – в ночной тишине?

– Антропофаги производят на свет одного или двух отпрысков в год, – напомнил он мне. – Представь, сколько времени понадобилось бы, чтобы их собралась сотня, Уилл Генри.

– Но потребовалось всего двое, чтобы уничтожить полностью команду «Феронии»!

– Счастлирое стечение обстоятельств – в смысле, для Антропофагов счастлирое. Они бы не пошли в наступление против полка вооруженных солдат. Интересная теория, Уилл Генри, не подтвержденная, однако, никакими фактами. Даже если мы предположим, что эти таинственные посетители искали помощи моего отца, чтобы обеспечить восстание монстрами, которые бы убивали или пугали врагов, он должен был бы доставить им полдюжины Антропофагов, а это уже совсем другой риск и другие расходы, нежели пара, «самец и самка». Ты следишь за ходом моей мысли, Уилл Генри? Если бы задача состояла в этом, он бы отказался, судя по всему, что я знаю о нем. А даже если бы и принял их предложение, то выбрал бы другой вид чудовищ – не Антропофагов.

– Но вы не можете знать наверняка, – протестующе сказал я, не в силах отказаться от своей теории. Я отчаянно хотел думать, что я прав; не столько доказать, что Доктор заблуждается, сколько оказаться правым самому.

Реакция Доктора последовала незамедлительно. Внезапно он вскочил с кресла, лицо его перекосила ярость. Я сделал шаг назад – никогда еще я не видел его таким злым. Я всерьез ожидал, что он влепит мне пощечину за мое упрямство и упорство.

– Да как ты смеешь так говорить со мной! – заорал он. – Кто ты такой, чтобы ставить под сомнение честность моего отца?! Кто ты такой, чтобы очернять доброе имя моей семьи? Мало того, что весь город судачит обо мне; теперь мой собственный ассистент, мальчик, к которому я был добр, которого жалел, ради которого отказался от неприкосновенного права на частную жизнь, опустился до того, чтобы злословить и заниматься клеветой вместе с остальными! И, словно этого недостаточно, мальчик, который обязан мне всем вплоть до спасения его жизни, не слушается моего запрета – единственного запрета, который я ему дал. Что это был за запрет, Уилл Генри? Ты помнишь или ты был так одержим желанием добратся до ватрушек, что забыл? Что я сказал тебе перед твоим уходом?

Я запинаясь и заикаясь, подавленный свирепостью его обличительной речи. Возвышаясь надо мной, он прорывал:

– Что я сказал?!

– Ни с... к-кем... н-не... разг-говаривать.

– Что еще?

– Если кто-нибудь заговорит со мной, все хорошо.

– И какое впечатление ты произвел на них, как ты думаешь, Уилл Генри, с этими вопросами про шпионов-конфедератов, правительственных детективов и дом Уортропов? Объясни.

– Я только старался... Я только хотел... Не я завел этот разговор, сэр, клянусь вам! Это Фланаганы!

Он прошипел сквозь зубы:

– Ты разочаровал меня, Уилл Генри.

Он повернулся ко мне спиной и пошел прочь из комнаты, пнув по дороге кучу бумаг.

– И даже хуже. Ты предал меня.

Он снова обернулся, посмотрел мне в лицо и заорал в темноте:

– И ради чего?! Чтобы поиграть в детектива-любителя, чтобы удовлетворить свое ненасытное любопытство, чтобы унижить меня, распространяя ту же сплетню, которая сломала моего отца, сделала его несчастным и нелюдимым и в конечном итоге свела в могилу! Ты поставил меня в безвыходное положение, мастер Генри, потому что теперь я знаю, что твоя верность и преданность не простираются дальше твоего эгоизма и себялюбия. Мне же нужна только твоя безоговорочная, абсолютная преданность – только это качество является незаменимым для меня. Никто не просил меня взять тебя к себе жить, работать с тобой и делиться результатами работы. Этого не требовала даже верность памяти твоего отца. Но я пошел на это, и вот мне награда!.. Что? Это разозлило тебя? Я тебя оскорбил? Отвечай!

– Я не просил, чтобы вы меня забирали!

– А я не просил проводить расследование!

– Я бы и не стал. Я делал это ради вас.

Доктор шагнул мне навстречу. В сумерках мне было не видно его лица. Между нами пролегла тень.

– Твой отец понимал, что такое риск, – сказал он тихо.

– А мама не понимала! И я тоже!

– Что ты хочешь от меня, Уилл Генри? Чтобы я поднял их из могил?

– Ненавижу этот дом, – крикнул я, обращаясь к тени монстролога, моего учителя – и моего мучителя. – Ненавижу этот дом, и то, что вы взяли меня сюда жить, и вас я ненавижу!

Я бросился бежать прочь – через холл, вверх по ступенькам – влетел в свой маленький альков и захлопнул за собой дверь. Я упал на кровать и зарылся лицом в подушку, громко рыдая. Сердце мое разрывалось от гнева, горя и стыда. Да, стыда, потому что Доктор был всем, что я имел, а я его предал. У Доктора была его работа; у меня был только он. И для каждого из нас то, что мы имели, было всей нашей жизнью.

Облака в окошке над моей головой проплывали по апрельскому небу – синему, как купорос. Солнце, садясь, окрашивало снизу золотом их мягкие формы. Когда слезы мои иссякли, я перекатился на спину и принялся смотреть на тающий день. Тело требовало еды и сна, душа – основательной передышки. Можно поесть, можно поспать, но что делать с этим изматывающим одиночеством? Чем облегчить разрывающее меня сожаление, невыносимый страх? Неужели, как Эразмус Грей, утаскиваемый монстром в могилу, или Капитан Варнер, пожираемый личинками, я тоже уже проскочил тот момент, когда спасение было возможно? Неужели все мои надежды сгорели в том пожаре, в котором погибли мои родители? Смерть приносит облегчение, так неужели только ее темный ангел способен помочь мне?

Я ожидал сна, как спасения, как родного брата смерти. Я так хотел оказаться в его милосердных объятиях, но напрасно. Пришлось встать. Голова болела от рыданий, желудок – от голода, так что я спустился на кухню. Там я обнаружил, что дверь в подвал заперта. Я не сомневался, что Уортроп там, внизу. Я убежал в свой альков, он – в лабораторию. Стараясь производить как можно меньше шума, я поставил чайник и поджарил себе два куска отменной баранины на кости, купленные с дружеской скидкой у мясника Нуны. Я обтер тарелку куском хлеба (от пекаря Таннера) с той же скоростью, с которой поглотил ее содержимое.

Дверь в подвал открылась, на пороге появился Доктор.

– Ты что-то готовил, – сказал он.

– Да, – ответил я нарочито небрежно, без почтения в голосе.

– И что ты готовил?

– Баранину.

– Баранину?

– Да.

– Отбивные?

Я кивнул:

– Со свежим горошком и морковью.

Я отнес тарелку в мойку. Я чувствовал его взгляд на себе, когда мыл посуду. Я поставил чашку и тарелку на сушилку и обернулся. Он так и стоял в дверях, не двигаясь.

– Я вам нужен для работы? – спросил я.

– Нет... Нет, ты свободен, – ответил он.

– Тогда я пошел в свою комнату.

Он ничего не сказал, когда я проходил мимо него, но когда я подошел к лестнице, он сделал шаг вперед и крикнул мне вслед:

– Уилл Генри!

– Что?

– Сладких снов, Уилл Генри, – сказал он примирительно.

Позже, демонстрируя свою извечную способность будить меня именно в тот момент, когда, проворочавшись и промаявшись несколько часов, я наконец забывался благословенным сном, Доктор громко позвал меня снизу:

– Уилл Генри! Уилл Генри-и-и-и!

Ничего еще толком не понимая, ибо проспал я всего ничего, я выбрался из постели с тяжелым вздохом. Знал я эту его интонацию, слышал много раз. Я сполз вниз по лестнице на второй этаж.

– Уилл Генри! Уилл Генри-и-и-и!

Он был в своей комнате и лежал на кровати поверх покрывала, не раздеваясь. Он увидел мой силуэт в дверях и махнул рукой, приглашая войти. Все еще помня о нашей ссоре, я не подошел к его постели, а сделал всего один шаг и остановился.

– Уилл Генри, что ты там делаешь? – требовательно спросил он.

– Вы меня звали.

– Не сейчас, Уилл Генри. Что ты делал там? – Он махнул рукой в сторону кухни.

– Я был у себя в комнате, сэр.

– Нет-нет, я определенно слышал, как ты гремишь чем-то на кухне.

– Я был у себя в комнате, – повторил я, – возможно, вы слышали мышь.

– Мышь, которая гремела кастрюлями и сковородками? Признайся, Уилл Генри, ты что-то готовил.

– Я говорю правду. Я был у себя.

– Ты хочешь сказать, у меня галлюцинации?

– Нет, сэр.

– Я знаю, что я слышал.

– Я схожу и проверю, сэр.

– Нет! Нет, останься. Должно быть, у меня воображение разыгралось. Может, мне приснилось.

– Да, сэр, – сказал я. – Это все, сэр?

– Я не привык к этому, как ты знаешь.

Он замолчал, ожидая, что я задам соответствующий вопрос, но я был уже опытным игроком в этой печальной игре: он впал в одну из своих частых депрессий, рожденных переутом-

лением. Моя роль в таких случаях была одинакова, и обычно я играл ее безукоризненно, но события последних дней подкосили меня. У меня просто не было сил.

– Жить с кем-то под одной крышей, – продолжил он, так и не дождавшись моего вопроса. – Я подумывал о том, чтобы сделать эту комнату звуконепроницаемой. Малейший шум...

– Да, сэр, – сказал я и демонстративно зевнул.

– Мне показалось, наверное, – кивнул он, – без нормального отдыха сознание начинает чудить. Не помню, когда я спал в последний раз.

– Дня четыре назад, – сказал я.

– Или когда нормально ел...

Я не ответил. Раз он не может просто попросить, я не буду ничего предлагать. Хочет проявить упрямство – что ж, на здоровье. Мне его тоже не занимать.

– А знаешь, Уилл Генри, когда я был помоложе, я мог неделю прожить без сна, на одной только буханке хлеба. Однажды я отправился в поход в Анды с одним только яблоком в кармане... Так ты точно уверен, что это не ты гремел на кухне?

– Да, сэр.

– Шум прекратился, когда я позвал тебя. Может, ты ходишь во сне?

– Нет, сэр. Когда вы меня позвали, я был в постели.

– Ну да, ну да.

– Это все, сэр?

– Все?

– Вам нужно что-нибудь еще?

– Может, ты не признаешься мне из-за ватрушек.

– Из-за ватрушек, сэр?

– Ты спустился вниз среди ночи, чтобы перекусить, а теперь не признаешься, потому что знаешь, как я их люблю.

– Нет, сэр. Ватрушки на месте.

– Да? Что ж, это хорошо.

Ладно, все равно это неизбежно. Сам он не пойдет на кухню и не попросит меня принести ему поесть. Но как только я вернусь в постель, он снова станет звать меня, пока моя воля не будет сломлена. Так что я поплелся на кухню, поставил чайник, заварил свежий чай и выложил на блюдо ватрушки. Зевая, я поставил все это на поднос и понес в его комнату.

Пока меня не было, Доктор приподнялся. Он сидел, облокотившись о спинку кровати, скрестив руки на груди и опустив голову, погруженный в свои мысли.

– Что это? Чай с ватрушками! Как предусмотрительно с твоей стороны, Уилл Генри!

Он рукой указал мне на стул. Подавляя глубокий вздох, я сел. Это тоже было неизбежно – посидеть с ним рядышком. Уйди я – и через пару минут он снова меня позовет. Если отказаться сидеть с ним, он с презрением спросит, не устал ли я случайно.

– Вкусные ватрушки, – похвалил он, откусывая маленький кусочек. – Но мне не съесть обе. Возьми одну себе, Уилл Генри.

– Нет, спасибо, сэр.

– Видишь ли, я могу расценить отсутствие у тебя аппетита как свидетельство того, что ты все же был на кухне, когда я слышал там грохот. Кстати, ты ничего там не видел?

– Нет, сэр.

– Наверняка это была мышь, – сказал он. – Ты уже поставил мышеловку?

– Нет, сэр.

– Не уходи пока, Уилл Генри, – сказал он, хотя я сидел не шелохнувшись, ведь это может подождать до утра. Он сделал глоток чая. – Хотя что это за мышь должна быть, чтобы наделать столько шума! Я думал об этом, пока тебя не было. Возможно, как Протей, она обладает спо-

способностью менять форму, от мыши до человека, и она просто хотела взять немного сырного соуса для своей семьи. Ха! Смешная мысль, а, Уилл Генри?

– Да, сэр.

– Я вообще-то редко шучу, мне это не свойственно. Только если очень устану, Уилл Генри.

– Я тоже устал, сэр.

– Тогда что ж ты сидишь здесь? Иди спать.

– Хорошо, сэр. Я, пожалуй, и правда пойду.

Я встал, пожелал ему спокойной ночи без особого энтузиазма, потому что хорошо знал, что мне спокойной ночи ждать не приходится. Вышел из комнаты, но даже не успел пересечь холл. Выходя, я начал считать, и уже на счете «пятнадцать» он снова позвал меня.

– Я не закончил свою мысль, – пояснил он, махнув на стул, чтобы я садился, – думая о нашей гипотетической мыши, я вспомнил о Протеус Ангуинус.

– Нет, сэр, вы упомянули Протея, – напомнил я ему.

Он нетерпеливо помотал головой, разочарованный моей тупостью.

– Протеус Ангуинус – Протей Змеевидный. Вид слепой амфибии, обнаруженной в Карпатских горах. Эта ассоциация повлекла за собой следующую: Гальтон и вопрос евгеники.

– Конечно, сэр, – сказал я, хотя, разумеется, понятия не имел, о чем он. Я в жизни не слышал ни о Протеус Ангуинус, ни о Гальтоне или евгенике.

– Потрясающие существа, – сказа монстролог. – И превосходный пример естественного отбора. Они обитают глубоко в беспросветных пещерах, однако у них сохранились глаза. Гальтон привез первый экземпляр этого вида домой в родную Англию после своей экспедиции в Адельсберг. Он был другом моего отца – и Дарвина, конечно. Отец очень ценил его работы, особенно по евгенике. В нашей библиотеке есть подписанная автором книга «Наследственная гениальность».

– Неужели? – пробормотал я механически.

– Я знаю, что они регулярно переписывались, хотя, судя по всему, и эту переписку отец уничтожил – как и все письма, полученные им когда-либо.

Все письма? Я вспомнил о пачке нераспечатанных писем сына к отцу, пылящихся на дне старого сундука. «Как бы я хотел, чтобы ты написал мне...»

– Когда я вернулся из Праги в восемьдесят третьем, чтобы похоронить его, не осталось ничего, кроме книг. Только еще тот сундук и некоторые записи о видах, представлявших для него особый интерес, которые он, вероятно, не в силах оказался уничтожить. А уничтожил он все вплоть до последнего носка и шнурков – все свидетельства того, что он жил на свете. Он и сундук бы уничтожил, если бы не проглядел его в темноте под лестницей. Последние годы своей жизни он был одержим ненавистью к себе и религиозной лихорадкой. В конечном счете, когда его нашли мертвым, он лежал голым на кровати в позе эмбриона.

Доктор вздохнул.

– Я был в шоке. Я понятия не имел, как далеко все зашло. – Он прикрыл глаза. – Отец всегда был человеком с чувством собственного достоинства, обладавшим благородной внешностью, гордым вплоть до тщеславия. И вдруг такой унижительный конец... этого даже представить себе невозможно было. Мне, во всяком случае.

Он погрузился в молчание и уставился в потолок, а я подумал о Хезекии Варнере, у которого и занятия-то другого не было.

– Но в моей памяти он остался другим, я сохранил иной образ – образ Алистера Уортропа десятилетней давности, когда мы виделись с ним в последний раз.

Уортроп стряхнул с себя задумчивость и повернулся ко мне, положив голову на свою ладонь. Его темные глаза поблескивали при свете ночника.

– Я опять отвлекся, да, Уилл Генри? Ты должен прочесть «Наследственную гениальность» когда-нибудь. После того как прочтешь «Происхождение видов», но прежде, чем возьмешься за «Закат человечества». Это будет правильно и тематически, и хронологически. Влияние этой книги может оказаться очень полезным. Революционная идея того, что потомству передаются как ментальные, так и физические черты. Отец подхватил ее сразу и даже написал мне об этом. Это – одно из его немногих писем; я до сих пор храню его где-то. Гальтон делился с отцом первыми выводами, а отец считал, что эта теория применима и в его сфере изучения. Захватывающая альтернатива: взять наиболее злобные виды – такие, как наши друзья Антропофаги, и попытаться усилить те черты вида, которые мы хотим, а плохие черты подавить путем селективного разведения. Это могло бы перевернуть нашу отрасль знаний – монстрологию. Евгеника могла бы стать ключом к спасению предметов нашего изучения от уничтожения и вымирания. С приходом человека дни монстров оказались сочтены, а с помощью науки (и отец верил в это) можно найти способ «приручить» людоедов – так, как приручили вероломного волка, превратив его в верную собаку.

Он сделал паузу, ожидая, что я скажу. Не дождавшись, он вскочил и восторженно воскликнул:

– Да разве ты не видишь, Уилл Генри?! Это же и есть ответ на вопрос «почему»! Вот именно поэтому отец хотел, чтобы ему доставили самку и самца Антропофагов, способных к деторождению, – чтобы применить теорию Гальтона на практике! Чтобы вырастить у этих монстров потомство, чуждое свирепости и равнодушное к человеческой крови! Уму непостижимая затея, к тому же очень дорогостоящая – дороже, чем он мог себе позволить, что и объясняет, зачем он встречался с загадочными агентами в шестьдесят втором. Конечно, все это только догадки; это невозможно доказать, разве что разыскав тех двух людей, если они еще живы. Или, возможно, сохранилось что-то типа договора. В любом случае, это – единственная причина, по которой он мог встречаться с подобными людьми; единственная, в которую я могу поверить.

Доктор снова замолчал, ожидая моей реакции. Он хлопнул рукой по матрасу и сказал:

– Да не сиди ты просто так! Скажи, что ты обо всем этом думаешь!

– Знаете, сэр, – начал я медленно. Правда заключалась в том, что я не знал, что об этом думать. – Я не знал вашего отца, а вы его знали.

– Я его тоже почти не знал, – сказал Доктор просто. – По крайней мере, не так, как большинство сыновей знают своих отцов, рискну предположить. Но эта теория совпадает с известными мне фактами. Только страсть к работе могла заставить отца сотрудничать с предателями. Работа была для него всем; ничего другого он не любил. Ничего.

Он лег на спину, сжав голову руками, остановившимся взглядом глядя на полотно потолка, на котором его воображение рисовало картины, видимые ему одному.

Мы плохо знаем близких нам людей. Это распаивает широкие ворота предположениям, даже если речь идет о нашем собственном отце. Этот экзистенциальный вакуум наполняется нашими пожеланиями и сомнениями, нашими мечтами и сожалениями по поводу «отца такого, каким он был» и «отца такого, каким он должен был быть». И хотя мой отец был не таким холодным и отстраненным человеком, как Уортроп-старший, мы с Доктором были братьями в одном: наши отцы не оставили нам ничего, кроме воспоминаний. Огонь украл у меня все зримые приметы отца, оставив лишь его подарок – маленькую шапочку; Алистер Уортроп уничтожил почти все, что могло напомнить или рассказать о нем Пеллинору. Все, что осталось от наших отцов на земле, были мы сами. И когда нас не станет, не станет и их. Мы были скрижалями, на которых была записана их жизнь.

– И больше ничего, – повторил монстролог. – Вообще ничего.

Я сидел у его постели всю ночь. Доктор то дремал, то просыпался, и его силуэт так же размывался у меня перед глазами, как и предыдущей ночью. Ну и, разумеется, стоило только задремать мне, как Доктор вдруг вскочил и закричал:

– Уилл Генри! Уилл Генри, ты что, уснул?!

В голосе его звучала паника. Поэтому я бодро ответил:

– Нет, сэр, я не сплю.

– Жаль, – сказал Доктор, – тебе надо поспать, Уилл Генри. В ближайшие часы нам потребуется все наше мужество. Сейчас он, должно быть, уже получил мое письмо, и либо он придет ближайшим поездом, либо я плохо знаю Джона Кернса.

– А кто такой Джон Кернс? – спросил я. – Он тоже монстролог?

Доктор сухохато рассмеялся:

– Не в научном смысле слова, нет. По профессии он – хирург, причем блестящий хирург, смею заверить. А что до его характера... он так непостоянен; он совсем не такой, как мы. Если бы я только знал, где найти Генри Стенли, я, бесспорно, предпочел бы его. Оба они – охотники на Антропофагов, но при всем при этом Стенли – джентльмен старой школы. Чего не скажешь о Кернсе.

– Кернс – охотник на Антропофагов?

– Полагаю, его можно так назвать, в определенном смысле. Конечно, в этом у него опыта больше, чем у меня, потому что я вообще никогда не охотился на Антропофагов. И я должен предостеречь тебя, Уилл Генри, – добавил он и стал очень серьезен, даже мрачен. – Не поддавайся слишком сильно влиянию Джона Кернса – не вникай в его философию и не очень-то доверяй ему. Вообще, держись от него по возможности подальше.

– Почему? – спросил я с естественным детским любопытством, заинтригованный предостережением, как любой ребенок.

– Он слишком много читает, – был странный ответ Доктора. – Или недостаточно много. Я все никак не могу понять. В любом случае, держись подальше от Джона Кернса, Уилл Генри. Он – опасный человек, но в нынешней ситуации необходимо призвать опасных людей. Мы обязаны использовать все инструменты, которые судьба дает нам в руки. Антропофаги не ели двое суток; они снова выйдут на охоту, и выйдут скоро.

– А что, если они уже вышли? – спросил я, и мороз прошел у меня по коже. Комната, казалось, уменьшилась и наполнилась злобными тенями.

– Уверяю тебя, не вышли. Несчастный мистер Грей накормил их собой на день или два.

Я не озвучил возражение, мгновенно пришедшее мне в голову – а что, если вы ошибаетесь? Я уже пробовал возражать и заплатил за это высокую цену. Так что я придержал язык. Господи, прости меня за это! Возможно, если бы я возразил ему тогда, если бы заставил его усомниться в своей правоте хоть на миг, шесть невинных людей не умерли бы столь страшной смертью. Потому что в то время как мы разговаривали, была забита и съедена целая семья. Пока мы коротали ночь в пустых разговорах, монстры занимались тем, что проливали реки крови.

Часть восьмая. «Я – ученый»

Уже рассвело, когда я наконец нехотя выбрался из постели. Ложась спать, я едва успел скинуть одежду и натянуть одеяло, но недолгие часы сна изобиловали наглядными видениями прожорливых паразитов, червяков и личинок, и невидимых безымянных существ, которые обитают в темноте под большими камнями и гнилыми бревнами. Я проснулся, чувствуя себя еще более усталым, чем когда ложился спать. Во рту у меня стоял кисловатый привкус, а на сердце была смертельная тяжесть.

Утреннее небо проглядывало в окошке над головой. Оно было безоблачным, прозрачно-синим, и словно по-весеннему смеялось надо мной и моим мрачным настроением.

Я принял решение не рассказывать Доктору о своих дурных предчувствиях; он отверг бы их со смехом, а потом прочел бы мне лекцию о том, что предзнаменования и приметы – это отголосок нашего примитивного прошлого, когда предчувствия были действенным откликом на окружающую среду, населенную хищниками.

Я спустился вниз в кухню, еще не до конца проснувшись, но заметив краем глаза, что дверь в подвал приоткрыта и там горит свет. Я поставил воду на огонь, чтобы приготовить чай, и облокотился лбом о печь, стараясь унять демонов физического и умственного переутомления. Те, кто испытывал нечто подобное – когда твои собственные мысли и тело кажутся чужими, – поймут, почему я не сразу отреагировал на громкий стук в дверь. Они поймут, почему я вскрикнул от неожиданности, когда Доктор снизу закричал:

– Уилл Генри! Открой дверь! Открой дверь!

– Да, сэр, – ответил я, – сейчас, сэр!

Я открыл дверь настежь. Высокий тощий человек стоял, ссутулившись, на ступенях крыльца. Его голову обволакивало облако сладко пахнущего табака, лениво струящегося из пенковой трубки. Утреннее солнце бросало блики на его очки. В сочетании с безупречным овалом лица и кустистыми усами он всем своим видом очень напоминал сову.

– А, Уилл Генри! Прекрасно, прекрасно! – воскликнул констебль Морган ласково, переступая через порог, за который его не приглашали. – Где Доктор Уорттроп? Мне надо с ним поговорить.

Неожиданное появление городской полиции, казалось, нимало не встревожило Доктора.

– Что случилось, Роберт? – спросил он ровным голосом. Его абсолютное спокойствие было контрапунктом очевидно взволнованному и тревожному возбуждению констебля.

– Омерзительное, отвратительное происшествие! – воскликнул констебль; слюна повисла у него на кончике усов. – Иначе не скажешь! Ужас! Я не сталкивался ни с чем подобным за все годы моей службы!

– Но, похоже, вы полагаете, что я могу помочь.

Констебль кивнул, дернув головой.

– Произошло кое-что из ряда вон выходящее, – выдохнул он. – Вы должны это увидеть немедленно.

Несколько минут спустя экипаж констебля уже летел на полных парах по булыжной мостовой Нового Иерусалима. Доктор и констебль повысили голоса, чтобы перекрыть скрип колес, стук подков и свист ветра, врывающегося в открытые окна.

Констебль был весь на взводе; Доктор оставался бесстрастен.

Вопросы сыпались один за другим, ритмично барабанили по мозгам.

Доктор:

– Когда доложили о преступлении?

Констебль:

– Утром, на рассвете.

– Свидетели?

– Да. Один свидетель – единственный выживший. Пока я не увидел место преступления собственными глазами, я думал, что он не только свидетель, но, возможно, и преступник. Его рассказ так нелеп, что явно не может быть правдой.

– Вы арестовали его?

Констебль кивнул, нервно вытряхивая трубку. Сидя рядом с ним и прижатый к нему на повороте, я не мог не различить исходящий от его одежды запах – слишком узнаваемый в последнее время запах крови и смерти. Его не отбивал даже аромат табака.

– Мы до сих пор держим его под арестом, – сказал констебль, – ради его безопасности, Доктор Уорттроп. Не по обвинению. Как только я увидел место преступления... Нет человека, способного совершить такое. И я подозреваю: то, что увидел свидетель, совершенно лишило его рассудка.

– Что он увидел?

– Пусть он сам расскажет. Но то, что я увидел в доме, полностью совпадает с его рассказом. Это... не выразить словами, Уорттроп, не выразить словами!

Доктор больше не задавал вопросов. Он смотрел в окно на весенний пейзаж, на залитые солнцем холмы и луга, на зацветающие деревья.

«Они нашли старика – или то, что от него осталось, – и остатки трупа девушки, – подумал я. – Интересно, Доктор тоже так считает? Похоже, мы снова едем на кладбище».

Я удивился, когда экипаж свернул на небольшую улицу, уходящую в сторону от старого кладбища. Западная стена кладбища была уже в поле зрения, но экипаж замедлил ход и остановился перед одним из домов в конце улицы. Солнце припекало все сильнее, и легкий ветерок дул сквозь открытое окно. Этот ветерок отогнал тошнотворный запах, исходивший от констебля. Из окна повеяло жимолостью, и я глубоко и с удовольствием вдохнул свежий воздух.

Но передышка оказалась недолгой. Мы въехали на холм. Уорттроп спрыгнул на землю прежде, чем кеб окончательно остановился. Больше из чувства долга (все-таки мои услуги были для него незаменимы), нежели из желания поскорее увидеть то, что констебль назвал «омерзительным, отвратительным происшествием», я последовал за Доктором. Перед нами на вершине холма стояла церковь, а прямо рядом с ней – каменный дом пастора с двускатной крышей. Клумбы полыхали весенними цветами – белыми, розовыми, голубыми и золотистыми. У входа в дом стояли два вооруженных охранника. Завидев нас, они опустили пальцы на спусковые крючки винтовок, пока не заметили, что с нами идет констебль. Однако, признав Доктора, они снова изменили настроение и принялись бросать на него мрачные взгляды, полные подозрения и страха: Уорттропа не очень-то любили в Новом Иерусалиме. Живи мы в другую эпоху, я не сомневаюсь, его бы сожгли на костре как колдуна.

– Слава богу, сегодня не воскресенье! – вздохнул Морган. – Паства была бы в ужасе от такого зрелища в благословенный день.

Глаза его за стеклами очков были точь-в-точь как у совы, кроме одной черты – в них не было прозрачной пустоты, ледяного спокойствия, свойственного охотникам. Он посмотрел на меня и сказал:

– Несомненно, Доктор Уорттроп, путешествуя, сталкивался с вещами и похуже, но я не думаю, что ты, Уилл Генри, привык к подобным зрелищам. Не стоит тебе идти с нами.

– Он пойдет с нами вне всякого сомнения, – невозмутимо отозвался Доктор.

– Но зачем? – не унимался констебль. – Ради чего?

– Он – мой ассистент, – ответил Уорттроп, – он должен «привыкнуть к подобным зрелищам».

Констебль слишком хорошо знал Доктора, чтобы продолжать спор. Подавив тяжелый вздох, он передал трубку одному из своих помощников, достал носовой платок и прижал его к лицу, закрывая нос и рот. Мое присутствие все-таки беспокоило его; он посмотрел сверху вниз на поднятое к нему лицо и сказал мне сквозь ткань носового платка, приглушающего звуки:

– Уилл Генри, у меня нет слов. Просто нет слов!

И мы вошли. Над дверью висела табличка с надписью: «Господь – пастырь мой», и в этом предисловии к тому, что мы увидели, была горькая ирония.

Тело лежало лицом вниз в шести футах от входа. Обе руки были вытянуты, ночная рубашка в крови. Ноги отсутствовали. Недоставало пальцев на руках: трех – на правой, и двух – на левой. Голова лежала поверх одной руки почти перпендикулярно к туловищу, потому что шея была практически полностью оторвана от тела, обнажая позвоночник с ответвлениями

основных кровеносных сосудов и сухожилиями соединительных тканей. Затылок был разбит, мозг выцарапан – только по краям висели серые ошметки. Доктор говорил мне во время вскрытия, что Антропофаги предпочитают этот самый благородный человеческий орган – высшее творение природы – мозг.

Комната пропиталась запахом крови, и к нему примешивался уже знакомый тошнотворный запах гнилых фруктов, который я чувствовал на кладбище, когда Антропофаги гнались за нами. Смесь этих двух запахов была столь невыносима, что желудок немилосердно скручивало – недаром констебль, уже побывавший здесь, приложил к лицу платок.

Мы с Морганом задержались на пороге, не решаясь переступить грань между светом и тьмой, но Уортроп такой неприязню не страдал. Он бросился к телу, оставляя липкие следы в крови, затопившей пол наподобие неглубокого рва. Он присел на корточки рядом с головой трупа и низко склонился над зияющей раной. Потрогал ее. Затем растер между большим и указательным пальцами кусочки мозгового вещества. На секунду он замер, упершись локтями в вывернутые наружу колени, пристально рассматривая останки. Он низко склонился над телом – так, что едва не упал, – и взгляделся в лицо жертвы – точнее, в то, что осталось от лица.

– Это Стиннет, да?

– Да, преподобный отец Стиннет, – подтвердил Морган.

– А остальные? Где остальные члены семьи?

– Двое в гостиной: его жена и самая младшая дочь, Сара, я полагаю. Еще один ребенок в холле. Четвертый – в спальне.

– И ребенок, который скрылся. А где же еще один? Не хватает еще одного ребенка.

– Нет, Уортроп, он здесь.

– Где?

– Он повсюду вокруг вас, – ответил констебль, и было слышно, что горло его сжал спазм.

А ребенок действительно был повсюду. Священник, чье тело осталось более-менее целым, привлек наше внимание в первую очередь. И мы не заметили сразу, что вокруг него, словно кусочки, вылетевшие от зловещей центрифуги, на стенах, на полу и даже на потолке у нас над головами, были части и обрывки человеческого тела. Какие именно, было не различить, но они прилипли с кровью почти к каждой поверхности. Это были клочки волос, куски внутренностей, осколки костей, стружки мышц. В некоторых местах стены были настолько пропитаны кровью, что она почти сочилась наружу. Было такое впечатление, что ребенка впихнули в дробилку и она извергла его наружу во всех направлениях. В нескольких футах от правого сапога Доктора лежала оторванная нога мальчика, единственный целый кусок, оставленный разбушевавшимися хищниками Антропофагами.

– Его звали Майкл, – сказал констебль. – Ему было пять лет.

Доктор ничего не ответил. Упершись руками в бока, он поворачивался из стороны в сторону, пытаясь охватить всю панораму кровавой бойни. Лицо его выражало и какую-то зачарованность, и отстраненность. Он словно беспристрастно изумлялся абсолютной, чистой жестокости, свирепости и злобе этой атаки Антропофагов, как будто, отключив сердце и эмоции, он способен был смотреть на все это глазами ученого независимо от того, что сам он – человек. Так стоял он, живой храм среди руин, выражаясь фигурально, и что бы он ни думал в эту минуту, это осталось неведомым – спрятанным ото всех и вся – в священных глубинах его сознания.

Констебль, недовольный медлительностью Доктора в условиях чрезвычайной срочности, сказал нетерпеливо:

– Желаете осмотреть других?

И жуткая экскурсия продолжилась. Первой была спальня, где спали старшие дети. Там растерзанное туловище девочки, которую звали, как сказал нам констебль, Элизабет, лежало на подоконнике. Шелковые занавески, пропитанные ее кровью, хлопали при дуновении все того

же легкого ветерка, и сквозь осколки оконного стекла я увидел весеннюю лужайку, залитую утренним солнцем.

– Они проникли через это окно? – спросил Морган.

– Возможно, – ответил Доктор, наклоняясь, чтобы изучить раму и осколки оконного стекла. – Хотя вряд ли. Скорее, через это окно скрылся наш свидетель, я так думаю.

Дальше Морган повел нас по коридору, где за углом мы обнаружили четвертую жертву, тоже изуродованную и обезображенную, с проломленным черепом и выскобленным мозгом. Куски и обрывки плоти были так же разбрызганы по стенам и полу и прилипли с кровью к потолку. Здесь же, на окровавленных досках пола, мы обнаружили первые следы Антропофагов, отпечатавшиеся в крови их жертв. Доктор издал торжествующий возглас, уткнулся носом в пол и замер, изучая следы несколько минут.

– От восьми до десяти по меньшей мере, – пробормотал он. – Следы самки, хотя вот этот и вон тот могут принадлежать и молодому самцу.

– Самки? Вы говорите, самки? Со следами больше, чем у взрослого мужчины?!

– Взрослая самка имеет рост семь футов от подошвы до плеча.

– О каких самках речь, Уортроп?

– О самках Антропофагов. Монстров-людоедов.

– Антро... попи...

– Антро-по-фаги, – повторил Доктор. – Плиний называл их Блеммиями, но Антропофаги – их научное определение, действующее ныне.

– И откуда, господи, помилуй, они взялись?

– Их родина – Африка и некоторые острова Мадагаскара, – осторожно ответил Доктор.

– Далековато от Новой Англии, – сухо констатировал констебль и, сощурившись, посмотрел на Доктора в ожидании ответа.

– Роберт, даю тебе слово ученого и джентльмена, что я не имею никакого отношения к их появлению здесь, – ответил Доктор осторожно.

– А я, Уортроп, даю вам слово полицейского, что найду того, кто несет ответственность за эту бойню.

– Это не я, – жестко сказал Доктор. – Я шокирован не меньше, чем вы, Роберт, и не меньше, чем вы, намерен докопаться до правды, можете мне поверить.

Морган кивнул, но в голосе его звучало сомнение, когда он произнес:

– Мне просто кажется очень странным, что монстры вдруг объявляются именно в том городе, где живет самый известный в стране – если не во всем мире – монстролог.

И хотя сказано все это было очень мягко, от слов констебля Доктор окаменел и глаза его полыхнули негодованием.

– Вы называете меня лжецом, Роберт? – спросил он тихим голосом, в котором звучала угроза.

– Мой дорогой Уортроп, – ответил Морган, – мы знаем друг друга всю жизнь. И хотя вы самый скрытный и замкнутый человек, какого я знаю, и многое, что вы делаете, остается для меня загадкой, я никогда не слышал, чтобы вы произносили намеренную ложь. Вы говорите мне, что присутствие Антропофагов здесь шокировало вас, и я вам верю. Но моя вера не меняет того факта, что это совпадение – чрезвычайно странное.

– Я не упустил иронии в ваших словах, Роберт, – кивнул мой хозяин. – Можно сказать, странное и необъяснимое – это и есть моя профессия. А в этом случае хватает и того, и другого. – И быстро добавил, пока констебль не продолжил развивать эту тему: – Давайте посмотрим на остальных.

Мы вернулись по коридору к центральной комнате. Здесь, в уютной обстановке, семья собиралась по вечерам, чтобы послушать фортепиано и пообщаться, устроившись поудобнее в уютных креслах, в то время как холодный ветер завывал за окном. Теперь здесь лежал труп

женщины с оторванной головой. Даже мертвая, она продолжала прижимать к себе то, что осталось от ее ребенка. Когда-то ее халат был белым, а теперь лежал, залитый кровью там, где раньше были ее ноги. Одну ногу мы нашли под окном, выходящим на дорожку, ведущую к дому. Другую не нашли, как не нашли и голову, хотя Доктор заставил меня искать со всей тщательностью, ползая на коленках по полу и заглядывая во все углы.

– Оба плеча вывихнуты, – констатировал Доктор. Он провел вниз по рукам женщины, умелыми пальцами обследуя ее все еще мягкую плоть. – Правая плечевая кость сломана. – Теперь его пальцы сомкнулись на крошечном тельце. – Пять пальцев сломаны, два на правой руке, три – на левой.

Он попробовал вынуть ребенка из ее рук. Несмотря на трупное окоченение, ему удалось ослабить ее хватку и осмотреть тело ребенка, не вынимая его из ее замерзших рук.

– Множественные раны от проколов и разрывы, – сказал он. – Но тело цело. Младенец истек кровью, или его легкие были повреждены. Или мать задушила его, прижимая к груди. Жестокая ирония судьбы, если так... Насколько силен материнский инстинкт, Уилл Генри! Ей вывихнули плечи и переломали кости, но она так и не выпустила ребенка из рук. Она держала его, даже когда ей сломали руки и оторвали голову. Держала крепко! Даже когда она превратилась в жестокую имитацию тех, кто убил ее, она продолжала прижимать к себе дитя. Это – загадка и чудо.

– Простите меня, Уортроп, но я не вижу в этом ничего, что можно было бы назвать чудесным, – сказал констебль с отвращением.

– Вы неправильно поняли меня, – возразил Уортроп. – И вы судите преждевременно о вещах, о которых вам ничего не известно. Разве осуждаем мы волка или льва? Разве виним беспощадного крокодила в том, что он следует велению природы, создавшей его?

Говоря все это, Доктор исследовал кровавое месиво у себя под ногами. Теперь он выглядел отстраненным, его лицо стало непроницаемой маской. Что за чувства обуревали его под этим ледяным фасадом, если они вообще были? Напомнила ли ему эта чудовищная картина о его собственных словах, сказанных несколькими часами раньше, – что мистер Грей удовлетворил их голод на пару дней? О словах, произнесенных с характерной самоуверенностью и самонадеянностью? Или он не вспомнил этого вовсе? Я солгал бы, если бы сказал, что понимаю этого человека, которому был стольким обязан; этого человека, который взял бездомного, лишившегося родителей мальчика под свой кров и сделал из него того человека, каким я стал. Как часто они спасают или разрушают нас своими причудами, или планами, или тем и другим – эти взрослые, на чьи плечи ложится забота о нас и кому мы доверяем! Я честно признаюсь: я не понимаю его. Даже по прошествии долгого времени я не понимаю Доктора Пеллинора Ксавьера Уортропа. Неужели он действительно принял как исходное условие то, что он не имеет отношения к жестокому убийству шестерых невинных? Какой искаженной логикой он обладал, чтобы проигнорировать символическое значение крови семьи Стиннетов на своих руках? Или он просто смотрел на факты таким же равнодушным взглядом, какого удостоилась Элиза Бантон, чтобы добиться вывода, очевидного даже для двенадцатилетнего мальчика? Любая из этих теорий могла оказаться правдой – но ничего нельзя было прочесть на его непроницаемом лице. Он ничем не выдал себя, обследуя в тишине обезглавленную мать и мертвого ребенка у нее на груди. Они лежали у его ног, словно жертвы, принесенные кровожадному божеству.

– Где свидетель? – спросил он.

Во дворе мы остановились, чтобы отдышаться от удушливого запаха смерти, а констебль заново набил трубку. Лицо его пылало, а пальцы, в которых он держал спичку, дрожали.

– Должен признаться, Уортроп, все это не укладывается в рамки моего жизненного опыта.

Взгляд его застыл на выгравированной над дверью надписью: «Господь – пастырь мой». Казалось, его это не успокоило. Скорее, потрясло еще больше, глубоко задев религиозные чув-

ства. Будучи городским констеблем, он был свидетелем негуманного обращения человека с человеком, свидетелем жестокости и превратностей судьбы, от несчастных случаев до намеренного нанесения увечий, от простого воровства до злонамеренных побоев. Но даже все это, вместе взятое, не подготовило его к тому, что он увидел здесь. К тому, что человек – вершина творения – может быть просто добычей. Кормом. Для существ низшего порядка – таких, какие снились мне накануне.

Антропофаги самым фактом своего существования высмеивали высокие порывы и возвышенные стремления, и это не укладывалось в голове констебля со всем его опытом, не могло ужиться с его чуткой натурой.

– Свидетель в церкви, – сказал он. – Сюда, пожалуйста.

Мы пошли за ним следом по гравиевой дорожке к церквушке на холме. Внизу вилась дорога к Старому кладбищу. У входа стоял еще один охранник. Он пропустил нас без слов.

Внутри было холодно и темно. Утренний свет струился косыми лучами сквозь витражи, вспыхивая то синим, то зеленоватым лучом в пыльном воздухе. Наши шаги разносились эхом под сводами. Две ссутулившиеся фигуры сидели на передней скамье. При нашем приближении одна из них поднялась – это оказался еще один охранник с винтовкой в руках. Другая фигура не двигалась, даже не подняла головы.

Констебль тихо сказал человеку с винтовкой, что скоро прибудет катафалк и надо подождать его снаружи, чтобы помочь погрузить тела. Охранник явно был не очень рад такому поручению, однако лишь коротко кивнул головой и вышел. Шаги его стихли. Мы остались наедине со свидетелем. Он сидел, сжавшись в комок, на краешке скамьи, со сложенными на груди руками, придерживающими плед, который был накинут на голое тело. Это был всего лишь мальчик лет пятнадцати-шестнадцати, как мне показалось. У него были темные волосы и ярко-синие глаза, выглядевшие огромными на худом лице. Хотя он и сидел, я понял, что он высокий для своего возраста; его ноги были вытянуты далеко вперед.

– Малакки, – ласково обратился к нему констебль, – Малакки, это Доктор Уортроп. Он здесь, чтобы... – Констебль запнулся, не зная, что бы такое придумать. – ...чтобы помочь тебе.

Прошла минута. Малакки ничего не говорил. Его пухлые губы беззвучно шевелились, а глаза вперились, словно у восточного волхва, в пространство за пределами земной реальности, как будто он видел нечто по ту сторону.

– Я не ранен, – сказал он наконец тихим шепотом.

– Уортроп не совсем обычный доктор, – сказал констебль.

– Я – ученый, – сказал Уортроп.

Малакки рассеянно перевел свои невероятно синие глаза в сторону, и его блуждающий немигающий взгляд застыл на моем лице. Я заерзал; смотреть Малакки в глаза было невыносимо.

– Кто ты? – спросил он.

– Это Уилл Генри, – сказал Доктор. – Он – мой ассистент.

Малакки продолжал смотреть на меня невидящим взглядом. Это было совершенно ясно – он смотрел как бы сквозь меня на то, что мог видеть только он один. Не знаю, как восприняли это другие; мне было совершенно ясно, что его психика не выдержала пережитого шока, хотя физически он и не пострадал от нападения – и, кстати, как такое могло случиться?

Доктор опустился перед ним на одно колено. Мальчик не обратил внимания; его взгляд был по-прежнему устремлен на меня, и даже ресницы не дрогнули, когда Доктор положил руку ему на ногу. Уортроп тихо позвал его по имени, слегка надавив на ногу, словно призывал его вернуться обратно из недостижимого далека.

– Малакки, ты можешь рассказать мне, что случилось?

И снова его губы беззвучно шевельнулись, не издав ни звука. Мне было неловко под его взглядом, но я не мог отвести глаза.

– Малакки! – снова позвал доктор, теперь слегка потряхнув его за ногу. – Я не смогу помочь тебе, пока ты не скажешь...

– Разве вы не были там? – крикнул Малакки. – Разве вы не видели?!

– Да, Малакки, – ответил Доктор, – я все видел.

– Тогда зачем вы меня спрашиваете?

– Потому что мне надо знать, что видел ты.

– Что я видел.

Глаза его, огромные, синие и бездонные, не выпускали меня из-под своего гипноза. Он отвечал Доктору, но говорил со мной:

– Я видел, как открылись двери ада и извергли из себя порождения Сатаны. Вот что я видел!

– Малакки, существа, убившие твою семью, – это не сверхъестественные чудовища. Это хищники, у них земное происхождение, они реальны, как волки, как львы. А мы, к сожалению, их добыча.

Даже если он и слышал Доктора, он не подал виду. Даже если понимал его, он никак это не выразил. Несмотря на то что он был закутан в плед, его била крупная дрожь. Но вот его губы приоткрылись, и теперь он спросил меня:

– А ты видел?

Я колебался. Доктор жарко прошептал мне на ухо: «Отвечай, Уилл Генри!»

– Да, – выпалил я, – я видел.

– Я не ранен, – повторил Малакки. Теперь он говорил это именно мне, словно боялся, что я не расслышал его раньше. – На мне нет ни царапины.

– Поразительный и невероятно удачный исход твоего сурового испытания, – заметил Доктор.

Его слова снова не встретили ответа. Недовольно фыркнув, Уортроп подал мне знак подойти к Малакки поближе. Похоже, тот готов был говорить, но только со мной.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Двенадцать.

– Как моей сестре. Элизабет. Сара, Майкл, Мэтью и Элизабет. Я старший. У тебя есть братья или сестры, Уилл Генри?

– Нет.

– Уилл Генри сирота, – сказал Доктор Уортроп.

– Как это случилось? – спросил Малакки у меня.

– Был пожар, – сказал я.

– Ты был там?

– Да.

– И что?

– Я убежал.

– Я тоже убежал.

Выражение его лица не изменилось, взгляд оставался пустым, но слеза скатилась по его впалой щеке.

– Как ты думаешь, Господь простит нас, Уилл Генри?

– Я... Я не знаю, – ответил я честно. Мне было всего двенадцать, и я не разбирался в тонкостях теологии.

– Так всегда говорил отец, – прошептал Малакки. – Если мы раскаемся. Если будем молить о прощении.

Его взгляд переместился на распятие за моей спиной.

– Я молюсь. Я прошу простить меня. Но не слышу ответа. Я ничего не чувствую!

– Самосохранение – твоя первейшая обязанность и неотъемлемое право, Малакки, – сказал Доктор несколько раздраженно. – С тебя не спросится за использование этого права.

– Нет-нет, – пробормотал констебль Морган. – Вы не понимаете, о чем он, Уортроп.

Он опустился на скамью рядом с Малакки и обнял его за узкие плечи.

– Возможно, есть причина, по которой тебе удалось спастись, Малакки, – сказал констебль. – Ты не задумывался об этом? Всему, что происходит, есть объяснение... разве не на этом зиждется наша вера? Ты здесь – как и все мы – находишься в соответствии с замыслом, рожденным еще до сотворения мира. Наш скромный долг – сыграть свою роль в этом замысле. Я не притворяюсь, что знаю, какова моя или твоя роль. Но, возможно, ты был спасен, чтобы другие невинные люди не пострадали. Ибо, останься ты в доме, ты бы точно разделил участь своей семьи, и тогда кто бы донес до нас предостережение? Твое спасение спасет бесчисленные жизни других.

– Но почему я? Почему я был спасен? Почему не отец? Или мама? Или братья с сестрами? Почему?

– На этот вопрос никто не сможет ответить, – сказал Морган.

Фыркнув, Доктор перестал делать вид, что сострадает мальчику, и резко спросил несчастного:

– Ты жалеешь себя, Малакки Стиннет? Это сводит на нет твою веру. Каждая минута, когда ты купаешься в этой жалости, – потерянная минута. Сейчас не время предаваться саморефлексии и религиозным дебатам! Скажи, ты любил свою семью?

– Конечно, я любил их!

– Тогда откажись от чувства вины и похорони свое горе. Они умерли, и их не вернешь. Я предлагаю тебе выбор, Малакки Стиннет, – выбор, перед которым рано или поздно оказываются все: ты можешь остаться оплакивать свое горе или взять оружие и пойти на врага! Твою семью истребили не демоны, на нее напали хищники-людоеды, которые будут нападать снова – это так же точно, как то, что солнце сегодня зайдет за горизонт. И тогда пострадают другие семьи – если только ты не расскажешь, и не расскажешь мне здесь и сейчас, что ты видел.

Говоря так, Доктор наклонился к съжившемуся Малакки все ниже и ниже, пока не уперся руками в скамью по обе стороны от мальчика. Теперь они смотрели друг другу глаза в глаза, и взгляд Уортропа горел страстной убежденностью.

Они несли одно бремя, хотя только Уортроп знал об этом, так что лишь у него были силы сбросить его. Я тоже знал, конечно. И теперь, будучи старым человеком, глядя сквозь глаза двенадцатилетнего себя, я могу различить в этом горькую иронию и странный, ужасный символизм: на своих не обгаренных кровью руках Малакки почувствовал кровь своих родных, в то время как человек, чьи руки были действительно в крови, бранил его и призывал отвергнуть все чувства от ответственности и сожаления до угрызений совести!

– Я видел не все, – сказал Малакки, запинаясь. – Я сбежал.

– Но когда все началось, ты же был в доме?

– Да. Конечно. Где еще мне было быть? Я спал. Мы все спали. Раздался страшный треск. Звук бьющегося оконного стекла – они вломились через окна. Даже стены в доме задрожали. Я услышал, как закричала мама. В дверях моей спальни появилась тень, и комната наполнилась непереносимой вонью, от которой у меня дыхание сперло. Тень полностью закрывала собой дверной проем... огромная, без головы... Она фыркала и принюхивалась, как собака. Я лежал неподвижно, парализованный страхом. А потом тень исчезла. Я не знаю почему... Весь дом был наполнен криками. Нашими. Их. Элизабет залезла ко мне в постель. Я не мог пошевелиться! Мне следовало забаррикадировать дверь. Я мог разбить окно в двух шагах от постели и сбежать. Но я ничего не делал! Я лежал в кровати, прижимая к себе Элизабет, зажав ладонью ей рот, чтобы она не закричала и не привлекла их внимание к нам, а сквозь дверной проем я видел, как они идут мимо – безглавые тени с руками столь длинными, что пальцы почти

касаются земли. Перед нашей дверью двое из них устроили драку. Они рычали, сипели, хрюкали и злобно шипели, не поделив между собой тело моего брата. Я понял, что это, должно быть, Мэтью. Для Майкла он был великоват... Они разорвали его прямо у меня на глазах. Порвали на куски и бросили его торс без рук и без ног вниз, где он упал с жутким хлопком. А потом стало громко слышно рычание и чавканье, когда на него налетели другие. Именно тогда я почувствовал, как Элизабет обмякла в моих руках – она потеряла сознание. Потом крики прекратились, хотя я все еще слышал, как чудовища ходят по дому, рыча, шипя и похрюкивая. Я слышал их чавканье и хруст костей. Я все еще не смел шевельнуться. Что, если они меня услышат? Они передвигались так быстро, что я боялся не успеть открыть окно... и потом, неизвестно еще, что за ужас притаился снаружи. Что, если вокруг дома дежурят еще такие же? Я старался встать с постели, но не мог, не мог!

Он замолчал. Судя по глазам, он снова ушел в себя. Взгляд его стал пустым. Пока он говорил, констебль поднялся со скамьи и тяжелой походкой подошел к витражу с изображением Христа.

– Но, конечно, в конце концов, ты встал, – подсказал Доктор.

Малакки медленно кивнул.

– Тебе было никак не открыть окно, – подгонял его Уортроп.

– Да, откуда вы знаете?

– Так что ты разбил его.

– У меня не было выбора!

– И звук привлек их.

– Да, наверное.

– И, однако, ты не выпрыгнул в окно, хотя свобода и безопасность были на расстоянии нескольких футов от тебя.

– Я не мог бросить ее.

– И вернулся к кровати за ней?

– Они приближались.

– Ты слышал их.

– Я подхватил ее на руки. Она была словно мертвая. Я потащил ее к окну, споткнулся, и она упала. Я наклонился, чтобы поднять ее, и тут...

– Ты увидел их в дверях.

Малакки снова кивнул, теперь порывисто, глаза его были широко раскрыты, словно он сам удивлялся тому, что говорил.

– Откуда вы знаете?

– Это был самец или самка, не припомнишь?

– О, ради бога, Пеллино! – взмолился констебль.

– Ну, хорошо, – вздохнул Доктор. – Ты бросил сестру и убежал.

– Нет! Нет, я бы ни за что не бросил ее! – закричал Малакки. – Я бы ни за что не отдал ее этим... чтобы они... Я схватил ее за руки и потащил к окну...

– Но было слишком поздно, – подсказал Доктор, – над вами уже нависло чудище.

– Оно так быстро двигалось! Одним прыжком оно перескочило через комнату, схватило зубами ее за ногу и выдернуло ее у меня так же легко, как взрослый может вырвать куклу из рук ребенка. Оно подбросило ее вверх, и голова Элизабет ударилась о потолок с тошнотворным глухим стуком. Я услышал, как хрустнул ее череп, и затем ее кровь дождем обрушилась мне на голову – кровь моей сестры!

Он потерял самообладание и закрыл лицо руками. Все его тело содрогалось; он душераздирающе рыдал.

Доктор потерпел немного, но лишь чуть-чуть.

– Опиши чудовище, Малакки, – скомандовал он. – Какое оно было из себя?

– Семь футов... может, выше. Длинные руки, мощные ноги, бледное, как труп, без головы, но глаза – на плечах... скорее, один глаз. Второй был выбит.

– Выбит?

– На месте второго глаза чернела пустая глазница.

Доктор многозначительно посмотрел на меня. Слова нам были ни к чему; мы подумали об одном и том же. Точнее, о той же, которая была ослеплена когда-то волею случая или судьбы.

– За тобой не погнались, тебя не преследовали, – сказал Доктор, снова глядя на Малакки.

– Нет. Я бросился в разбитое окно и даже не поцарапался! Ни единой царапины, вы только подумайте!.. А потом я вскочил верхом на лошадь и поскакал что было сил к дому констебля.

Уортроп положил руку, обогренную кровью этой семьи, на вздрагивающее плечо Малакки.

– Очень хорошо, – сказал он, – ты все правильно сделал.

– В чем хорошо? – вскричал Малакки. – Что в этом было правильного?!

Доктор подал мне знак оставаться рядом с мальчиком на скамье, а они с Морганом отошли в сторону, чтобы обсудить план дальнейших действий. Во всяком случае, я так понял. Судя по обрывкам разговора, доносившегося до нас.

Констебль говорил:

– ... агрессивно и незамедлительно... каждый здоровый мужчина в Новом Иерусалиме...

Доктор отвечал:

– ... опрометчиво и безрассудно... это обязательно вызовет панику...

Малакки пришел в себя, пока они переговаривались. Всплипы его затихли, остались только слезы, текущие по щекам. Его уже не била крупная дрожь, только слегка потряхивало, как при ознобе.

– Что за странный человек! – сказал Малакки, имея в виду Доктора.

– Он не странный, – возразил я, немного защищая Уортропа, – у него просто профессия странно называется.

– А как называется его профессия?

– Монстролог.

– Он охотится на монстров?

– Ему не нравится, когда их так называют.

– Тогда почему он называет себя монстрологом?

– Он не сам выбрал это слово.

– Никогда не знал, что есть монстрологи.

– Их не так много, – сказал я. – Его отец был монстрологом, и я знаю, что есть Научное Общество Монстрологов, но не думаю, что в нем много членов.

– Не трудно понять почему! – воскликнул Малакки.

В другом углу церкви спор разгорался и грозил выплеснуться, как раскаленная магма через кратер вулкана.

Морган:

– ... эвакуировать! Эвакуировать немедленно! Эвакуировать всех!

Уортроп:

– ... глупо, Роберт! Глупо и безрассудно! Это не принесет желаемых результатов. Все еще можно взять под контроль... пока не поздно...

– Я никогда не верил, что монстры действительно существуют, – признался Малакки.

Его взгляд снова утратил осмысленность. Он смотрел внутрь себя. Интуитивно, как все дети, я чувствовал, что он опять потерял связь с реальностью и, не в силах контролировать себя, погрузился в пучину, словно Икар с опаленными крыльями. Он вновь видел кровавые ужасы

той ночи, где осталась его семья, обреченная на вечные муки, в то время как он, Малакки, лежит в кровати и не может пошевелиться, чтобы спасти их от хищников.

А тем временем спор констебля и Доктора достиг своего апогея. Доктор каждое свое слово подтверждал, тыкая пальцем констебля в грудь:

– Никакой эвакуации! Никаких охотничьих отрядов! Здесь я – эксперт. Я один – единственный – достаточно квалифицирован, чтобы принимать решения!

Ответ Моргана был сдержанным и взвешенным, словно взрослый разговаривал с разбушевавшимся ребенком:

– Уортроп, если бы у меня было хоть малейшее сомнение в вашей компетентности, я бы никогда не привез вас сюда сегодня утром. Вы разбираетесь в этом ужасающем феномене лучше, чем кто-либо. В силу своей профессии вы обязаны понимать этих тварей. А я, в силу своей, обязан защитить от них людей. И эта моя обязанность не терпит отлагательства.

Доктор, сдерживаясь изо всех сил, процедил сквозь зубы:

– Уверю вас, Роберт, я готов поставить на кон свою репутацию – они не будут атаковать ни сегодня, ни завтра, ни еще несколько дней.

– Вы не можете знать точно.

– Разумеется, я знаю это точно! И опыт трех тысячелетий, изученный мной досконально, подтверждает мою правоту. Вы обижаете меня, Роберт.

– Это не то, к чему я стремился, Пеллино.

– Тогда почему вы признаете мою компетентность и в следующий же миг игнорируете ее? Вы привозите меня сюда, чтобы я проконсультировал вас и объяснил, что происходит, но не пользуетесь моими советами. Вы утверждаете, что хотите избежать паники, и одновременно принимаете решение, основанное только на том, что паникуете вы сами!

– Пусть так, – согласился Морган, – но эта паника может оказаться нашей самой успешной тактикой.

Лицо Доктора стало красным, он резко выпрямил спину, руки его сжались в кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

– Очень хорошо. Вам безразлично мое мнение. Прекрасный выбор, Роберт. Придерживайтесь своей точки зрения. Ваша обязанность, как вы говорите, призывает вас к подобному выбору, и, стало быть, ответственность за этот выбор полностью ложится на ваши плечи. Так что когда вы и ваши люди поплатитесь жизнью за это безрассудство, вина за это не ляжет на меня. Я умываю руки.

«Есть от чего умыывать, – подумал я. – У вас все руки в крови жертв людоедов!»

– Идем, Уилл Генри! – крикнул Доктор. – Здесь искали нашей помощи, но не приняли ее. Хорошего дня, констебль, и удачи вам, сэр. Если понадобится, вы знаете, где меня найти.

Он пошел по центральному проходу к двери, крикнув на ходу так громко, что голос разнесся под сводами:

– Уилл Генри! Пошевеливайся!

Я поднялся со скамьи, но, как только я это сделал, Малакки выпрямился и вцепился в мою руку, не отпуская.

– Куда ты? – требовательно спросил он. На лице его было отчаяние.

Я кивнул в сторону двери:

– Я уйду вместе с ним.

– Уилл Генри-и-и-и! – прокричал Доктор.

– Можно мне с тобой?

Перед нами появился констебль:

– Не бойся, Малакки. Ты останешься со мной, пока мы не подыщем тебе более... – Он запнулся, подыскивая слово: – ... что-то более подходящее.

В дверях я обернулся. Малакки все так же сидел на скамье, констебль положил руку ему на плечо.

Когда мы вышли, Доктор глубоко вдохнул теплый весенний воздух с жадой наркомана, вдыхающего опий. Потом, не обращая внимания на охранников с винтовками, он быстро зашагал к экипажу констебля.

– На Харрингтон-лейн, – скомандовал он вознице, широко распахнул дверь и уселся внутри. Он нетерпеливо пощелкал пальцами, поторапливая меня, и я вскарабкался следом за ним.

Мы тронулись по узкой дороге, остановившись один раз – чтобы пропустить три черных катафалка, и другой раз – телегу с несколькими людьми, вооруженными винтовками, с охотничьими собаками на поводках. Доктор покачал головой и пробормотал что-то саркастическое себе под нос. Потом, стиснув зубы, он недовольно проговорил:

– Я знаю, что ты думаешь, Уилл Генри, но даже основные принципы и догматы веры этих жертв несут в себе ошибку, которая – не проступок. Просчет – не халатность, благоразумие – не преступление. Я основываю свои действия или свое бездействие на возможности и вероятности, на фактах и доказательствах. Есть причины, по которым мы называем науку дисциплиной! Недалекий человек убегает или строит погребальный костер, чтобы жечь на нем ведьм. Я – ученый. Я не лезу в ложные споры; и то, что мы не видим фей, танцующих на лужайке, ничего не доказывает – ни их наличия, ни их отсутствия. Факты и доказательства рожают теорию. И теория развивается с появлением новых фактов и доказательств. Три тысячи лет исследований, серьезного научного наблюдения и сбора материала – я что, должен был плюнуть на все это и подвергнуть все это сомнению? В любой критической ситуации должны ли мы отречься от здравого смысла и отдаваться на волю основных инстинктов? Люди мы или пугливые газели? Тщательное изучение фактов привело бы любого здравомыслящего и разумного человека к выводу, что меня не в чем винить, что я вел себя в этом случае благоразумно и терпеливо. И не было повода тратить силы и энергию на преследование фей, танцующих на лужайке, которых никто не видел!

Он хлопнул ладонью по колену.

– Так что отодвинь в сторону свои юношеские суждения, Уильям Джеймс Генри. Я не больше в ответе за эту трагедию, чем тот мальчик, наблюдавший за ней. Меньше – да! – если кто-то приложит тот же жестокий критерий оценки к моим действиям!

Я не ответил на этот страстный монолог, потому что и обращен он был не столько ко мне, сколько к своему внутреннему «я». Я был всего лишь свидетелем. И всю дорогу он чувствовал, конечно, не меньше меня запах крови и смерти, которыми пропитались наша одежда и кожа, чувствовал кисловатый привкус на языке.

По возвращении на Харрингтон-лейн Доктор спустился в подвал, где встал и замер, уставившись на подвешенный труп Антропофага. Была ли эта неподвижность просто иллюзией? Внешне он сохранял ледяное спокойствие, но бушевала ли буря под этой маской самообладания? Я слышал, как он бормочет себе под нос вариации речи, произнесенной им в экипаже, словно поэт, которому не удается подобрать нужную рифму.

Потом и бормотание иссякло. Несколько минут он молчал и не двигался. Стоял как статуя.

– Это она, – изрек он наконец. В голосе его послышалось изумление. – В доме пастора была та самая одноглазая самка Антропофаг, глава и мать нынешнего племени, которую в свое время ослепил капитан Варнер. Какой-то злой рок привел ее сюда, Уилл Генри. Как будто...

Он колебался, боясь озвучить мысль, которая пришла ему в голову. Она противоречила всему, во что он верил.

– Как будто она пришла, потому что ищет его.

Я не спросил, о ком он говорит. Мне не нужно было спрашивать, я знал ответ.

– Интересно, – сказал он задумчиво, словно адресовал свой вопрос монстру, висящему перед ним на крюке, – ей будет достаточно его сына?

Часть девятая. «Я должен кое-что показать вам»

В тот день констебль снова приехал на Харрингтон-лейн, и его появление было предсказано монстрологом.

– Надо бы сделать уборку, Уилл Генри, – сказал он. – Наш друг констебль скоро опять пожалует с просьбой о помощи, когда его полицейские с собаками выбьются из сил, а беспорядочная пальба не принесет результатов.

Уборка, после того как вчера Доктор перевернул вверх дном весь дом, потребовалась основательная. Пока я наводил порядок в библиотеке, расставляя по местам книги и протирая полки, Доктор направился в кабинет. Оттуда не доносилось ни звука, и, когда я закончил и вошел к нему, мои подозрения подтвердились – он вовсе не прибирался. Он сидел в своем любимом кресле среди груд мусора, погруженный в раздумья. Ничего не говоря, я продолжил уборку в этом помещении, а Доктор сидел и смотрел на меня – но не отсутствующим взглядом, как Малакки Стиннет, а вполне осмысленно.

В четверть четвертого в дверь постучали. Доктор встал и сказал:

– Закончишь позже, Уилл Генри. Пока просто закрой дверь и проводи констебля в библиотеку.

Морган пришел не один. Позади него стояли кучер с блестящим серебряным значком на груди и револьвером на правом бедре и Малакки Стиннет. У него было грустное выражение лица, но, когда он увидел, что дверь открыл я, он просиял.

– Уилл Генри, Доктор дома? – спросил констебль сухо и официально.

– Да, сэр. Он ждет вас в библиотеке.

– Ждет меня? Кто бы сомневался!

Они прошли в комнату следом за мной. Уортроп стоял у длинного стола, на котором я оставил карту с яркими пересекающимися линиями и неровными кружочками, звездочками, прямоугольниками и квадратами. В спешке я позабыл свернуть ее, но Доктор, казалось, не замечал, что она лежит на самом видном месте. А может, ему это было все равно. Он застыл при нашем появлении и сказал, обращаясь к Моргану:

– Роберт, я удивлен.

– Да? – холодно спросил Морган. – А вот Уилл Генри сказал, что вы ждете меня.

Доктор кивнул головой в сторону сопровождавших констебля:

– Вас. Но не их.

– Малакки попросил взять его с собой. О’Брайана позвал я.

Констебль бросил что-то на стол. Предмет проехал несколько дюймов и оказался прямо под рукой Уортропа. Это была моя любимая шапочка, потерянная на кладбище. Теперь ее нашли.

– Думаю, это шапка вашего ассистента.

Уортроп ничего не сказал. Он смотрел не на шапку, он смотрел на Малакки.

– Уилл, разве не твои инициалы на шапке – «У.Г.»? – спросил констебль, не сводя обличающего взгляда с Доктора.

– Уилл Генри, ступайте с Малакки на кухню, – сказал Доктор тихо.

– Никто не покинет эту комнату, – пролаял Морган. – О’Брайан!

С многозначительной ухмылкой дородный и крепкий помощник перегородил дверной проем.

– Я считаю, будет лучше, если Малакки... – начал Доктор.

Морган прервал его:

– Я здесь решаю, что лучше. Как долго вы знали, Уортроп?

Доктор колебался. Потом сказал:

– С ночи пятнадцатого.

– С ночи... – Морган задохнулся. – Вы знали о людоедах четыре дня и никому не сказали ни слова?!

– Я полагал, ситуация не...

– Вы полагали?!

– Я сделал вывод, что...

– Вы сделали вывод?!

– Основываясь на всех известных мне данных, я сделал вывод, что... можно направить силы и энергию на вторжение Антропофагов с хладнокровной и бесстрастной осмотрительностью, не возбуждая ненужную панику и... без привлечения чрезмерных сил.

– Утром я спрашивал вас, Уортроп, – сказал Морган, которого, очевидно, не тронуло рационалистическое обоснование Доктора.

– И я сказал вам правду, Роберт.

– Вы сказали, что шокированы их появлением здесь.

– Так оно и было. Так и остается. Их нападение прошлой ночью было несомненным шоком, так что в этом смысле я вам не солгал. Вы пришли меня арестовать?

Глаза констебля блеснули за стеклами очков, усы задрожали.

– Это вы привезли их сюда, – сказал он.

– Я этого не делал.

– Но вы знаете, кто это сделал.

Доктор не ответил. Он не успел. Потому что в этот момент Малакки, который слушал их разговор с нарастающим ужасом – приехал-то он сюда, не ведая о дедуктивных выводах констебля, а теперь оказался лицом к лицу с человеком, чье молчание явилось проклятием его семьи, – так вот Малакки бросился на не Доктора, а на О'Брайана и вырвал у него из-за пояса пистолет. Он налетел на Доктора, сбил его с ног и приставил дуло к его лбу. В оглушительной тишине громко щелкнул затвор предохранителя.

Сидя верхом на Докторе, Малакки выплюнул ему в лицо одно только слово:

– Вы!

О'Брайан бросился вперед, но констебль остановил его, упершись рукой ему в грудь, и крикнул ошалевшему от горя мальчику:

– Малакки! Малакки, это ничего не решит!

– А я и не хочу ничего решать! – крикнул обезумевший Малакки. – Я хочу, чтобы справедливость восторжествовала!

Констебль сделал шаг ему навстречу:

– Это будет не справедливость, малыш. Это будет убийство.

– Он сам – убийца! Глаз за глаз, зуб за зуб!

– Нет, Бог ему судья, а не ты, мой мальчик.

Разговаривая с ним так, Морган потихоньку продвигался к нему поближе. Заметив это, Малакки с силой впечатал дуло пистолета в лоб Уортропа. Мальчик весь дрожал от переполнявших его чувств.

– Больше ни шагу – или я выстрелю! Клянусь, я выстрелю!

Его тряхнуло, но он так давил на пистолет, что дуло царапнуло Доктора по лбу, ободрав тонкую кожу, и хлынула кровь.

Не останавливаясь, чтобы подумать – потому что если бы я задумался, я, вероятно, не стал бы рисковать нашими жизнями, – я проскочил мимо Моргана и опустился на колени перед ними, беднягой Малакки и распростертым Уортропом. Мальчик повернул ко мне заплаканное лицо, в котором читались ярость и замешательство. Я посмотрел ему в глаза молящим взглядом.

дом, словно в моих глазах он мог найти ответ на вопрос «почему», хотя ответа на него вообще не было.

– Он забрал у меня все, Уилл! – прошептал он.

– А ты заберешь все у меня, если сделаешь это, – ответил я.

Я потянулся к его руке с пистолетом. Он вздрогнул. Его палец сильнее надавил на курок. Я замер.

– Он – все, что у меня есть, – сказал я, потому что это было правдой.

Одной рукой я взял его за трясущееся запястье, другой осторожно вынул оружие из его дрожащих пальцев. В два шага Морган оказался рядом со мной, он выхватил у меня пистолет и передал его сконфуженному О’Брайану.

– В следующий раз потренируйся, как с этим обращаться, – отрывисто бросил он.

Я положил руку на плечо Малакки – рука дрожала почти так же, как у него. Он отлепился от Доктора и упал в мои объятия, спрятав лицо у меня на груди и сотрясаясь от рыданий. Доктор с трудом поднялся на ноги, оперся о письменный стол и приложил носовой платок к ране на лбу. Лицо его было бледно и измазано кровью. Он пробормотал:

– Если бы я только знал...

– Вы знали достаточно, – бросил в ответ Морган. – И теперь вы должны во всем признаться, Пеллинор, во всем, или я арестую вас сегодня же, не откладывая.

Доктор кивнул. Он неотрывно смотрел на несчастного Малакки Стиннета, которого я тихонько баюкал.

– Идемте, я должен вам кое-что показать, – сказал Доктор Моргану. – Но только вам, Роберт. Я уверен... – Он оборвал сам себя. – Мне кажется... – Он оборвал себя снова и прокашлялся: – Не в интересах Малакки видеть это.

Я, разумеется, понял, куда они сейчас пойдут, и был более чем согласен с Доктором – определенно не в интересах Малакки видеть то, что висит у монстролога в подвале.

Крепыш О’Брайан направился было следом за ними, но Морган приказал ему оставаться с нами, так что он встал в дверях. Он был явно недоволен и бросал на меня такие взгляды, как будто я был виноват в том, что произошло. Возможно, я и был виноват, а в тот момент я был просто в этом уверен. Тень от вины Доктора ложилась и на меня. И хотя я спрашивал его в ночь нашего бегства с кладбища, не сообщить ли о происшедшем властям, я недостаточно сильно настаивал. В конце концов, Доктор не запирает меня в комнате и не привязывал к перилам лестницы. Я мог тогда еще, ночью, побежать к констеблю и поднять тревогу. Но я этого не сделал. Смягчающие факторы – мой возраст, моя подчиненность Доктору, мое преклонение перед его умом и зрелостью суждений – превращались в прах сейчас, когда рядом был Малакки с его болью и чудовищной потерей.

Взглянув вверх с затуманенным от сочувствия выражением (а мне было жаль и Малакки, и, признаться, себя), я встретился взглядом с О’Брайаном. Он смотрел на меня сверху вниз, и губы его кривились в саркастической усмешке.

– Надеюсь, его повесят за это, – сказал он.

Я отвернулся и посмотрел в глаза Малакки, покрасневшие, широко открытые. Он прошептал:

– Ты тоже все знал?

Я кивнул. Ложь – как учил меня Доктор – самый отвратительный вид шутовства.

– Да.

Казалось, прошло несколько часов прежде, чем они вернулись. На самом деле – несколько минут. У Моргана кровь отхлынула от лица, и его движения, замедленные и неkoordinированные, напоминали движения оглушенного в бою солдата. Он кое-как добрался до кресла и медленно опустился в него. Дрожащими пальцами он набил трубку, но смог прику-

рить ее только со второй попытки. Уортроп тоже выглядел ошеломленным и периодически вздрагивал. Еще бы, так приблизиться к темной пучине смерти... Кровь запеклась, и теперь, в дюйме над глазами, ровно посередине лба у Доктора была круглая рана. Она напоминала каинову печать.

– Уилл Генри, – тихо сказал он, – отведи Малакки наверх, в одну из свободных комнат.

– Хорошо, сэр, – тут же ответил я.

Я помог Малакки подняться, положив его руки себе на плечи. Он облокотился на меня, и, спотыкаясь, мы покинули комнату. Ноги у меня подкашивались под его весом – он все-таки был на голову выше меня. Я помог ему подняться вверх по лестнице и затащил в ближайшую спальню – комнату, где пять лет назад нашли обнаженное тело Алистера Уортропа. Я опустил Малакки на матрас, закрыл дверь и упал в кресло, чтобы перевести дух. Малакки тут же свернулся калачиком, как и отец монстролога. Его коленки упирались в подбородок.

– Не стоило мне приходить, – сказал он.

Я кивнул; возразить мне было нечего – он был прав.

– Он предложил взять меня к себе, – продолжал он, имея в виду Моргана. – Потому что мне больше некуда идти.

– Других родственников у тебя нет? – спросил я.

– Все мои родные умерли.

Я снова кивнул.

– Малакки, мне очень жаль.

– Ты все для него делаешь, да? Даже извиняешься за него.

– Он не хотел, чтобы все так вышло.

– Он ничего не предпринял. Знал – и ничего не предпринял. Почему ты защищаешь его, Уилл? Кто он тебе?

– Дело не в этом, – сказал я. – Дело в том, кто я для него.

– В каком смысле?

– Я его ассистент, – сказал я не без гордости, – как и мой отец. После того как он... после пожара Доктор взял меня к себе.

– Он усыновил тебя?

– Он взял меня к себе.

– Почему он сделал это? Зачем он взял тебя?

– Потому что больше никого не было.

– Нет, – сказал он, – я не о том. Почему он сделал этот выбор – взять тебя жить к себе?

– Не знаю, – сказал я, немного опешив. Этот вопрос никогда не приходил мне в голову. Я никогда не спрашивал Доктора об этом. Думаю, он решил, что это будет правильно.

– Из-за того, что твой отец служил ему?

Я кивнул.

– Мой отец любил его. – Я кашлянул, проглотив комок в горле. – Доктор – великий человек, Малакки. Служить ему... – И теперь с моих губ слетели слова, которые так часто повторял отец: – ... служить ему – великая честь.

Я попробовал извиниться и уйти. Мое собственное признание напомнило мне, что мое место – рядом с Доктором. Но Малакки отреагировал так, словно я угрожаю задушить его. Он вцепился мне в запястье и умолял не уходить, и в конце концов я не смог ему отказать. Не только потому, что, похоже, надо мной висело проклятье сидеть у постели больных, но еще и потому, что я болезненно ясно вспомнил другого мальчика, потерявшего родителей. Я вспомнил, как он лежал в незнакомой кровати ночь за ночью, и никто не приходил его утешить. Он лежал в своем маленьком алькове, всеми забытый и никому не нужный, как фамильная драгоценность, доставшаяся по наследству от дальних родственников – слишком вульгарная, чтобы ее носить, слишком ценная, чтобы от нее избавиться.

Время от времени, в самом начале моей службы у монстролога, я был уверен, что он слышит мои душераздирающие рыдания по ночам – слышит, но ничего не предпринимает. Он редко вспоминал моих родителей или ту ночь, когда они умерли. А когда вспоминал, это было скорее в целях наказания, как в ту ночь на кладбище: «Твой отец понял бы».

Так что я остался еще на некоторое время с Малакки. Я взял его за руку, присев на краешек кровати, в которой скончался Алистер Уортроп. Малакки, ясно, был измучен суровыми испытаниями, выпавшими на его долю. Я уговаривал его отдохнуть, но он хотел все знать. Как мы обнаружили монстров, уничтоживших его семью? Что делал Доктор в промежуток между тем, как мы их обнаружили, и той ночью, когда они вломились в дом Стиннетов? Я рассказал ему о ночном визите Эразмуса Грея с чудовищным грузом; о нашей поездке на кладбище и сумасшедшей битве, которая последовала; о нашей поездке и остановке в Дедхеме. И пересказал историю капитана Варнера. Я не упомянул только причастность старшего Уортропа к появлению Антропофагов в Новом Иерусалиме, но сделал акцент на невинности Доктора и на его попытках ответить на критические вопросы, возникшие в связи с их появлением.

– Если бешеная собака впадает в состояние амока, какой дурак будет искать, кто виноват в ее бешенстве? – спросил Малакки. – Сначала пристрели собаку, а потом ищи источник ее безумия, раз уж ты считаешь себя обязанным его найти.

– Он думал, у нас есть время...

– Что ж, он ошибался, не так ли? А теперь моя семья мертва. И я тоже, Уилл, – добавил он будничным голосом, без тени жалости к себе. – Я тоже умер. Я чувствую твою руку, я вижу, что ты сидишь здесь, я дышу. Но внутри ничего нет.

Я кивнул. Как хорошо я его понимал! Я пожал его руку.

– Потом станет легче, – заверил я его. – Мне стало. Никогда не будет так, как раньше, но легче станет. И я обещаю тебе, Доктор убьет этих тварей, всех до одной.

Малакки тихо покачал головой, глаза его горели.

– Он – твой хозяин, он взял тебя, когда ты осиротел, – прошептал он. – Я понимаю, Уилл Генри. Ты чувствуешь себя обязанным прощать и оправдывать его, но я не могу простить этого твоего... как, ты сказал, называется его профессия?

– Монстролог.

– Этого монстролога. Охотника на монстров... Что ж, он не отличается от тех, на кого он охотится.

Он замолчал, произнеся этот приговор. Веки его дрогнули, ресницы опустились, и он наконец закрыл глаза. Но, даже заснув, он продолжал крепко держать меня за руку, и мне пришлось потихоньку приподнимать его пальцы один за другим, чтобы высвободиться.

Спускаясь вниз по лестнице, я вздрогнул, ибо вечернюю тишину разорвал барабанный стук в дверь и крик Доктора пойти и открыть. Что еще случилось? Я не знал, что и думать. Вдруг монстры опять напали на кого-нибудь? Час был поздний, и, возможно, их снова обуяло полуночное буйство? Или о смерти Стиннетов прослышали в городе, и люди явились к дому Уортропа со смолой и перьями? «Он не отличается от тех, на кого он охотится», – сказал Малакки. Сам я так не считал, но понимал, почему Малакки такого мнения о нем. Такого же мнения будет, вероятно, и весь город, когда узнает о зверском нападении Антропофагов.

Я не считал Доктора монстром, охотящимся на монстров. Но в самом скором времени мне предстояло познакомиться с человеком, который полностью соответствовал этому описанию.

Часть десятая. «Лучше его никто не справится»

Он был высокого роста, выше шести футов – человек, стоявший на крыльце дома. Атлетически сложен и по-мальчишески красив. Черты его лица были приятны, длинные льняные

волосы модно уложены. Глаза у него были странного серого оттенка. При комнатном освещении они казались почти черными, но позже, на дневном свете, я увидел, что они приобрели более мягкий пепельный оттенок, оттенок золы. Словно тень. Словно обшивка облицованного железом военного корабля. На нем был дорожный плащ и перчатки, сапоги для верховой езды и фетровая шляпа с узкими полями, небрежно загнутыми под углом. Усы у него были тонкие и аккуратно подстриженные, того же золотистого оттенка, что и копна волос, а губы – полные и чувственные.

– Итак? – сказал он с оттенком удивления. – Добрый вечер, молодой человек.

Он говорил на рафинированном британском английском, с этим львиным мурлыкающим акцентом – мелодичным, успокаивающим.

– Добрый вечер, сэр, – сказал я.

– Я ищу дом моего близкого друга. Боюсь, кучер завез меня не туда. Его зовут Пеллино Уортроп. – В глазах его запрыгали искорки, и он добавил: – Друга зовут Пеллино Уортроп, а не кучера, разумеется.

– Да, это дом Доктора Уортропа, – сказал я.

– Даже так? Доктора? – Он мягко рассмеялся. – А кто же вы такой, молодой человек?

– Я – его ассистент. Начинающий, – добавил я.

– Начинающий ассистент! Ему повезло. И вам, молодой человек, не сомневаюсь, тоже.

Скажите-ка мне, мистер начинающий ассистент...

– Уилл, сэр. Меня зовут Уилл Генри.

– Генри? Звучит знакомо.

– Мой отец служил у Доктора много лет.

– Его звали Бенджамин?

– Нет, сэр. Его звали...

– Патрик, – сказал он, щелкнув пальцами. – Хотя нет, постой, ты слишком молод, чтобы быть его сыном. И даже сыном его сына, если у него таковой имелся.

– Его звали Джеймс, сэр.

– Да? Ты вполне уверен, что не Бенджамин?

Из-за двери послышался голос Доктора:

– Кто там, Уилл Генри?

Мужчина в дорожном плаще склонился ко мне и заглянул прямо в глаза, прошептал:

– Скажи ему.

– Но вы не представились, сэр, – заметил я.

– Разве в этом есть необходимость, Уилл Генри?

Он достал из кармана конверт и покрутил им у меня под носом. Я мгновенно узнал почерк – это был мой почерк.

– Я знаю, что не Пеллино написал это письмо. Продиктовал – да, но написать... Это невозможно! У него же ужасный почерк!

– Уилл Генри! – Голос Доктора резко прозвучал у меня за спиной. – Я спрашиваю, кто...

Он замер, увидев на пороге высокого англичанина.

– Это Доктор Кернс, сэр, – сказал я.

– Мой дорогой Пеллино, – промурлыкал Кернс с теплотой в голосе, проходя мимо меня, чтобы позвать Доктору руку. Он решительно сдал ее и энергично потряс. – Сколько же мы не виделись с тобой, старина? Со Стамбула?

– С Танзании, – ответил Доктор сдержанно.

– С Танзании! Неужели и вправду так долго? А что это за великолепия у тебя на лбу?

– Случайность, – пробормотал монстролог.

– А, хорошо, а то я уж испугался, что ты стал индусом. Ну что ж, Уортроп, ты паршиво выглядишь. Сколько времени ты уже не спишь и не ешь? Что случилось? Ты уволил служанку

и повара? Или они ушли по собственной воле, так им стало противно? И скажи-ка мне, когда это ты стал «Доктором»?

– Я рад, что ты смог так быстро приехать, Кернс, – сказал Доктор все таким же сдержанным тоном, не обращая внимания на допрос. – Я боюсь, ситуация оказалась хуже, чем я предполагал.

– Это неизбежно, старина.

Доктор понизил голос:

– В доме констебль.

– То есть все настолько плохо? Ну, и сколько еще народу скушали негодники с момента написания твоего письма?

– Шестерых.

– Шестерых? Всего за четыре дня? Очень своеобразно!

– Вот именно! Для этого вида – вообще из ряда вон выходящее поведение.

– И ты вполне уверен, что это – Антропофаги?

– Вне всякого сомнения. Один висит у меня в подвале, если хочешь...

В этот момент констебль Морган вырос в дверях библиотеки. Его круглые глаза подозрительно сощурились за стеклами очков. Кернс увидел его через плечо Доктора, и его лицо озарила ангелоподобная улыбка. Для англичанина у него были необыкновенно белые и ровные зубы.

– А вот и Роберт, – сказал Доктор. Казалось, появление констебля доставило ему облегчение. – Констебль Морган, позвольте представить Доктора...

– Кори, – сказал Кернс, энергично протягивая руку Моргану. – Ричард Кори. Рад знакомству. Как идут дела?

– Не очень хорошо, – ответил констебль. – Сегодня выдался долгий день, Доктор Кори.

– Прошу вас, называйте меня Ричард. Доктор – это все-таки слишком высокое звание.

– Да? – Морган откинул голову, стекла его очков блеснули. – А Уортроп говорил мне, что вы – хирург.

– О, это я баловался в юности. Скорее хобби, чем что-то серьезное. Я не оперировал уже много лет.

– Вот как? И почему же? – учтиво поинтересовался констебль.

– Честно говоря, мне стало скучно. Мне очень часто становится скучно, констебль, что, кстати, объясняет, почему я так быстро приехал, когда Пеллинол пригласил меня. Это дело тут же пробудило во мне дикий азарт!

– Дикий – да, – согласился Морган, – а вот азартным я бы его не назвал.

– Нет-нет, я признаю – это не крикет и не сквош, конечно, но все же интереснее, чем охотиться на лисиц или перепелок. Извините за сравнение, Морган.

Он повернулся к Доктору:

– Кучер ждет. Надо заплатить ему, да и багаж неплохо бы разгрузить.

До Уортропа не сразу дошел смысл его слов.

– Ты хочешь сказать, что намерен остановиться у меня?

– Я считаю это наиболее разумным, конечно. Чем меньше народу меня увидит, тем лучше, не правда ли?

– Да, – согласился Доктор после недолгой паузы. – Разумеется. Вот, Уилл Генри, – он сунул руку в карман и достал кошелек, – заплати за экипаж Доктора Ке... Доктора Кори...

– Ричарда, – перебил его Кернс.

– За экипаж Ричарда, – продолжил Уортроп. – И отнеси его вещи в свободную комнату.

– В свободную комнату, сэр?

– В бывшую комнату моей матери.

– Ну, надо же, Пеллинол! Я польщен, – промурлыкал Кернс.

– Пошевеливайся, Уилл Генри. Нам предстоит долгая ночь, так что тебе надо будет еще заварить нам чаю и приготовить что-нибудь перекусить.

Кернс стянул перчатки, снял шляпу, расстегнул плащ-пелерину и сбросил все это мне на руки.

– Там два саквояжа, три дорожных чемодана и один большой деревянный ящик, мастер Генри, – поставил он меня в известность. – Саквояжи ты сможешь унести сам, чемоданы и ящик – не сможешь, но если добавить к стоимости проезда поощрительную сумму, кучер тебе поможет. Предлагаю чемоданы унести сразу на конюшню. А саквояжи и ящик надо будет под-
нять ко мне в комнату. Будьте очень осторожны с ящиком: содержимое чрезвычайно хруп-
кое. И чашечку чая потом – было бы воистину великолепно. Представляете, здесь в поезде не
подают чай! Америка до сих пор потрясает меня своей нецивилизованностью. Я пью чай со
сливками и двумя ложечками сахара, мастер Генри. Ну, вот и славно, хороший мальчик.

Он подмигнул и взъерошил мне волосы, потом хлопнул в ладоши и сказал:

– Ну что ж, джентльмены, за работу? Может, у вас был и трудный день, Роберт, но ночь
будет куда труднее, уверяю вас!

Мужчины удалились в библиотеку, а мы с кучером, которому я заплатил за помощь, при-
нялись разгружать багаж гостя. Самым громоздким оказался вышеупомянутый деревянный
ящик. Хотя он был и не тяжелее чемоданов, отнесенных нами на конюшню, но имел длину
шесть футов и был обернут гладкой шелковой тканью, так что его никак было не ухватить как
следует. Особенно трудно пришлось нам на лестнице, где ящик было не развернуть. Пришлось
поставить его вертикально, чтобы затащить за угол. Кучер ругался на чем свет стоит, обильно
потел и жаловался на больную спину, руки и ноги и на то, что он не грузчик, а кучер. Мы
оба занозили пальцы о деревянную нешлифованную поверхность под шелком и удивлялись,
почему было не приделать к ящику ручки и зачем заворачивать деревяшку в покрывало.

Потом я отправился на кухню готовить чай с пирожными и, наконец, вошел в библиотеку,
держа в руках поднос. Тут я вдруг понял, что поставил только три чашки, а надо бы четыре,
но выяснилось, что О’Брайана нет. Возможно, Морган отправил его домой, не желая, чтобы у
зарождающегося здесь тайного сговора был лишний свидетель.

Мужчины стояли, склонившись, вокруг стола, рассматривая карту; Уортроп указывал на
определенное место побережья:

– Вот здесь отмечено, где «Феронию» вынесло на мель. Невозможно, конечно, сказать
точно, где именно Антропофаги вышли на берег, но вот тут, – он взял газету, которая лежала
наверху пачки, – напечатана статья, сообщающая о том, что пропал мальчик. Это было двумя
неделями позже и в двадцати милях от моря. Каждый кружок – здесь, здесь и здесь – это потен-
циальная жертва. О каждом писалось в газетах. Их объявляли либо пропавшими без вести,
либо находили изуродованные тела и приписывали это нападению диких животных. Я проста-
вил соответствующие даты в каждом кружочке. Как видите, джентльмены, хотя мы и не можем
приписывать каждый случай нападению Антропофагов, в целом линия их продвижения про-
слеживается – и это путь в Новый Иерусалим.

Все слушали молча. Морган посасывал трубку, которая давно погасла, и рассматривал
карту сквозь опущенные стекла очков. Кернс издал непонятный смешок и теперь поглаживал
тонкие усы большим и указательным пальцами. Уортроп продолжал; голос его был таким же,
как всегда – сухим, бесстрастным, словно он читал лекцию. Он говорил о том, что понимает:
маловероятно, что за двадцать четыре года миграции никто не обратил внимания на эти зага-
дочные исчезновения и смерти, но, так как другого разумного объяснения нет, все, видимо,
так и было.

Тут Кернс перебил его:

– У меня есть другое объяснение.

Уортроп оторвался от карты:

– Другое что?

– Разумное объяснение.

– С удовольствием выслушаю его, – сказал Доктор, хотя было совершенно ясно, что никакого удовольствия это ему не доставит.

– Прости меня за наглость и бесцеремонность, Пеллино, но твоя теория – это полная чушь. Накрутил, навертел, усложнил – все это бессмыслица и вздор. Наши ребята-людоеды шли сюда пешком не больше, чем я.

– А у тебя что за теория? Они сели в поезд?

– Это я сел в поезд, Пеллино. Их вид транспорта был несколько более частным.

– Я не понимаю, – сказал Морган.

– Да все же яснее ясного, констебль! – сказал Кернс со смешком. – Любому ребенок поймет. Держу пари, Уилл уже давно все понял. Что скажешь, Уилл? Какова разгадка?

– Я? Что скажу я?

– Ты – умный мальчик. Уортроп не случайно взял тебя ассистентом. Какова твоя теория случившегося?

Кончики ушей у меня загорелись, и я сказал:

– Ну, я думаю, сэр...

Все трое повернулись и уставились на меня. Я сглотнул комочек в горле и продолжал:

– Они здесь, это очевидно, и они должны были как-то сюда добраться, а это значит, что либо они добрались сюда сами и никто этого не заметил, либо... либо...

– Так, так, очень хорошо, Уилл Генри, продолжай. Либо – что? – спросил Кернс.

– Либо кто-то все-таки знал.

Я смотрел в пол. Взгляд Доктора был особенно неприятным.

– Вот именно, – кивнул Кернс. – И этот кто-то знал, потому что именно он организовал их прибытие из Африки в Новую Англию.

– О чем ты, Кернс? – требовательно спросил Уортроп, забываясь, так как разговор начал принимать опасный поворот.

– Кернс? – спросил Морган. – Я думал, его зовут Кори.

– Кернс – мое второе имя, – нашелся бывший хирург, – по материнской линии.

– Это не менее абсурдно, чем моя теория, – настаивал Уортроп. – Предположить, что кто-то привез их сюда, не будучи компетентным, где-то поселил их и кормил... как? Точнее, кем?

– И опять, мой дорогой Уортроп, это вопросы, ответы на которые очевидны. Разве ты не согласен, Уилл Генри? Так очевидно, что это просто смешно. Я понимаю твою близорукость при рассмотрении данного случая, Пеллино. Должно быть, тебе больно и трудно принять правду и смириться, вот ты и искажаешь факты до неузнаваемости, делая низ – верхом, черное – белым, а квадратное – круглым.

– Джон, ты оскорбляешь меня, – рявкнул Уортроп.

– Джон? Но вы говорили, его зовут Ричард, – захлопал глазами Морган.

– Это кличка, в честь Джона Брауна. Агитатора. Моя мать была, видите ли, американка, сторонница аболиционизма.

– Я – ученый, – настаивал Уортроп. – Я иду туда, куда меня ведут факты.

– Пока не затронуты твои самые глубокие чувства, которые тянут тебя назад. Давай же, Пеллино! Неужто ты и вправду веришь в свою вздорную теорию? Антропофаги бредут по суше, но их никто не замечает. Двадцать четыре года они умудряются кормиться местным населением и производить на свет ребятешек Антропофагов. И не оставляют после себя ни улики, ни выживших людей, ни свидетелей, пока чудесным образом не появляются на пороге дома того самого человека, который их изучает и не возражает против их компании?

– Но это возможно, факты говорят «за», – настаивал Доктор.

– Как?

– Адаптация, естественный отбор – ну, и немного удачи, я признаю. Но потенциально это возможно...

– Ох, Пеллино, – вздохнул Кернс, – потенциально возможно, что луна сделана из голубого сыра.

– Не могу себе этого представить, – встрял Морган.

– Вы не можете доказать, что это не так, – резко возразил Кернс. Он положил руку Доктору на плечо, но Доктор тут же стряхнул ее.

– Когда он умер? – спросил Кернс. – Четыре, пять лет назад? Посмотри на свои кружочки здесь. Ты сам нарисовал их, Пеллино! Посмотри на даты. Видишь, как они группируются здесь и здесь? Видишь временной зазор между вот этим кружком в двенадцати милях отсюда и вот этим, в полумиле от кладбища? Вот эти, в радиусе десяти миль, начиная с конца восьмидесят третьего года и до сего дня, – эти могут обозначать реальные нападения; остальное – лишь твои домыслы, которыми ты себя утешаешь. На самом деле, Антропофагов сняли с корабля, перевезли сюда и содержали в довольстве и безопасности, пока их владелец не смог больше снабжать их кормом.

Уортроп влепил Кернсу звонкую пощечину. Звук был таким громким, что все на какое-то время смолкли. Выражение лица Кернса практически не изменилось; на нем играла все та же ироническая улыбочка, с которой он приехал на Харрингтон-лейн, 425. Морган занялся своей трубкой. Я крутил чашку; чай давно остыл.

– Ответ у тебя под носом, – сказал Кернс тихим голосом. – Просто раскрой глаза.

– В словах Джона Ричарда Кернса Кори есть смысл, Пеллино, – сказал Морган.

– Или Дик, – встрял Кернс, – иногда меня еще называют Диком вместо Ричарда. Или Джеком. Или Джоном.

– Отец никогда не пошел бы на это, – сказал Уортроп. – Не тот человек, которого я знал.

– Значит, ты плохо его знал, – подытожил Кернс.

– Когда я говорил про смысл в его словах, я имел в виду идею раскрыть глаза и посмотреть на то, что у нас под носом. Что теперь гадать, как Антропофаги попали сюда? Они здесь, и мы должны решить – причем решить быстро! – каким образом их истребить.

– Я думал, этот вопрос решен, – сказал Кернс. – Или зачем тогда меня пригласили?

– Утром я позвоню в правительственный офис, чтобы потребовать мобилизации полиции штата, – объявил Морган. – И я прикажу полностью эвакуировать город – хотя бы женщин и детей.

– Никакой необходимости, – отмахнулся Кернс. – Сколько их там, Пеллино? Тридцать – тридцать пять? Обычное племя?

Уортроп кивнул. Он все еще не пришел в себя от спора с Кернсом.

– Да, – буркнул он.

– Я бы сказал, нам потребуется не больше пяти-шести ваших лучших стрелков, Морган, – сказал Кернс. – Это должны быть люди, которым можно доверять, которые умеют держать язык за зубами, предпочтительнее мужчины, прошедшие службу в армии. Хорошо бы, чтобы двое или трое из них умели держать в руках молоток и пилу. Я составил список того, что потребуется; остальное у меня с собой. Можем приступить на рассвете, к ночи закончим.

– Пять-шесть человек? – скептически воскликнул Морган. – Да вы хоть видели, на что эти твари способны?

– Да, – просто ответил Кернс, – видел.

– Джон много охотился на людоедов в Африке, – сказал Уортроп со вздохом.

– Джек, – поправил Кернс, – я предпочитаю, чтобы меня звали Джек.

– Это не может ждать до утра. Мы должны пойти на них сегодня же, прежде чем они снова набросятся на кого-нибудь, – настаивал Морган.

– Сегодня не набросятся, – сказал Кернс.

Констебль посмотрел на Уортропа, но Доктор отвел взгляд. Обернувшись снова к Кернсу, Морган спросил требовательно:

– Да откуда вы знаете?!

– Ошибка Уортропа была в том, что он забыл вторую причину, по которой Антропофаги нападают. Не только из-за голода – они еще постоянно защищают свою территорию. Как близко от кладбища находится дом священника? В сотне ярдов? Их нападение было ответом на вторжение Уортропа на территорию кладбища, которое они считают своим владением. Они не были голодны. Если бы были, от семейства священника вообще ничего бы не осталось. Удовлетворены?

– Нет, я не удовлетворен.

– Ну, это вряд ли имеет значение. Значит, так: есть условия, которые надо оговорить прежде, чем мы начнем.

– Условия чего? – спросил Морган.

– Условия, на которых я работаю. Разумеется, Пеллинон поставил вас в известность.

– Пеллинон предпочел не ставить меня в известность по многим вопросам.

– Ну, вряд ли вы можете винить его, не так ли? Он уже обещал оплатить все расходы, так что осталось решить лишь маленький вопрос – вопрос моего гонорара.

– Гонорара?

– Пять тысяч долларов, наличными. Выплата – по успешном окончании проделанной работы.

У Моргана от изумления буквально открылся рот. Он обернулся к Доктору:

– Вы ничего не говорили о том, что этому человеку надо будет платить.

– Я заплачу ему из собственного кармана, – сказал Доктор устало.

Он стоял, опершись о стол. Лицо его было бледным и осунувшимся. Я испугался, что он вот-вот потеряет сознание. Я непроизвольно сделал шаг ему навстречу.

– Мне эта сумма кажется справедливой, – сказал Кернс.

– Пожалуйста, Джек, – взмолился Доктор. – Пожалуйста.

– Отлично! Будем считать, это дело улажено. Остальные условия должны выполнить вы, констебль: в сложившейся ситуации я не должен отвечать перед законом за возможные потери, будь то потеря жизни или ноги. В течение нашей охоты юридические законы ко мне не применяются, договорились?

– Что вы хотите этим сказать, Кори, или Кернс, или как вас там? – возмутился Морган.

– Кори. Мне казалось, я ясно представился.

– Да мне плевать, будь вы хоть Джон Джейкоб Джингхаймер Шмидт!

– О, Джейкоб – имя, данное мне при крещении.

– Меня не касается, о чем вы там договорились с Уортропом, но я – офицер полиции, я – представитель закона...

– Нет неприкосновенности для меня – нет уничтожения Антропофагов для вас, Роберт. Или, может, называть вас Боб?

– Мне плевать, как вы меня называете. Я не могу гарантировать неприкосновенность!

– Что ж, отлично. Пожалуй, я буду называть вас Бобби. Боб – палиндром, а я ненавижу палиндромы.

Теперь настала очередь Моргана двинуть Кернсу. Уортроп вмешался, когда удар уже казался неизбежным, сказав:

– У нас нет выбора, Роберт. Лучше него никто не справится, иначе я бы не пригласил его сюда.

– На самом деле, – сказал Кернс, – с этим вообще никто, кроме меня, не справится.

Их дискуссия длилась почти всю ночь. Замкнутый и одинокий, Уортроп угрюмо сидел в кресле, в то время как Морган и Кернс вели словесный бой, нанося ложные удары, делая обманные выпады, парируя, кружа вокруг друг друга, ища слабое место в обороне противника.

Уортроп почти не вмешивался, только когда несколько раз снова попытался вывести их на тему, как Антропофаги попали в Новый Иерусалим, а не только как их истребить. Но его не слышали.

Кернс настойчиво хотел добиться от констебля права полностью командовать операцией.

– Есть только один способ провести успешный захват – при полном подчинении мне, при беспрекословном исполнении моих команд. Любое отклонение повлечет за собой провал.

– Разумеется, я понимаю, – говорил Морган.

– Что именно вы понимаете? Необходимость строго соблюдаемой последовательности команд или то, что именно я должен отдавать эти команды?

– Я служил в армии, Кори, – говорил Морган, отказавшись от всех других предложенных имен, – не надо говорить со мной так, словно я – неотесанный мужлан.

– Так мы договорились? Вы объясните своим людям, кто главный?

– Да, да.

– И дадите инструкции четко следовать моим приказам, какими бы странными или абсурдными они ни были?

Морган нервно облизнул губы и посмотрел на Уортропа. Доктор кивнул. Казалось, констебля это не успокоило.

– Чувствую себя Фаустом, но да, я согласен. Я отдам такой приказ.

– Вот он – образованный человек! Я знал это! Когда все будет позади, Бобби, я хотел бы провести с вами тихий уютный вечер с бокалом бренди, беседа о Гёте и Шекспире. Скажите, а Ницше вы не читали?

– Нет, не читал.

– О, вам-то уж точно стоит его почитать. Он – гений. И – кстати, не случайно – мой хороший друг. Правда, он позаимствовал у меня пару мыслей – уж не буду говорить, что украл, но на то он и гений.

– Никогда о нем не слышал.

– Я дам вам почитать. Вы ведь читаете по-немецки?

– Да к чему все это? Уортроп, что за человека вы пригласили?

– Он уже сказал вам, – жестко напомнил Кернс.

В одно мгновение веселое выражение стерлось с его лица. Искорки в серых глазах потухли, а сами глаза стали черными – черными и пустыми, как у акулы. Лицо, такое живое и подвижное секунду назад, стало вдруг непроницаемо, как и глаза. Оно застыло неподвижной маской – хотя, скорее всего, как раз маска-то и спала, обнажив истинное лицо этого человека. Обнажившийся человек был безлик: ни веселый, ни строгий. Его ничто не трогало, он не испытывал ни угрызений совести, ни раскаяния – как хищники, на которых он охотился. На долю секунды Джон Кернс позволил своей маске соскользнуть. Я увидел истинное лицо этого человека – и холод прошел у меня по позвоночнику...

– Я не хотел вас обидеть, – быстро пробормотал Морган, потому что и он, должно быть, увидел нечто античеловеческое в глазах Кернса. – Я просто не хочу доверять свою жизнь и жизнь своих подчиненных сумасшедшему.

– Уверяю вас, констебль Морган, я вполне в своем уме, если я правильно понимаю значение этого слова. Возможно, я самый нормальный человек в этой комнате, потому что я единственный не питаюсь иллюзиями. В отличие от большинства людей, я освободил себя от груза притворства и лжи. Как и те, на кого мы сейчас охотимся, я не налагаю на себя ненужных запретов, не стараюсь увидеть то, чего нет, и не воспринимаю человека – себя или вас – как

нечто большее, чем есть на самом деле. В этом суть красоты Антропофагов, Морган, первобытная чистота их существования, и это меня восхищает в них.

– Восхищает?! И после этого вы еще говорите, что вы не сумасшедший?!

– Мы многому можем научиться у Антропофагов. Я настолько же их ученик, насколько и их враг.

– Может, закончим? – обратился Морган к Уортропу. – Или нам необходимо и дальше слушать эту чепуху?

– Роберт прав, уже очень поздно, – сказал монстролог. – Или ты хочешь сказать что-то еще, Джон?

– Разумеется, но это может подождать.

В дверях Морган обернулся к Уортропу:

– Я чуть не забыл... Малакки...

– Уилл Генри, – позвал Доктор, но Морган передумал:

– Нет, не будите, он, наверное, спит. Я пришлю за ним утром.

Его взгляд остановился на ране у Доктора на лбу:

– Если только вам не...

– Все в порядке, – перебил Уортроп. – Пусть останется на ночь.

Морган кивнул и глубоко вдохнул ночной воздух:

– Что за странный человек этот англичанин, Уортроп!

– Да, удивительно странный. Но он, как никто, подходит для выполнения задачи.

– Молюсь, чтобы вы оказались правы. Ради всех нас.

Мы пожелали констеблю спокойной ночи, и я пошел за Доктором обратно в библиотеку, где Кернс, усевшись в кресло Уортропа, попивал холодный чай. Он широко улыбнулся нам и поставил чашку. Маска снова была на своем месте.

– Что за несносный тип! Помеха, а не человек, да? – спросил он, имея в виду констебля.

– Он испуган, – ответил Уортроп.

– Еще бы!

– Ты ошибаешься насчет моего отца, и сам это знаешь.

– Почему, Пеллино? Потому что я не могу доказать, что ошибаешься ты?

– Даже если не принимать во внимание его характер и забыть на секунду о том, каким он был человеком, твоя теория все равно не более убедительна, чем моя. Как бы он мог скрывать их столько времени? Или поддерживать их страшный рацион питания? Даже сделав в угоду тебе из ряда вон выходящее предположение, что Алистер был способен на такую вопиющую бесчеловечность, где он находил жертвы? Как он мог на протяжении двадцати лет, не будучи пойманным и даже не вызвав подозрения, скормить им людей?

– Ты преувеличиваешь ценность человеческой жизни, Пеллино. И всегда преувеличивал. Вдоль всего восточного побережья тянутся города, полные человеческого «мусора», прибитого из европейских трущоб. Таких набрать и заманить сюда обещаниями работы и других благ – не гераклов труд. А если не получится, просто натаскать из гетто с помощью людей, не страдающих твоим романтическим идеализмом. Поверь мне, мир полон таких людей! Конечно, я не исключаю той мысли, что он пытался адаптировать своих питомцев к более низким формам жизни – особенно принимая во внимание то, что это и было его целью, с твоей точки зрения. И даже возможно, что они привыкли есть куриц. Возможно, но верится с трудом.

Уортроп покачал головой:

– Ты меня не убедил.

– Да я и не старался. Мне просто любопытно. Почему ты сопротивляешься объяснению, значительно более правдоподобному, чем твое собственное? Правда, Пеллино, ты что, действительно веришь, что они случайно мигрировали сюда, прямо к тебе под нос? В глубине души ты знаешь правду, но отказываешься принять ее. Почему? Потому что не можешь думать

о нем плохо? Кем он был для тебя? И что важнее, кем ты был для него? Ты защищаешь человека, который с трудом сносил твое существование.

Мальчишеское лицо Кернса озарилось улыбкой:

– Ага! Я попал в точку? Ты до сих пор стараешься быть достойным его любви – даже сейчас, когда он не может дать ее тебе? И ты еще называешь себя ученым! Ты лицемер, Пеллинор. Глупый, сентиментальный лицемер. Слишком чувствительный – себе во вред. Мне всегда было интересно, зачем ты стал монстрологом? Ты достойный человек с приятными чертами, а монстрология – дело темное и грязное, так что ж ты сюда полез? Неужели из-за него? Чтобы угодить ему? Чтобы он наконец заметил тебя?

– Ни слова больше, Кернс!

Доктор был так ранен этими колкостями, бьющими прямо в цель с хирургической безошибочностью, что я думал, он снова ударит Кернса, но уже не рукой, а кочергой от камина.

– Я не для того тебя пригласил.

– Ты пригласил меня убить дракона. Я этим и занимаюсь.

Я тихонько выскользнул из комнаты. Смотреть на все это было больно, и даже сейчас, спустя годы, больно вспоминать. Пока я поднимался вверх по лестнице, я вспомнил слова Доктора, сказанные на кухне над тарелкой с супом: «Не питай никаких иллюзий: ты – всего лишь ассистент, волею судеб оказавшийся рядом со мной, не больше». Почему-то эти слова врезались мне в память. Теперь я понимал почему.

Я остановился у двери Малакки и заглянул внутрь. Он не шевельнулся с тех пор, как я его оставил. Я с минуту посмотрел, как он спит, потом тихонько закрыл дверь и отправился в свою комнатку в надежде тоже урвать пару часиков сна. Не тут-то было. Уже через час я снова был на ногах, потому что услышал, как меня зовут пронзительным и несчастным голосом. Шатаясь спросонок, я решил сперва, что это Доктор, и кинулся вниз, но на втором этаже оказалось, что крик доносится из комнаты Малакки.

По дороге к нему я проходил мимо двери Кернса. Я притормозил, потому что дверь была приоткрыта и луч света падал на пол темного коридора. Я заглянул внутрь и увидел, что Кернс стоит на коленях перед деревянным ящиком. Крышка была снята и лежала на полу позади него. Я заметил, что в ней просверлено несколько отверстий. Кернс потянулся к несессеру, стоящему рядом, и извлек из него похожий на карандаш предмет, тонкий и, как мне показалось, сделанный из стекла. Он дважды щелкнул по нему пальцем, потом склонился над ящиком, загородив все своей спиной. Мне больше не было ничего видно, да я и не хотел. Я быстро пошел в комнату Малакки и закрыл за собой дверь.

Он сидел в кровати, облокотившись о спинку; его ярко-синие глаза испуганно бегали.

– Я проснулся, а тебя нет, – сказал он обиженно.

– Меня позвали, и мне пришлось уйти.

– Сколько сейчас времени?

– Не знаю. Очень поздно.

– Мне снился сон, и меня разбудил громкий звук. Я чуть не выпрыгнул в окно.

– Комната на втором этаже, – напомнил я, – ты мог сломать ногу.

– Что это был за шум?

Я помотал головой:

– Не знаю. Я ничего не слышал. Может, доктор Кернс?

– Кто такой доктор Кернс?

– Он... – По правде говоря, я не знал, кто он такой. – Он приехал, чтобы помочь.

– Еще один охотник на монстров?

Я кивнул.

– Когда они планируют начать охоту? – спросил он.

– Завтра.

Он помолчал.

– Я пойду вместе с ними, – сказал он.

– Тебе могут не разрешить.

– Мне все равно. Я пойду.

Я снова кивнул. Боюсь, я тоже пойду.

– Это была Элизабет, – сказал он. – В моем сне. Мы были в каком-то темном месте, и я ее искал. Она звала меня, снова и снова, а я не мог ее найти. Искал – и не мог найти.

– Она сейчас в лучшем мире, Малакки, – сказал я.

– Я хочу верить в это, Уилл.

– И мои родители тоже. Придет день – и мы встретимся снова.

– Но почему ты веришь в это? Почему мы верим в такие вещи? Потому что хотим верить?

– Я не знаю, – честно ответил я. – Я верю, потому что не могу иначе.

Я вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Развернувшись, чтобы идти к себе в комнату, я чуть не врезался в Кернса, который стоял прямо за дверью. Вздвогнув, я отпрянул назад. Кернс улыбнулся.

– Уилл Генри, – сказал он тихо, – а кто там, в комнате?

– В какой комнате, сэр?

– В той, из которой ты только что вышел.

– Его зовут Малакки, сэр. Он... это его семья...

– А, мальчик Стиннетов. Сперва он берет тебя под свое крылышко, теперь еще одного. Пеллинор становится филантропом.

– Да, сэр. Пожалуй, сэр.

Я отвел взгляд, чтобы не смотреть в его дымчатые глаза, и вспомнил слова Доктора: «Держись подальше от доктора Джона Кернса, Уилл Генри!»

– Генри, – сказал Кернс. – Теперь я вспомнил, почему это имя знакомо мне. Думаю, я знал твоего отца, Уилл, и ты прав: его звали Джеймс, а не Бенджамин.

– Вы знали моего отца?

– Я встречался с ним однажды, на берегах Амазонки. Пеллинор был там в одной из своих донкихотских поездок. Кажется, в поиске мифического, с моей точки зрения, паразитического организма, известного как Биминиус Аравакус. Припоминаю, твой отец был очень болен. Кажется, у него была малярия или какая-то еще гадкая тропическая болезнь. Мы изводемся по поводу таких существ, как Антропофаги, но мир кишмя кишит теми, кто не прочь нас съесть. Вот ты слышал когда-нибудь про Кандиру? Это тоже житель Амазонки, и, в отличие от Аравакуса, этого паразита встретить нетрудно, особенно если тебе не повезло или ты был настолько глуп, чтобы облегчить мочевой пузырь или кишечник рядом с местом его обитания. Это крошечная, малюсенькая рыбка, похожая на угря, с острыми, как лезвия, гребешками вдоль жабр. Эти жабры она раскрывает, словно зонтик, едва оказавшись внутри жертвы. Обычно, следуя за запахом мочи, она проникает в мочеиспускательный канал, где устраивается и начинает поедать внутренности, но были случаи, когда она проникала через анус и прогрызала себе дорогу сквозь толстый кишечник. Конечно, она растет и растет, наедаясь, и мне говорили, боль при этом такая, что не описать словами. Такая мучительная, на самом деле, что обыкновенное местное лекарство – это просто отсечение пениса. Что ты думаешь на этот счет? – закончил он с широкой улыбкой.

– Что я думаю, сэр? – произнес я дрожащим голосом.

– Да, что ты думаешь? Какие выводы можешь сделать? Или есть вот еще Спирометра Мансони, в простонародье называемая плоским червем. Он может вырастать в длину до четырнадцати дюймов внутри черепа, питаясь серым веществом головного мозга, пока жертва не превратится в «овощ»... А еще есть Вучерерья Банкрофти – паразит, атакующий лимфоузлы,

отчего у жертв мужского пола яички вырастают размером с пушечное ядро. Так какие мы должны сделать выводы из всего этого, Уилл Генри? Какой урок извлечь?

– Я... Я... Я правда не знаю, сэр.

– Смирение, Уилл Генри! Мы – малая часть большого целого и ничем не лучше остальных. Вовсе не ангелы в смертном одеянии, какими мы притворяемся. Не думаю, что Кандире есть хоть какое-то дело до того, что мы родили Шекспира и построили пирамиды. Я думаю, мы просто очень вкусные... Что с тобой, Уилл? Ты как-то побледнел. Что-то случилось?

– Нет, сэр. Я просто очень устал, сэр.

– Тогда почему ты не в постели? Нам завтра предстоит трудный день и еще более трудная ночь. Спи крепко, Уилл Генри, и не позволяй клопам кусаться!

Дневник 3. Бойня

Часть одиннадцатая. «Теперь у нас нет выбора»

Утро выдалось пасмурное. По небу неслись хмурые облака, словно бесконечная серая рябь на холодной воде; дул сильный западный ветер. Когда я вынырнул из вязкой полудремы (сном это даже с натяжкой нельзя было назвать), на Харрингтон-лейн стояла тишина, только ветер гулял по карнизу да поскрипывал, точно вздыхая, старый дом.

Двери в комнаты Доктора и Кернса были закрыты, а вот дверь в комнате Малакки – нет, и кровать его была пуста. Я поспешил вниз и увидел, что дверь в подвал тоже нараспашку, а внизу горит свет. Я думал, что увижу там Доктора; вместо этого я обнаружил Малакки. Он сидел, скрестив ноги в шерстяных чулках, на холодном полу, пристально рассматривая монстра, висящего вниз головой в паре шагов от него.

– Малакки, – сказал я, – тебе не надо было сюда спускаться.

– Я не мог никого найти, – ответил он, не отрывая взгляда от мертвого Антропофага. – Чуть не спятил сначала, – добавил он будничным голосом, – думал, что это – она. Глаза-то нет.

– Идем, – потянул я его за рукав, – я приготовлю завтрак.

– Я тут подумал, Уилл. Когда все кончится, давай сбежим, ты и я, вместе. Можем записаться в армию.

– Меня не возьмут, я еще не дорос. Пожалуйста, Малакки, пойдем, Доктор не...

– Или можем податься на китобойное судно. Или уехать на Запад. Вот было бы здорово! Мы могли бы стать ковбоями, Уилл Генри! Или солдатами в Индии. Или вне закона, как Джесси Джеймс. Хочешь быть вне закона, Уилл?

– Мое место здесь, – ответил я, – с Доктором.

– А если он уедет?

– Тогда я уеду вместе с ним.

– А если умрет? Если не переживет сегодняшний день?

Я окаменел от такого предположения. Мне никогда не приходило в голову, что Уортроп может умереть. С учетом того, что я был сиротой и моя наивная вера в то, что родители будут жить вечно, была сломлена, я мог бы и рассмотреть такую возможность. Но нет – до сегодняшнего дня я и помыслить об этом не мог. Теперь меня передернуло. Что, если Доктор и правда умрет? Свобода? Да, свобода от того, что Кернс назвал «темным и грязным делом». Но свобода для чего? Куда я денусь? Что буду делать? Наверное, меня определят в интернат или подберут мне семью. Что хуже: жить под опекой такого человека, как монстролог, или влачить несчастное одинокое существование сироты, никому не нужного, лишенного всех надежд?

– Он не умрет, – сказал я больше самому себе, чем Малакки. – Он и раньше попадал в передраги.

– Я тоже, – ответил Малакки. – Прошное не дает никаких гарантий на будущее, Уилл.

Я снова потянул его за рукав, поторапливая. Я не знал, как отреагирует Доктор, если обнаружит нас здесь, и у меня не было никакого желания выяснять это. Малакки оттолкнул меня, ткнув рукой в ногу. Что-то брякнуло у меня в кармане.

– Что это? – спросил он. – Что у тебя в кармане?

– Не знаю, – честно ответил я, потому что напроочь забыл. Я вытащил их из кармана, и они, шелкая и ударяясь друг о друга, легли у меня на ладони.

– Это домино?

– Нет, кости, – ответил я. – Они называются Кости судьбы.

Он взял одну и принялся рассматривать; его синие глаза восторженно заблестели.

– А для чего они?

– Предсказывать будущее, кажется.

– Будущее? – Он провел пальцем по хитрому лицу на изображении. – А как ими пользоваться?

– Я точно не знаю. Они принадлежат Доктору, точнее, принадлежали его отцу. Думаю, их подбрасывают в воздух и то, какой стороной и в какой последовательности они упадут, должно о чем-то говорить.

– О чем?

– О будущем, но...

– Вот и я говорю! Прошное ничего не значит. Дай-ка мне их!

Он взял фигурки, сжал их между двух ладоней и потряс, перетасовывая. Фигурки закатали – громкий звук разнесся эхом в холодном сыром воздухе подвала. Я увидел отражение его рук, встряхивающих Кости судьбы, в огромном черном глазу мертвого Антропофага. И вот Малакки подбросил кости в воздух – они закрутились, переворачиваясь, и дробью осыпались на цементный пол. Малакки согнулся над ними, рассматривая, что получилось.

– Все – лицом вверх, – пробормотал он. – Шесть черепов. Что это значит, Уилл?

– Я не знаю, – сказал я. – Мне Доктор не рассказывал.

Вот я и соврал, пусть это и худший вид шутовства.

Я еле уговорил его пойти со мной на кухню, чтобы поесть что-нибудь. Я как раз ставил чайник на огонь, когда распахнулась задняя дверь и в комнату ввалился Доктор. Лицо у него было перекошено от тревоги и беспокойства.

– Где он? – взревел Доктор.

В этот момент Кернс вошел в кухню из холла, и вид у него был настолько же спокойный, насколько у Доктора взбудораженный. Кернс был элегантно одет и причесан; Доктор был растрепан и небрит.

– Где кто? – спросил Кернс.

– Кернс! Где вас носит?!

– «Я ходил по земле и обошел ее...» А что?

– Все приготовлено почти час назад. Ждут только нас.

– А который час? – Кернс театральным жестом вытащил из кармана жилета часы и открыл крышку.

– Половина одиннадцатого! – воскликнул Доктор.

– Да? Так поздно? – Он потряс часами под ухом.

– Мы не успеем, если не поторопимся прямо сейчас!

– Но я еще не завтракал.

Он посмотрел на меня, а затем заметил Малакки, который сидел за столом и смотрел на него завороченно, полуоткрыв рот.

– О, привет! Ты, должно быть, бедняжка Стиннет. Прими мои соболезнования. Такая трагедия. Не так обычно встречают Создателя, но как бы то ни было, все мы там будем. Вспомни об этом, когда в следующий раз приставишь пистолет к голове Уортропа.

– У нас нет времени завтракать! – настаивал Уортроп; он покраснел.

– Нет времени завтракать? Но я никогда не выхожу на охоту на пустой желудок, Пелли-нор. Что ты там готовишь, Уилл? Яйца? Свари и мне два – без скорлупы в кипятке. Один тост. И кофе – самый крепкий, какой только можешь сделать!

Он опустился в кресло напротив Малакки и широко улыбнулся Уортропу, сверкнув идеальными зубами.

– Тебе бы тоже поесть, друг мой. Уилл Генри, ты вообще когда-нибудь кормишь этого человека?

– Я пытаюсь, сэр.

– Возможно, у него кишечный паразит. Меня бы это не удивило.

– Я подожду на улице, – сказал Доктор сдержанно. – Посуду мыть не надо, Уилл Генри. Констебль и его люди ждут нас.

Он вышел, хлопнув дверью. Кернс подмигнул мне.

– Голый нерв, – заметил он.

Он перевел взгляд своих пепельных глаз на Малакки:

– Насколько ты приблизился?

– Приблизился? – эхом отозвался Малакки. Казалось, он немного ошалел от мощи, исходящей от Кернса, от его притягательности.

– Да. Насколько ты приблизился к тому, чтобы нажать на курок и выбить ему мозги?

Малакки опустил глаза в тарелку:

– Не знаю.

– Не знаешь? Хорошо, я спрошу иначе: в тот самый момент, когда ты приставил дуло к его лицу, когда ты мог всадить ему пулю в лоб, разнести его череп на части, лишь слегка нажав на курок, – что ты почувствовал?

– Страх.

– Страх? Хम्म... Ну, возможно... Но не почувствовал ли ты также определенного... как бы это сказать?... Определенного восторга?

Малакки помотал головой. Он был потрясен, но одновременно, как мне показалось, заворожен и как-то подчинен, покорен этим человеком.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Да прекрасно ты понимаешь! Момент эйфории, когда чья-то жизнь оказывается вот здесь, в твоей власти!

Он вытянул вперед руку, раскрыв ее ладонью вверх.

– И ты решаешь их судьбу – ты, а не невидимое сказочное нечто. Было у тебя так? Нет? Ну, что ж, надо полагать, для того, чтобы испытать это, нужно иметь настоящее намерение. Желание. Волю. Ты не намеревался его убивать, ты не хотел на самом деле снести ему череп.

– Мне казалось, хотел. А потом... – Малакки посмотрел в сторону, не в силах закончить фразу.

– Поэтическая натура и правосудие... Слушай, а вот мне интересно, если бы Уортроп постучался в дверь вашего дома и сказал твоей семье: «Скорее бегите отсюда, поблизости разгуливают безголовые людоеды!» – твой отец просто захлопнул бы дверь или отправил бы Уортропа в ближайшую психлечебницу?

– Это глупый вопрос, – сказал Малакки. – Потому что Уортроп нас не предостерег. Он никого не предостерег.

– Это не глупый, а философский вопрос, – поправил его Кернс, – и потому бессмысленный.

Когда мы наконец вышли, Доктор мерил шагами двор. О'Брайан стоял поблизости, рядом с большой телегой, в которой уже лежали чемоданы Кернса. Взглянув на них, английский денди всплеснул руками и воскликнул:

– Да что ж это со мной?! Я чуть не забыл! Уилл, Малакки, бегите скорее наверх и тащите мой ящик и маленький черный несессер, да поживее! Несите очень осторожно, особенно ящик – в нем хрупкий груз.

Оказалось, он уже закрыл крышку ящика и обмотал его шелком, обвязав той же веревкой, что и раньше. Я поставил маленький черный несессер сверху, но Малакки сказал:

– Нет, Уилл, так он упадет, когда мы будем спускаться по лестнице. Давай его сюда, я повешу его на руку... А он легче, чем я думал, – сказал он, когда мы несли ящик вниз, – что в нем?

Я признался, что не знаю. Я говорил правду; я не знал, но я подозревал. Это было жутко – так жутко, что и в кошмарном сне не привидится; просто уму непостижимо. Но это и была монстрология – наука, изучающая непостижимое.

Мы погрузили ящик рядом с чемоданами. Кернс то подбадривал нас, то предостерегал: – Грузите, грузите, мальчики! Не так быстро, не так быстро – аккуратнее!

Потом он осмотрел весь груз, быстро кивнул и затем вытянул шею, глядя на небо изучающим взглядом:

– Будем надеяться, эти облака развеются, Пеллино. Сегодня ночью нам позарез надо, чтобы было полнолуние.

Доктор, Кернс и О'Брайан отправились с грузом; мы с Малакки поспевали за ними верхом: Малакки – на жеребце Доктора, я – на своей кобылке.

С каждым шагом, неумолимо приближающим нас к месту жестокого убийства его семьи, Малакки все больше замыкался в себе; взгляд его снова приобрел то жуткое потустороннее выражение, которое было в нем в день нашей встречи в церкви. Знал ли он уже, в глубине души, что за судьба уготована ему? Предчувствовал ли, что едет навстречу черной пропасти? Если и так, он не свернул назад.

Около полудня мы встретились с Морганом и его людьми у дома Стиннетов. Между Доктором и Кернсом вспыхнул спор, не в первый и не в последний раз за эти два дня. Кернс желал осмотреть место кровавого побоища; Уортроп хотел немедленно начать приготовления к страшному, вселяющему суеверный ужас, ночному предприятию.

– Я не ради извращенного удовольствия хочу осмотреть дом, Уортроп, – сказал Кернс. – Ну, не только ради этого. Вы могли что-то упустить, а оно может оказаться полезным.

– Что, например? – спросил Доктор.

Кернс повернулся к Моргану; тот выглядел измученным, глаза покраснели – было ясно, что он не спал всю ночь.

– Констебль, вы охраняете место преступления. Пожалуйста, могу я его осмотреть?

– Если вы считаете это настолько необходимым, – раздраженно ответил Морган. – Я дал согласие полагаться на ваши суждения и ваше руководство, так что...

Кернс коснулся шляпы кончиками пальцев, подмигнул и исчез внутри дома. Констебль повернулся к Уортропу и выдохнул:

– Если бы вы не поручились за него, Уортроп, я принял бы его за шарлатана. Он слишком весел и беспечен для такого жестокого и беспощадного предприятия.

– Это веселье и радость человека, идеально подходящего для такой работы.

Морган приказал О'Брайану ждать Кернса у дверей, а мы присоединились к его помощникам, ожидающим в церкви. Констебль выбрал для участия в охоте шестерых мужчин. Они сидели на передней скамье – там же, где вчера сидел, сжавшись в комок, Малакки. Сбоку у них стояли винтовки, выражение лиц было твердым и решительным, взгляд – пристальным, когда Морган представил им монстролога.

– Это Доктор Уортроп, для тех из вас, кто его не знает или не слышал о нем. Он... крупный специалист в этой области.

Доктор серьезно кивнул, но никто ему не ответил и не кивнул в ответ на его сдержанное приветствие. В удручающем молчании мы ждали, пока Кернс закончит свою отвратительную инспекцию. Один из мужчин поднял винтовку и как бы прицелился; потом перебрал ее и, удовлетворенный ее состоянием, снова поставил рядом с собой.

Малакки сидел рядом со мной. Он не шевелился и не говорил, только смотрел вверх на распятие. В какой-то момент Морган остановил взгляд на нас и прошептал Уортропу:

– Вы, конечно, не собираетесь брать мальчиков с собой?

Доктор помотал головой и прошептал что-то в ответ, но что – я не смог разобрать.

Через полчаса двери распахнулись, и Кернс стремительно зашагал по проходу. За ним поспевал О'Брайан, словно обломок, несущийся в стремительном потоке.

Он прошел мимо нас, не обращая внимания, к центру, где с минуту стоял, не оборачиваясь, спиной к нашей маленькой пастве, задумчиво глядя на крест; по крайней мере, так могли подумать те, кто его не знал. Морган терпел, сколько мог, потом встал с места, и голос его раскатисто пронесся под сводами церкви:

– Итак, чего мы ждем?!

Кернс скрестил руки на груди и наклонил голову. Так он постоял еще немного, прежде чем повернуться, и, когда он поворачивался, по лицу его скользнула эдакая улыбочка, словно он вспомнил скабрезный анекдот.

– Да, это Антропофаги. Сомнений нет, – констатировал он.

– Их и не было, – зло бросил Уортроп, – давай ближе к делу, Кернс.

– Меня зовут Кори.

– Ну все, – пробормотал Морган, – с меня хватит.

Он повернулся к снайперам, сидящим на скамье в первом ряду:

– Доктор Уортроп пригласил... этого человека, чтобы он помог нам в деле, в котором, как он утверждает, у него есть опыт...

– Огромный опыт, – поправил Кернс.

– ...в уничтожении этих тварей. Я представил бы вам его, но не уверен, что на данный момент он сам знает, как его зовут, если вообще зовут хоть как-то.

– Напротив, у меня имен больше, чем я сам могу сосчитать.

Кернс улыбнулся, но лишь на мгновение.

– Спасибо, констебль, за то, что вы так тепло представили меня, за ваше одобрение и поддержку. Я приложу все усилия, чтобы оправдать ваши ожидания.

Он обратил свой взгляд на сидящих перед ним людей (в полумраке церкви глаза его были черными, как ночь). Из кармана брюк он извлек вогнутый предмет размером с монету.

– Может мне кто-нибудь сказать, что это такое? Пеллино, тебе отвечать не разрешается... Нет? Никто? Тогда даю подсказку: я нашел это в доме преподобного только что. Ничего, даже никаких догадок? Прекрасно. Это, джентльмены, фрагмент височной кости взрослого мужчины примерно сорока – сорока пяти лет. Для тех из вас, чье знание анатомии немного поистерлось, напоминаю: височная кость – часть черепа, и не случайно самая твердая часть вашего тела. Несмотря на это, в центре вы видите большую овальную дыру.

Кернс поднес кость к глазам и посмотрел в упомянутое отверстие, как в «глазок».

– Эта дыра не была просверлена при помощи хирургического инструмента. Ее проткнули зубом, и пробивная сила укуса этого существа такова, как если бы на нашу самую твердую кость, джентльмены, обрушился груз весом в тонну.

Он опустил обломок черепа обратно в карман.

– Такую невероятную силу укуса Антропофаги обрели в ходе эволюции, так как они лишены коренных зубов. Два ряда меньших зубов обрамляют большие, центральные зубы. Передние зубы служат для того, чтобы схватить и зажать жертву; остальные – количеством примерно трех тысяч – чтобы разрезать и нарубить. Проще говоря, они не жуют свою добычу; они глотают ее целиком. И мы, джентльмены, как эвкалиптовые листья для коалы, содержим в себе весь необходимый рацион для данного вида существ. Они буквально рождены, чтобы есть нас. Естественно, данный факт вызывает некоторые трения между нашими видами: им нужно питаться, мы предпочли бы, чтобы они этого не делали. С развитием цивилизации мы получили в наши руки такие средства защиты, как копыта и ружья; это склонило чашу весов в нашу пользу. Антропофаги оказались вынуждены прятаться. Но одновременно у них развился адаптационный инстинкт, проявление которого привело вчера к столь печальным последствиям. Антропофаги стали яростно защищать место, где им удалось спрятаться и которое они считают

своим домом; и они будут бороться за принадлежащую им территорию до последнего вздоха – все, от мала до велика. Иными словами, джентльмены, беспощадность и жестокость, с какой они охотятся, превышает только безжалостная свирепость, с которой они защищают свою территорию. И именно на ней нам предстоит встретиться с Антропофагами сегодня – на их земле, не на нашей. Мы сами выберем время, но не место. Мы бросим им вызов – и они ответят нам! И вот когда это случится, джентльмены, вы можете ожидать нечто сродни детской истерике, только вот закатят эту истерику существа семифутового роста весом приблизительно в двести пятьдесят фунтов, с тремя тысячами острых, как бритва, зубов, расположенных в центре грудной клетки.

Кернс улыбнулся. Просветленное выражение его лица никак не соответствовало произнесенным словам.

– Сегодня вы станете свидетелями кошмарного сна наяву. Вы увидите такое, от чего у вас сердце уйдет в пятки и кровь застынет в жилах. Но если вы будете делать все, что я скажу, вы доживете до рассвета и увидите зарю нового дня. Но только если будете делать все, что я скажу. Если вы готовы дать такой обет сейчас – без оговорок и замечаний, – вы доживете до того дня, когда будете очаровывать ваших внуков страшилками, вспоминая сегодняшнюю ночь. Если же нет – предлагаю вам забрать ваши винчестеры и идти домой. В этом случае – спасибо за внимание и попутного ветра вам в спину.

Повисло молчание. Кернс ждал, каков будет их вердикт. Вряд ли им нужна была эта лекция; все они видели человеческие останки в доме пастора и представляли, на что способны Антропофаги. Они понимали, на что идут. Понимали, но не дрогнули. Никто не принял предложение Кернса удалиться.

Один из мужчин откашлялся и яростно крикнул:

– Не только они умеют защищать то, что им дорого, гады! Что вы хотите, чтобы мы сделали?

Кернс тут же приставил мужчин к работе. Из лесоматериалов, хранящихся на центральном дворе, требовалось соорудить две платформы размером четыре на восемь футов. Закончив, надо будет доставить их на кладбище, поднять с помощью блока и системы веревок на высоту десять футов на деревья, расположенные вдоль западной границы кладбища, и закрепить там.

– Почему десять футов? – спросил Доктор у Кернса, в то время как вокруг стучали топоры и раздавался пронзительный звук пилы. – Они могут легко запрыгнуть на высоту в десять футов.

– Десять – достаточно высоко, – рассеянно ответил Кернс. У него явно было что-то на уме на этот счет, но в данный момент его сильнее беспокоила погода. Он все осматривал свои чемоданы и таинственную коробку и кидал взгляды на небо. Около трех часов дня, как раз когда был вбит последний гвоздь, заморосил мелкий дождь. Его капли падали на очки констебля, заставляя того все время стаскивать их с носа и вытирать о жилетку. Дождь потушил его трубку и слегка погасил боевой настрой. Кернс заметил это и сказал:

– Когда все закончится, пришлю вам хорошего табаку. Намного лучше этого заячьего помета, который вы курите.

Констебль не обратил внимания на его слова.

– Пеллинон, я волнуясь насчет мальчиков, – кивнул он в нашу с Малакки сторону. – Я считаю так: надо либо оставить их здесь, в церкви, либо отправить обратно к вам домой. Им нет смысла...

– Напротив, – перебил его Кернс, – мне это на руку.

– Возможно, вы правы, Роберт, – неохотно признал Уорттроп.

– А вот и нет! Для меня в этом – весь смысл! – зло бросил Малакки. – Я не мальчик, и я не уйду!

– Я не могу взять на себя такую ответственность, Малакки. Мне совесть не позволит, – беззлобно сказал констебль.

– Совесть? – закричал Малакки. – А как насчет моей совести?!

– Bravo! – рассмеялся Кернс. – Правильно, Малакки, надо было остаться в комнате, чтобы тебе тоже оторвали голову после того, как переломали все кости твоей сестренке. Иначе что ты за брат такой?

С криком ярости Малакки бросился на своего мучителя. Доктор перехватил его, когда тот уже готов был вцепиться Кернсу в лицо, и прижал ему руки к туловищу, крепко держа.

– Ты сделал верный выбор, Малакки, – прошепел Уортроп ему на ухо, – у тебя было моральное обязательство...

– На твоём месте я не говорил бы о моральных обязательствах, Пеллинор, – предостерег Кернс, и глаза его блеснули от удовольствия. – И в любом случае, это абсурдное знание непреложной морали – целиком и полностью причудливое изобретение человека, капризная выдумка толпы. Нет никакой морали, кроме морали данного мгновения.

– Я начинаю понимать, почему вы с таким удовольствием охотитесь на Антропофагов, – сказал Морган с отвращением. – У вас так много общего!

Малакки обмяк в руках человека, которого вчера чуть не убил. Ноги мальчика подкосились, и теперь Доктор держал его, чтобы тот не упал на мокрую землю.

– А что, констебль, это правда, – согласился Кернс. – Мы во многом на них похожи: неразборчивые убийцы, движимые мотивами менее ясными и едва понятными, мы так же яростно боремся за территорию. Единственное существенное различие между нами и Антропофагами заключается в том, что им еще недостает опыта в притворстве и фальши, лицемерии и лжи. Они еще не обрели умения забивать и кромсать толпы себе подобных, мотивируя это благими намерениями и благословением свыше.

Он обернулся к Малакки:

– Так что давай, мой мальчик, отомсти! Ты вновь обрешь «моральный» выбор, который разрывает твою душу на части. И если сегодня ночью ты встретишь своего Бога, ты сможешь посмотреть ему прямо в глаза и сказать: «Да будет воля Твоя».

Он развернулся на каблуках и зашагал прочь. Морган отвернулся в сторону и демонстративно плюнул. Уортроп поспешно успокаивал Малакки; сейчас не время поддаваться чувству вины и жалеть себя, говорил он.

– Вы не сможете оставить меня в стороне, – был ответ. – Меня ничто не удержит.

Уортроп кивнул:

– Никто не будет тебя удерживать.

Он посмотрел через плечо мальчика на констебля и сказал:

– Дайте ему винтовку, и мы найдем ему место, Роберт.

– А Уилл Генри? Его-то, конечно, вы не возьмете с собой?

Я заговорил, сам едва веря словам, сорвавшимся у меня с губ:

– Не отсылайте меня, сэр. Пожалуйста.

Еще не ответив, Доктор улыбнулся тихой и печальной улыбкой:

– Ох, Уилл Генри. После всего, что мы пережили вместе, как я могу отослать тебя сейчас, в самый критический момент? Ты для меня незаменим.

Платформы были слишком большими и тяжелыми, чтобы везти их на телеге. Из-за дождя уже начинало смеркаться. Так что люди Моргана понесли их сами по длинной дороге, ведущей к кладбищу, а потом еще полмили до главных ворот. Там они перевели дух перед последним

броском до пункта назначения – места, где старый Эразмус Грей встретил свой бесславный конец в могиле, которую сам же и вскрыл.

Теперь стало ясно, почему утром Кернса не было дома. Когда мы добрались, оказалось, что он уже хорошо ознакомлен с ландшафтом, уже выбрал деревья, на которые, как на крючья, надо будет вешать платформы, и тщательно начертил на листе бумаги план местности вплоть до расположения могильных камней.

Между могилой Элизы Бантон и ближайшими деревьями он нарисовал красный круг и надписал изысканным шрифтом с виньетками: «Кольцо забоя».

Начали поднимать платформы, вбивая якорные крепления в деревья при помощи обмотанных тряпками молотков, переговариваясь только при помощи жестов или тихим шепотом, так как Кернс дал строгие указания, прежде чем мы покинули церковь: как можно меньше шума и только тогда, когда это совершенно необходимо.

– Хотя Антропофаги – страшные сони (кроме как есть и спариваться, они только и делают, что спят), слух у них, как и чутье, крайне развит. Даже находясь на много футов от нас, под землей, сквозь почву и камни, они могут нас услышать или учуять. Так что хотя бы в одном дождь нам на руку: он увлажнит землю и приглушит звуки.

В то время как трое мужчин висели, натягивая своим весом веревки, которые крепили заднюю часть платформ к деревьям с крюками, другие вставляли квадратные скобы размером четыре на четыре вдоль переднего края платформ. Оставшиеся доски были прибиты гвоздями к стволам двух деревьев по обе стороны в качестве импровизированных лестниц. Затем Кернс отправил О'Брайана, Малакки и меня принести его чемоданы.

– Кроме ящика и несессера. Их пока оставьте, не хочу, чтобы они намокли. Ах, проклятая погода!

Уортроп отвел его в сторону, так, чтобы и без того взволнованный констебль их не слышал, и спросил:

– Возможно, я буду жалеть, что задал тебе этот вопрос, – прошептал он, – но что в ящике?

Кернс посмотрел на него с притворным изумлением:

– Шутишь, Пеллинон?! Да ты прекрасно знаешь, что в ящике!

Он подошел к одному из чемоданов и открыл крышку. Внутри, упакованная в отдельные ячейки, лежала дюжина черных цилиндров. По форме они напоминали ананасы, и каждый был обложен соломой. Кернс вытащил один из них и тихо позвал меня:

– Уилл Генри! Лови!

И он бросил мне цилиндр. Тот ударил меня прямо в живот, и я еще некоторое время смешно жонглировал им, пытаясь удержать в руках, такой он был скользкий.

– Осторожно! – предупредил Кернс. – Только не урони!

– Что это такое? – спросил я.

Я наконец поймал «ананас» – он был весьма тяжелым для своего размера.

– Как?! И ты еще называешь себя начинающим ассистентом монстролога?! Незаменимый инструмент в нашей работе, Уилл Генри. Граната, конечно. Дерни вон за то маленькое колечко.

– Он шутит, Уилл Генри, – тихо сказал Доктор, – не дергай, не надо.

– Как с вами скучно, – пожаловался Кернс. – Вот что, Уилл, назначаю тебя ответственным за гранаты. Будешь моим гренадером. Разве не прекрасно, а? Ладно, будь молодцом, и как только платформы установят, можешь поднимать гранаты вверх.

Он откинул крышку второго чемодана. Оттуда он вытащил длинную и очень прочную веревку, к одному концу которой была прикреплена тяжелая железная цепь, а к противоположному концу цепи был приварен крюк.

Потом он достал металлический столбик длиной в четыре фута и в два фута в окружности, заостренный снизу, а сверху имеющий отверстие типа «глазка». Столбик был похож на гигантскую швейную иглу.

Последнее, что он вытащил из чемодана, был большой молоток, каким забивают железнодорожные штыри. Он перебросил веревку через одно плечо, в другую взял молоток и столбик и позвал меня идти за ним.

Я поспешил следом и услышал, как у меня за спиной констебль спрашивает шепотом у Уортропа:

– А это-то для чего ему понадобилось? Жуть какая-то...

А Уортроп ответил с отвращением:

– Это – чтобы привязать и закрепить приманку.

Кернс отмерил шагами примерно двадцать ярдов от деревьев в направлении могилы Элизы Бантон, опустился на одно колено на мокрую землю и прищурился, примериваясь сквозь серую пелену дождя, какое расстояние отделяет его от платформы.

– Да, так будет верно. – Он взял металлический столбик. – Уилл Генри, держи этот штырь вот так вертикально, двумя руками. А я буду забивать его в землю. Главное, не шевелись. Дернешься – и я расплющу тебе руку.

Я встал в грязь на колени и сжал двумя руками столбик, направив его острым концом в землю. Кернс поднял молоток высоко над головой, размахнулся и ударил с такой силой, что крошки шрапнели полетели во все стороны. Отзвук удара эхом разнесся над кладбищем. Мужчины, которые прибивали гвоздями поперечные доски к ногам платформы, обеспокоенно повернули головы на звук. Дважды Кернс поднимал молоток и опускал на столбик. Мои руки вибрировали при каждом ударе, и я крепко сжимал зубы, чтобы случайно не прикусить себе язык.

– Отлично, еще разок – и сойдет. Хочешь попробовать стукнуть, Уилл Генри?

Он протянул мне молоток.

– Не думаю, сэр, что смогу даже поднять этот молоток, – честно ответил я. – Он же размером с меня.

– Хмм... А ты маловат росточком-то для своего возраста. Сколько тебе, десять?

– Двенадцать, сэр.

– Двенадцать?!

– Надо будет поговорить с Пеллином. Он морит тебя голодом.

– Я сам готовлю, сэр.

– Почему меня это не удивляет?

Он стукнул по штырю еще раз, отставил молоток и потянул за штырь двумя руками, кряхтя от напряжения.

– Нормально, – сказал он задумчиво. – Сколько ты вешишь, Уилл?

– Не знаю точно, сэр. Семьдесят пять или восемьдесят фунтов.

Он покачал головой:

– На Уортропа надо подать в суд. Ладно.

Он протернул свободный конец веревки сквозь «ушко» столбика и завязал ее каким-то сложным узлом. Потом велел мне взять другой конец – тот, к которому прикреплялась цепь, – и идти к деревьям, пока веревка не натянется.

– Теперь дерни за веревку, Уилл! – крикнул он. – Дерни изо всей силы!

Он стоял, упершись одной рукой в бок, а другой поглаживая свои прозрачные усы, и смотрел, какой эффект оказывает дерганье веревки на металлический столбик. Я тянул изо всех сил, ноги мои скользили по мокрой липкой грязи. Он махнул мне, что достаточно, поднял молоток и еще раз сильно стукнул по штырю. Потом подозвал меня взмахом руки.

– Веревка длинновата, Уилл Генри, – сказал он.

Он развязал узел, приподнял одну брючину и извлек длинный охотничий нож из-под ремня, стянутого на икре. Он укоротил веревку примерно на два фута, обрезав ее – а она была толстая и крепкая – так легко, словно нитку.

– В том же чемодане у меня лежат три связки деревянных кольев, Уилл Генри, давай сбегай и притащи их.

Я кивнул и бросился за кольями, хотя и так уже тяжело дышал от усилий с веревкой. Добежав до чемоданов, я обнаружил Уортропа и констебля все там же, и между ними разгорался яростный спор, хотя они говорили шепотом. Каждый свой аргумент Морган подтверждал, тыкая Доктора в грудь концом трубки:

– Обязательное расследование! Тщательное следствие! Я не могу быть связан словом, данным под давлением и по принуждению, Уортроп!

Когда я вернулся, Кернс сверялся с промокшим планом на своем листочке, отмеряя шагами расстояние от центра – столбика – до границ «Кольца забоя». Отмерив, он стал указывать мне, куда вбивать колья с интервалом в четыре фута – пока не получился ровный круг окружностью примерно в сорок футов с металлическим штырем в центре. Западная часть круга была в пятнадцати футах от платформы. Кернс с удовольствием оглядел свою работу и похлопал меня по плечу:

– Прекрасно исполнено, Уилл Генри! Даже в племени Маори, которое изобрело этот метод, не смогли бы сделать лучше.

К этому времени мужчины закончили с платформой и взяли в руки лопаты. Кернс помаhal им рукой, приглашая присоединиться к нам, и они собрались вокруг, мрачные, тяжело дыша. Они уже падали от усталости. Кернс обратился к ним, в голосе его слышалось нетерпение:

– Ночь наступит раньше, чем мы могли предвидеть, джентльмены. Теперь надо действовать быстрее. Быстрее! Так быстро, как вы только можете! Копайте, джентльмены, копайте!

Вдоль воткнутых кольев, которые были для них указателями, мужчины, методично работая, рыли неглубокий ров. Каменистая влажная земля скрипела под их лопатами. Этот звук приглушал дождь, который лил теперь сплошной стеной, барабана с частотой в тысячу крошечных ударов в секунду, так что все промокли до нитки и у всех волосы прилипли к голове. Как жаль, что я забыл дома свою шапочку! Со стороны мужчины с лопатами казались серыми тенями наподобие привидений за темной матовой стеной дождя.

– Пеллинор! – сказал Кернс. – Помогите мне с ящиком, пожалуйста.

– Да, кстати, вот еще об этом ящике, – пробормотал Морган, в то время как его сгружали с телеги, – я хотел бы точно знать, что у вас в нем лежит, Кори.

– Терпение, констебль, терпение. Вы узнаете совершенно точно, что в нем... Осторожнее, Пеллинор, опускаем потихоньку! Уилл Генри, захвати мой несессер, хорошо?

Он содрал шелк с ящика и снял крышку. Доктор отшатнулся, словно отказываясь верить своим глазам; он знал, что в ящике еще до того, как Кернс открыл его, но знать и видеть – не одно и то же.

Морган шагнул вперед, чтобы рассмотреть содержимое ящика, – и ахнул. Кровь отхлынула от его лица. Он смог только промямлить что-то нечленораздельное.

Внутри ящика лежало тело женщины, облаченное в белое полупрозрачное платье. Она лежала как в гробу – глаза закрыты, руки сложены на груди крестом. Не старше сорока. Возможно, когда-то она была красива, но теперь лицо ее отекло, на нем просматривались рубцы – возможно, от оспы, нос увеличился и был красным от просвечивающих капилляров – несомненно, результат пристрастия к алкоголю. Кроме платья, на ней ничего не было, ни колечка на руке, ни браслета на запястье, только вокруг шеи была туго повязана лента цвета старой меди, и к этой ленте под подбородком было прикреплено металлическое кольцо.

Через несколько секунд потрясенного молчания Морган обрел наконец голос:

– Это ваша приманка?

– А какую приманку вы бы хотели увидеть, констебль? – спросил Кернс. Вопрос был, конечно, чисто риторическим. – Козленка?

– Когда вы требовали неприкосновенности, вы не упоминали об убийстве, – в негодовании воскликнул Морган.

– Я ее не убивал.

– Тогда откуда у вас...?

– Это уличная девка, Морган, – бросил Кернс. Казалось, его вывела из себя ярость констебля. – Один из человеческих отбросов, какими полнятся закоулки Балтимора. Грязное существо, пропитанное ромом и болезнями, чья смерть послужит более благородной цели, чем вся ее промотанная жизнь. И если то, что мы используем ее, оскорбляет ваши чувства и идет вразрез с вашей моралью и нравственностью – что ж, предложите в качестве приманки себя.

Морган повернулся к Уортропу:

– Пеллино, но должен же быть какой-то другой способ...

Доктор покачал головой.

– Она уже отстрадала свое, Роберт, – заметил он. – У нас сейчас нет выбора: надо сделать это.

Он наблюдал, как Кернс вынимает неподвижное тело из самодельного гроба, и в глазах его стоял немой вопрос. Голова женщины откинулась назад, руки соскользнули вниз и безжизненно повисли, пока Кернс нес ее в «Кольцо забоя».

– Уилл Генри! – кинул через плечо Кернс. – Поддай мой несессер!

Работа остановилась, когда мужчины с лопатами увидели Кернса с ношей. Рты у них открылись, глаза перебежали с Кернса на Моргана. Констебль подал им знак – копайте, копайте! Кернс бережно уложил тело рядом с железным столбиком, вбитым в землю, заботливо приподняв и поддерживая рукой голову женщины. Он кивнул на веревку. Я поставил несессер рядом с ним и протянул веревку с цепью на конце. Он зацепил крюк, припаянный к концу цепи, за кольцо на шее женщины.

– Не понимаю, из-за чего Морган так расстроился, – сказал он. – Маори используют в подобных случаях четырнадцатилетних девственниц – рабынь. Дикие животные, Уилл Генри!

Он подергал за цепь. Голова женщины дернулась, прицепленная за крюк.

– Хорошо.

Он опустил ее голову на землю, размытую дождем. Потом поднялся и оглядел поле деятельности. Я взглянул направо, в сторону платформы, и увидел одинокую фигуру, стоящую там, с винтовкой на изготовку, словно часовой на посту. Это был Малакки. Он пристально смотрел на нас.

Хотя монотонный дождь все лил и лил, а серый день переходил в вечер почти незаметно, все же возникло чувство, что время побежало быстрее, что часы-то тикают. Из повозки выгрузили две большие бочки со смесью керосина и растительного масла и вылили содержимое в ров, окружающий тело женщины. Кернс приказал всем подняться на платформу и еще раз повторить то, что он называл Основными правилами Маори.

– Я стреляю первым, – напомнил он промокшим до нитки, запачканным грязью с головы до ног людям. – Вы ждете моего сигнала, чтобы открыть огонь. Цельтесь им в то пространство, которое расположено прямо под пастью, либо в нижнюю часть спины. Выстрелы по другим частям тела будут для них безвредны.

– Сколько у нас будет времени? – спросил кто-то.

– Рискну предположить, что при такой погоде – меньше десяти минут. Этого более чем достаточно, чтобы сделать дело, по крайней мере завершить эту фазу дела. Но и десять минут покажутся вам вечностью. Помните, мы покидаем платформу только в двух случаях: если мы

закончили работу или если кому-то из людоедов удалось перебраться через ров. Кто дежурит у рва?

Мужчина с узким лицом по имени Брок поднял руку. Кернс кивнул и сказал:

– Стойте рядом со мной и ждите приказа – ничего не предпринимайте, пока я не скажу! Правильное распределение времени и синхронизация, джентльмены, – вот что главное, как только мы заметим первого «разведчика» Антропофага... Ну, хорошо. Вопросы есть? Может, кто-то передумал? Сейчас еще можно уйти. Время пришло. – Он поднял к небу лицо и закрыл темные глаза под дождем. На его чувственных губах играла улыбка. – Роковой час пробил!

Мы все подошли к краю платформы, вглядываясь, прищурившись, в сгущающуюся тьму. Кернс тем временем спустился к телу в центре круга, опустился на колени и раскрыл несессер, который я ему принес. Он склонился над телом спиной к нам, так что ничего не было видно.

– Что, прости, господа, он там делает? – спросил Морган.

– Не знаю точно, – ответил Доктор, – но я ставлю под сомнение все, за что Господь может не простить.

К нашему несказанному удивлению, тело женщины вдруг дернулось, словно от жестокого спазма, ноги засучили в воздухе, руки вцепились пальцами в размякшую землю, сгребая грязь и кусочки травы. Кернс откинулся назад, чтобы осмотреть произведенный им феномен, а я услышал, как Доктор выдохнул рядом со мной:

– О нет!

У Кернса в правой руке как бы невзначай появился уже знакомый охотничий нож; одновременно кончиками пальцев левой руки он надавил женщине на горло.

– Уортроп, – прорычал Морган. – Уорт-роп!!!

Одним легким движением руки Кернс провел ножом вдоль дергающегося туловища пленницы, вскрывая ей брюшную полость острым, как скальпель, лезвием. Один бессердечный и варварский жест – и тут же пронзительный крик боли взорвал сумеречную тишину ударом грома. Звук эхом разнесся среди деревьев и кладбищенских камней, заполняя собой, нарастая, все пространство и время. Каждая секунда, казалось, длится час. Женщина перекаtilась на бок и протянула руки к Кернсу – к человеку, распоровшему ее пополам, но он уже торопливым шагом возвращался к нам, с окровавленным ножом в руке. Взявшись на платформу по приставной лестнице, он зажал лезвие между зубами и, должно быть, в этот момент почувствовал вкус ее крови на языке. Благополучно поднявшись на платформу, он выплюнул нож, и тот упал на доски. Однако мы этого почти не заметили, потому что взгляды наши были прикованы к тому, что происходило внизу. Нас сковал страх, пронизал ледяной ужас. Женщине удалось встать на карачки и поползти нам навстречу, крича и визжа, словно недобитый поросенок, захлебывающийся в собственной крови. Но веревка сыграла свою роль; цепь, прикрепленная к ее шее, натянулась.

Кернс схватил винтовку, вскинул на плечо и устоял в прицел, поворачивая дуло с севера на юг и обратно, не обращая внимания на наше оцепенение и испуг от этого неожиданного – и ужасающего – поворота событий. Он, казалось, даже не слышал истошных криков женщины, сотрясающих воздух вокруг. Теперь ей удалось встать на колени, и она протягивала руки к нам, ее лицо перекосила гримаса боли; недавно белое платье было заляпано кровью и грязью. Цепь на ее шее звякала и поскрипывала каждый раз, как она отчаянно дергала головой.

– Будь ты проклят, Кори! – заорал Морган. – Она жива!

– А я никогда и не говорил, что она мертва, – резонно возразил Кернс. – Наблюдатели, видите что-нибудь? Смотрите внимательно! Мистер Генри, ты тоже смотри!

Я оторвал взгляд от несчастной жертвы и стал пристально вглядываться в ветви деревьев и кладбищенские камни – нет ли где какого движения? Но пелена застилала все вокруг, и я не высмотрел ничего, кроме земли, деревьев, камней и теней.

А потом боковым зрением я заприметил темный силуэт, метнувшийся от одной могилы к другой. Да, он низко пригнулся к земле, продвигаясь зигзагообразно все ближе и ближе. Я подергал Кернса за рукав и указал на силуэт.

– Где? – прошептал он. – А, молодчина! Вижу. Джентльмены, спокойно, первый выстрел – мой.

Он встал прямо, расставил ноги для правильного баланса и прицелился, поглаживая спусковой крючок.

– Иди, иди, дружок, – пробормотал он, – обед уже подан.

Одиноким «разведчик» Антропофаг лишь на секунду замер в нерешительности на краю рва. Дождь переливался на его молочной коже, и даже с этого расстояния в наступающих сумерках я видел, как его рот открывается и закрывается и как его зубы злобно поблескивают в бездонной глотке. Массивные руки были такими длинными, что костяшки пальцев буквально царапали землю, когда он стоял, немного кривоногий, на краю ловушки.

Если он и чувствовал нас поблизости, то все равно был настолько одержим жаждой крови или мы были настолько ему безразличны, что он бросился вдруг вперед со страшным рыком, одним махом преодолев расстояние между ним и раненой женщиной. Их разделяли примерно тридцать футов, и он уже подпрыгнул, выпустив когти и разинув пасть, когда Кернс выстрелил.

Монстр перевернулся в воздухе: пуля Кернса прошила ему плечо в дюйме от выпуклого глаза. Он камнем упал на землю, и его мычание и рев перекрыли на какое-то время вопли женщины. Но потом он быстро поднялся, плюясь и хрюкая, протягивая когтистые руки к жертве и упрямо двигаясь вперед. Женщина обернулась на странный хлюпающий звук и на миг замолчала, парализованная ужасом, а потом дернулась на цепи так сильно, что я думал, она сломает себе шею.

Кернс перезарядил винтовку и выстрелил вновь, попав монстру в верхнюю часть бедра. Тот споткнулся, но продолжил движение. Вот их с жертвой разделяет уже лишь пятнадцать футов... десять... Кернс перезаряжает, щелкает затвор...

Третий выстрел попал Антропофагу в другую ногу, и он рухнул, царапая когтями землю, мыча и воя, беспомощно меся ногами грязь. Кернс опустил винтовку.

Морган заорал на него:

– Да ради бога, что вы творите?! Стреляйте же! Вы его не убили!

– Идиот, – бросил Кернс, – я и не собирался его убивать.

А женщина тем временем лежала, не двигаясь. То ли она сломала шею, то ли лишилась сознания от страха или от потери крови. Доктор протолкнулся мимо Кернса к краю платформы и подобрал нож, который тот бросил.

– Уилл Генри! Пошевеливайся!

Он спрыгнул вниз. Я выбрал более долгий маршрут и спустился по приставной лестнице, нагнав Доктора уже около тела жертвы. Я с опаской посмотрел через плечо Уортропа на кричащего, извивающегося Антропофага. Я боялся, что он недостаточно сильно ранен и в любой момент соберется с силами, подскочит и оторвет нам головы своими огромными руками. Но Доктору было не до того; он целиком и полностью сосредоточился на женщине. Он перекатил ее на спину и прижал пальцы к ее горлу под челюстью.

– Еще не слишком поздно, Уилл Генри, – сказал он, повышая голос, чтобы перекрыть вой Антропофага у нас за спиной.

Он перерезал веревку одним сильным движением, сунул мне нож и поднял женщину на руки.

– За мной! – скомандовал он, и мы побежали, скользя и спотыкаясь в грязи, перепрыгнули через наполненный керосином и маслом ров и оказались под платформой, прямо под тем местом, на котором стоял Кернс и другие. Он прислонил женщину к стволу дерева и низко склонился над ней, чтобы осмотреть рану в ее животе.

Прямо над головой я услышал, как Кернс крикнул вниз:

– На твоём месте, Пеллино, я бы поторопился.

Доктор не обратил внимания. Он сбросил куртку, сорвал с себя рубашку – так, что пуговицы брызнули во все стороны, – потом туго скрутил ее и наложил на рану, а сверху прижал моей рукой.

– Постоянное давление, Уилл Генри. Но слишком сильно не нажимай.

В этот момент я услышал, как Морган закричал громким голосом, в котором звучала паника:

– Вот там! Вы видите? Что это там такое?!

Доктор схватил меня за плечо и низко склонился к моему лицу, глубоко заглянув в глаза:

– Ты сможешь, Уилл Генри? Ты сможешь?

Я кивнул:

– Да, сэр.

– Держи.

Он вложил мне в руку револьвер и повернулся, чтобы идти, но вдруг замер как вкопанный. Я решил, что нам конец, что один из людоедов прокрался между деревьев и уже навис над нами. Я проследил за взглядом Доктора и увидел высокую тощую фигуру с винтовкой. Синие глаза блестели в темноте.

– Я останусь с Уиллом Генри, – сказал Малакки.

Он остался.

И тут появились Антропофаги, привлеченные воем и стоном своего подстреленного собрата. Сама земля изрыгала их; могилы вздымались и словно выплевывали их наружу. Долгие годы они рыли туннели, расширяя свои подземные владения, чтобы было где разместить подрастающее поколение. В твердой, каменистой почве Новой Англии, глубоко под могилами, они прорыли сеть туннелей, сравнимых по сложности переплетения с лабиринтом.

Теперь, в ярости от того, что кто-то посмел вторгнуться в их владения, что кто-то ранил их одноплемянника, они приближались со стороны восточной границы «Кольца забоя». Шипящей, хрюкающей, рычащей и клацающей зубами молочно-белой массой они скопились на краю рва... и остановились. Возможно, они учуяли что-то, что им не понравилось, а может, и более глубокий инстинкт подсказал им что-то – инстинкт, приобретенный за годы сражений со своей добычей.

Я услышал, как Кернс крикнул наверху:

– Тихо, ребята, тихо! Только по моему сигналу. Брок, ты готов?

Брок бросил что-то в ответ. Рядом со мной Малакки опустился на одно колено и взвел винтовку. Я был так близко к нему, что слышал его прерывистое дыхание и чувствовал запах его мокрого шерстяного пиджака. По другую сторону от меня безымянная жертва Кернса пришла в себя и схватила меня обеими руками за запястья, непонимающим взглядом глядя мне в лицо.

– Кто ты? – прохрипела она. – Ты ангел?

– Нет, – ответил я, – меня зовут Уилл Генри.

Вдруг голос Кернса громко разнесся над кладбищем:

– Давайте, давайте, красавцы мои! Идите, идите скорее! Праздник начинается!

Эффект, произведенный криками на Антропофагов, был мгновенным. Гигантскими прыжками они двинулись вперед, внутрь «Кольца забоя» – две дюжины сильных, разъяренных монстров, со сверкающими глазами-луковицами и раскрытыми пастями. Как только последний из них перепрыгнул ров, Кернс крикнул:

– Брок, огонь!

И Брок бросил в ров горящую тряпку. Огонь взметнулся на пять футов в высоту. Я ощутил его жар на своих щеках, огонь мгновенно охватил весь ров, заключив внутри «Кольца забоя» всех монстров. Они забегали и заметались в панике, а вокруг взметались языки пламени и черные клубы дыма. Завладев огнем, человечество предопределило судьбу чудовищ.

– К оружию, джентльмены! – крикнул Кернс, перекрывая треск огня, шипение и шорох дождя, визгливые вопли ужаса Антропофагов. – Огонь!

Над нами раздался треск выстрелов, такой сильный, что я испугался, что платформа вот-вот рухнет нам на голову. Уже совсем стемнело, но теперь все озарялось сполохами света из горящей траншеи, а в «Кольце забоя» забоя метались и дергались монстры. Кернс проорал:

– Это все равно что забивать рыбу в бочке!

Что-то размером с мяч приземлилось внутри круга, и тут же земля дрогнула, и раздался оглушительный взрыв гранаты.

– Не вижу, не вижу! – отчаянно бормотал Малакки, поворачивая винтовку то вправо, то влево. – Хоть бы одного подстрелить, Господи, только одного!

И тут его желание было исполнено.

Антропофаги не рождаются с жадной человеческой крови. И, в отличие от одинокой акулы или орла, не рождаются они и охотниками. Им приходится, как львам и волкам – как и людям, кстати, – учиться у старших. Взрослыми Антропофаги становятся в возрасте тринадцати лет, а до этого они кормятся тем, что осталось после взрослых. Это период обучения, проб и ошибок, наблюдений и подражания. Один из поразительных фактов: Антропофаги очень заботятся о своих младших. Только в экстремальных случаях – одним из таких был случай на злосчастной «Феронии», описанный капитаном Варнером, когда младшего съели, – Антропофаги приносят их в жертву. Такие случаи и ввели в заблуждение Вальтера Скотта и Шекспира, называвших Антропофагов каннибалами (с тем же успехом людей тоже можно было бы назвать так, ибо известны случаи, когда в экстремальной ситуации мы поедали себе подобных). Всем племенем Антропофаги обучают и защищают своих отпрысков и в случае опасности прячут их подальше.

Один молодой Антропофаг примерно моего возраста не перепрыгнул через ров вместе со всеми. Может, испугался, а может, просто не успел, как уже взметнулся огонь. Невидимый за языками пламени, он обогнул «Кольцо забоя» и оказался между деревьями как раз в том месте, где прятались мы. Его нападение было неуклюжим, а возможно, и первым в его жизни.

Мы не слышали, как он подкрался, и только когда он вышел из-за дерева, открывая пасть и протягивая вперед когтистые руки так, как это делали взрослые Антропофаги, Малакки обернулся и заметил его. Этих нескольких драгоценных секунд было достаточно, чтобы Малакки развернулся и выстрелил, не прицеливаясь. Я не сомневался, что он промахнулся, как промахнулся бы я или любой другой на его месте. Он попал Антропофагу ровно между глаз – рана, смертельная для человека. Но, как заметил Доктор, у Антропофагов между глаз не располагается никаких жизненно важных органов. Выстрел просто замедлил его приближение, но не настолько, чтобы Малакки успел перезарядить ружье. Он и не попытался, а просто изо всех сил вбил винтовку прямо в разверзшуюся над ним пасть. Пасть захлопнулась – и щепки винтовки вместе с кровью и зубами полетели во все стороны. Малакки сделал шаг назад... оступился... упал... Еще секунда, и ревущий Антропофаг схватил бы его – но я был всего в трех-четырех футах, и пуля из моего револьвера вонзилась ему в руку, протянувшуюся к лицу Малакки и уже царапнувшую его ногтями по щеке. Это был мой первый – и последний – выстрел. Безголовая тварь тут же позабыла про Малакки и сосредоточилась на мне. Я и глазом не успел моргнуть, как молодой Антропофаг вырвал пистолет Доктора из моей руки и схватил меня за горло. Он приподнял меня за шею на несколько дюймов над землей и потащил к себе в клацающую пасть.

Я никогда не забуду, хотя с тех пор прошла уже целая жизнь, ужасный запах, которым он дохнул на меня, и вид спускающихся вниз по глотке рядов острых зубов. Этот вид я смог бы рассмотреть и получше, если бы не Малакки. Он накинута на монстра сзади и повис у него на спине. Мне этого было достаточно. Слова Доктора эхом отозвались у меня в голове: «Если не прицелиться получше, бей его в глаз – это их уязвимое место». Я выхватил из-за пояса нож и вонзил его Антропофагу в черный непроницаемый глаз по самую рукоятку. Антропофаг забился в агонии, пытаясь еще и сбросить Малакки со спины, а я для верности провернул лезвие пару раз, выдернул нож и вонзил монстру в другой глаз. Слепленный, окровавленный, он с рычанием заметался, хлопая когтистыми лапами, словно мы играли в прятки – страшная пародия, – и рухнул на колени, бешено раскачиваясь взад-вперед.

Нас спасло то, что в бессонную ночь, когда Доктор делал вскрытие в лаборатории, я вынужден был делать записи под его диктовку. И хотя тогда я валился с ног от усталости, я наблюдал и запоминал, как и младшие Антропофаги. Так что теперь, видите ли, я знал, в отличие от многих, где именно у этих монстров находится мозг.

И я вонзил нож Антропофагу именно в это место – между нижней челюстью и гениталиями. Вот и все. Монстр окаменел и рухнул на землю, раскинув руки.

Я тоже рухнул рядом, прижимая к животу нож дрожащими руками, едва переводя дыхание после пережитого шока. Рука опустилась мне на плечо, я инстинктивно поднял нож – но это был всего лишь Малакки. Его лицо было заляпано грязью, на щеке виднелись царапины от когтей Антропофага.

– Уилл Генри, ты ранен?

Я помотал головой.

– Я – нет. Но он – да. Я убил его, Малакки. Убил гада!

Он улыбнулся. И улыбка оказалась ярко-белой на грязном лице.

Кернс был прав в своем предсказании: все заняло не более десяти минут. Вскоре появился Доктор.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил он.

– Уилл Генри убил Антропофага, – объяснил Малакки.

– Уилл Генри! – воскликнул Доктор. Он посмотрел на меня с удивлением.

– Он спас мне жизнь, – добавил Малакки.

– И не только твою, – сказал Уортроп. Он опустился на колени перед женщиной, потрогал пульс, поднялся.

– Она потеряла сознание – и большое количество крови. Мы должны немедленно доставить ее в больницу.

Он поспешил прочь, чтобы организовать перевозку, а Малакки подобрал черенок винтовки и подошел к «Кольцу забоя», где уже собрались все мужчины. Я не видел Кернса. Доктор почти тут же вернулся с О'Брайаном, и все вместе мы отнесли женщину к телеге.

– Что я скажу врачам? – спросил О'Брайан.

– Правду, – ответил Уортроп. – Вы нашли ее раненой в лесу.

Мы тоже подошли к «Кольцу забоя». Никто не говорил. Как будто мы все ждали чего-то, но никто не мог сказать чего. Казалось, все в шоке. Лица мужчин покраснелись, дыхание было прерывистым. Дрожащими руками Морган набил трубку, и огонь спички отразился в его запотевших очках. Уортроп кивнул мне следовать за ним и перепрыгнул через ров. Мы оказались внутри «Кольца забоя», тут я и увидел Кернса. Он бродил среди оторванных конечностей и бледных тел, от которых в сыром воздухе поднимался пар.

– Уортроп, дай мне свой револьвер.

Я протянул револьвер Кернсу.

Он пнул ногой одного монстра, тот слегка схватил его за ногу – и Кернс добил его из револьвера... Так он сделал еще несколько контрольных выстрелов. Потом вернул пистолет Доктору.

– Сосчитайте их, потом сравним результаты, – сказал он.

Я насчитал двадцать три, Уортроп тоже. И Кернс.

– Есть еще один, сэр, – сказал я, – он под платформой.

– Под платформой? – удивленно поднял брови Кернс.

– Я убил его.

– Ты убил Антропофага?

– Я подстрелил его, а потом выколол глаза и выбил мозг.

– Выбил мозг! Вот уж действительно начинающий ассистент монстролога! – рассмеялся

Кернс. – Уортроп, наградите мальчика главной медалью Общества Монстрологов за храбрость!

Улыбка растаяла на его лице, глаза потемнели.

– Итак, в сумме – двадцать четыре. Добавим еще трех-четырех молодых, которые бежали и спрятались где-то. Получится двадцать семь – двадцать восемь.

– Но мы предполагали, что примерно столько и будет, – сказал Уортроп.

– Да, вот только... Мы, конечно, подсветим сейчас, чтобы удостовериться, но пока я что-то не вижу среди них той одноглазой – матери всего племени. Уортроп, ее здесь нет.

Когда Морган присоединился к нам среди трупов Антропофагов, над которыми вздымался пар, он уже немного пришел в себя. Самообладание постепенно возвращалось к нему, хотя возвращаться-то было особо нечему, настолько события последних дней выбили его из колеи. Но, по крайней мере, он был снова в состоянии почувствовать себя слугой закона. Он строго обратился к Кернсу тоном, не допускающим возражений:

– Вы под арестом, сэр.

– На каком основании? В чем меня обвиняют? – спросил Кернс, кокетливо похлопывая глазами.

– В убийстве!

– Она жива, Роберт, – сказал Уортроп. – По крайней мере, была жива, когда ее увозили.

– Тогда в попытке убийства! В похищении! В безрассудном риске! И...

– В охоте на безголовых монстров до наступления сезона охоты, – с готовностью предложил Кернс.

Морган обернулся к Доктору:

– Уортроп, я опирался на ваше мнение в этом вопросе. Я доверился вам как эксперту!

– Ну так и что? – сказал Кернс. – Проклятые твари мертвы. В чем претензии?

– На вашем месте я приберег бы эти аргументы для суда, мистер Кернс.

– Доктор, – поправил его Кернс.

– Доктор Кернс.

– Кори.

– Кернс, Кори, мне плевать! Пеллино, вы знали, что он собирается сделать? Вы знали, что находилось в том ящике?

– На твоём месте, Уортроп, я бы не стал отвечать, – сказал Кернс. – Я знаю прекрасного адвоката в Вашингтоне. Если хочешь, я тебя с ним познакомлю.

– Нет, – ответил Доктор Моргану. – Я не знал, что в ящике. Но я подозревал.

– Я не виноват в том, что они – людоеды и ничего другого не едят, – сказал Кернс. – Равно как не виноват и в том, что они здесь появились. Но я понимаю, констебль. Это – ваша благодарность. Вы – человек закона, а я – человек... – Он не стал заканчивать фразу. – Вы наняли меня для выполнения определенной работы и дали определенные обещания, которые

вы обязались соблюсти по окончании этой работы. Так позвольте мне действительно ее закончить прежде, чем вы нарушите свое слово.

– Я не давал вам никакого слова! – замотал головой Морган и вдруг замер. Кое-что из того, что сказал Кернс, начало доходить до него. – Что вы имели в виду, сказав «действительно закончить»?

– Есть большая вероятность, что Антропофаги еще остались, – осторожно сказал Уортроп.

– Еще? Сколько еще? Где? – Морган стал судорожно оглядываться по сторонам, словно ожидая, что сейчас следующая партия монстров возникнет прямо на краю рва.

– Мы не узнаем где, пока не попадем туда, – сказал Кернс.

– Попадем куда?

– В их милое гнездышко, констебль. Туда, где они живут.

Но констебль отказался даже говорить на эту тему. Вместо этого он собрал своих людей, поблагодарил их за храброе участие в сражении, которое он сравнил с битвой при Ватерлоо, и отдал команду собрать тела монстров в одну кучу, чтобы их уничтожить.

Мы с Малакки присоединились к грязной работе. Мы притащили тело убитого мной молодого Антропофага из-под платформы и положили его в общий погребальный костер. Дальше ужасный холм облили остатками горячего из канистры.

Кернс зажег спичку и сказал:

– Покойтесь с миром.

И только тогда бросил спичку в центр кучи. Пламя взлетело до самого неба. Вскоре послышался запах горелой плоти. Я не впервые чувствовал его. Глаза у меня заслезились, не столько от дыма, сколько от воспоминаний, вспыхнувших ярко вместе с пламенем. Чья-то рука легла мне на плечо. Я обернулся и увидел Малакки. В его синих глазах отражался свет костра. По раненой щеке скатывалась слеза. От костра шло тепло, но Малакки был скован ледяной тоской – ледяной, как могильные камни.

Бедный! О чем он думал, глядя на горящих монстров, как не о своей семье, о Майкле и об отце, о матери, прижимающей к себе младенца переломанными руками, о любимой сестре Элизабет, которая прибежала к нему за спасением, а встретила смерть? Чувствовал ли он облегчение сейчас? Свершилось ли, по его мнению, правосудие? «Я тоже мертв... внутри ничего нет», – сказал он мне. А сейчас? Воскресил ли его этот костер из оторванных конечностей и торсов, сваленных в кучу?

Я остро сочувствовал его горю, потому что мы были братьями по несчастью – такому, когда все дороги ведут только к неизбывному горю и чувству вины. Есть ли чудодейственное средство, волшебный эликсир, придуманный людьми или богами, способный исцелить нас и облегчить агонию? Вот уже год прошел с тех пор, как я потерял своих родителей, а память все еще терзает мою душу, словно та ночь, когда наш дом сторел дотла, была только вчера. Да и сейчас, восемьдесят лет спустя, они все еще тлеют в руинах – черные, скрюченные трупы моих родителей. Я слышу их крики так же отчетливо, как скрип этой ручки по бумаге, когда я пишу сейчас, как шум вентилятора на своем столе, как щебет птицы за окном. Я вижу отца таким, каким он был перед смертью, с той же отчетливостью, с какой вижу календарь, висящий сейчас на стене, отмеривающий дни моей жизни, или солнечный свет на лужайке, над которой порхают стрекозы и бабочки.

Почти неделю отец лежал в постели, охваченный жестокой лихорадкой, накатывающей и спадающей, как прилив и отлив. Только что он горел, как в огне, а уже в следующий миг стучал зубами от холода, и не хватало одеял, чтобы его согреть. Ничто не задерживалось у него в желудке, а на третий день страданий по всему телу у него стали появляться ярко-красные пятна размером с полмонеты. Моя мать, игнорируя его протесты («Это просто температура, ничего страшного»), пригласила семейного врача, который поставил диагноз «опоясывающий

лишай» и обещал полное выздоровление. Мать это не убедило: отец недавно вернулся домой из поездки с Уорттропом неизвестно куда, и она подозревала, что он подхватил какую-то редкую тропическую болезнь.

У отца стали выпадать волосы; они вылезали клочьями, и даже его борода и брови осыпались, как осенние листья. В панике мать послала за Уорттропом. К этому моменту красные пятна на теле отца стали воспаляться, на них появились молочно-белые точки размером с булавочную головку, дотрагиваться до них отцу было больно. Даже прикосновение ночной рубашки к одной такой точке заставляло его биться в агонии. Поэтому он вынужден был лежать неподвижно поверх одеяла, беспомощно отдавшись боли. Он не мог есть. Он не мог спать. К тому моменту как пришел Уорттроп, он впал в состояние почти полного беспамятства. Казалось, он не узнал Доктора и был не в состоянии отвечать на вопросы о своем состоянии. Доктор осмотрел язвы и взял кровь на анализ. Он посветил ему в глаза и посмотрел горло, взял образцы волос, оставшихся на подушке и одеяле. Отец к тому времени был уже совершенно лысый. Уорттроп измерил и нам с матерью температуру, и нам посветил в глаза, и взял анализ крови.

– Вы знаете, что с ним, – сказала мать.

– Возможно, это лишай, – сказал Доктор.

– Но это не лишай, – настаивала она. – Вы это прекрасно знаете. Скажите, что на самом деле с моим мужем. Пожалуйста, Доктор Уорттроп!

– Не могу, Мэри, потому что я не знаю. Мне нужно сделать анализы.

– Он выживет?

– Думаю, да. Возможно, он будет жить еще очень долго, – добавил он загадочно. – А пока попробуйте прикладывать ему горячие компрессы – такие горячие, какие он только сможет выдержать. Если что-то изменится – в лучшую сторону или в худшую, – немедленно пришлите ко мне вашего мальчика.

Предписанное Доктором лечение дало временную передышку от боли. Мать опускала кусочки нарезанной простыни в чан с кипящей водой и, вытащив их щипцами, прикладывала к язвам на теле отца. Но стоило только ткани начать остывать, как боль возвращалась. Теперь к ней добавился еще и невыносимый, сводящий его с ума зуд. Компрессы превратились для матери в изнуряющую, непрекращающуюся работу. Она только и делала, что перебежала от кровати к печи и назад, и так час за часом, день и ночь, пока наконец она однажды не выдержала и упала на мою кровать вздремнуть хоть чуть-чуть, а ее обязанности перешли ко мне. Мои тревога, забота и страх – невыносимо острые на ранней стадии его болезни – теперь вылились в непрерывную заботу и уход. Ребенок беззащитен перед болезнью родителя, он не может видеть, как тот лежит в постели и страдает. Родители – они же как солнце над к головой – всегда были, есть и будут, ребенок себе и представить не может по-другому. Если слег отец, где гарантия, что завтра солнце не упадет в океан?

Заключительный этап наступил в одну из тех полночных передышек матери, когда она удалилась в мою комнату, чтобы приткнуться поспать на пару минут. Я выскочил на улицу принести дров, а когда вошел обратно в кухню, обнаружил, что отец встал с кровати впервые за очень долгое время. С момента болезни он похудел на двадцать фунтов, и ночная рубашка болталась на нем. Он беспокойно стоял у печи с безумным выражением глубоко запавших глаз. Он пристально посмотрел на меня, повернув скелетообразную голову, когда я позвал его, и прошипел тихо:

– Горит. Горит.

Он протянул мне одну руку, изъеденную язвами, со словами:

– Они не оставят меня в покое. Смотри!

В немом ужасе я смотрел, как он провел ногтем по одной из язв, вскрывая белый нарыв. Извивающаяся, волокнистая масса бесцветных червячков выдавилась наружу. Они были не толще человеческого волоса.

– Даже мой язык, – простонал он. – Когда я говорю, нарывы лопаются, и я глотаю этих червей.

И отец заплакал. Слезы его были с примесью крови, и в них тоже извивались маленькие червячки.

Я почувствовал отвращение и ужас, но не мог двинуться с места. Мне было не постигнуть меры его страданий, и я не мог ничем облегчить их. Тогда я не знал, что это за существа, населившие тело отца и атакующие его изнутри. Я не был еще под опекой Доктора и ни разу не слышал слова «монстрология».

Я знал, как выглядят монстры – какой ребенок не знает? – но, как все дети, когда я думал о монстрах, я представлял себе жутких уродливых зверюг, и характерным для них всех было только одно – их огромный размер. Но монстры, как я знаю теперь, бывают всех возможных видов и размеров, и только их аппетит к человеческому телу определяет их суть и название.

– Убить их, – пробормотал отец вслед за этим, не имея в виду, что это должен сделать я, а просто как вывод его измученного ума. – Убить их.

Прежде чем я успел как-то отреагировать, он открыл дверь печи, голой рукой вытащил тлеющее полено и приложил его горячим концом к язвам на руке. Тут же он запрокинул назад голову и издал нечеловеческий крик, но сумасшествие большее, чем боль, двигало его рукой. Рукав его рубашки занялся пламенем, огонь перекинулся на всю рубашку, и через пару секунд мой отец превратился в пылающий факел. Обожженная кожа стала трескаться, словно земная кора во время землетрясения. Трещины, странно обескровленные, пробегали от одной язвы к другой, и из вскрытых нарывов вытекали белые тонкие черви. Они каскадом стекали с его плачущих глаз, вываливались из носа, вытекали из ушей, фонтаном били изо рта. Он упал спиной на раковину, и пламя перекинулось на занавески. Я стал кричать и звать маму, потому что дым и запах горящего тела уже наполнил кухню. Она ворвалась в кухню с моим детским одеялом в руках и попыталась накинуть его на остова отца, не переставая кричать мне:

– Беги, Уилл Генри! Беги прочь! Беги!!!

К этому времени пламя уже достигло стен и взбиралось к деревянным перекрытиям потолка. Дым был таким густым, что я стал задыхаться и открыл дверь за спиной, чтобы впустить немного воздуха, но ворвавшийся воздух лишь еще сильнее разжег огонь. Сквозь рыжую пелену огня и вихри сажи я увидел, как отец вцепился в мать. Так их и запечатлела моя память: она – в объятиях отца, оба – в объятиях пламени.

Сейчас, стоя у костра, в котором догорали Антропофаги, я с содроганием вспоминал ту ночь. Малакки спрашивал меня, что же я тогда сделал, и я ответил ему – сбежал. И это было правдой: я сбежал тогда, и я бегу до сих пор. Бегу от запаха горячей плоти, запаха горящих волос моей матери, бегу от криков и воя, когда позади меня обрушился потолок. Бежал тогда, бегу сейчас и буду бежать еще бог знает сколько. Говорят, время лечит, но это – не мой случай. Нет лекарства, нет облегчения моей ноше. Я все еще слышу голос матери, когда пламя уже охватило ее рот, она продолжала кричать:

– Уилл! Уилл! Уилл! Где ты?!

И я отвечаю: «Я здесь, мам. Я здесь, уже старик, чье тело время милосердно подточило, но чью память немилосердно оставило нетронутой».

Я вырвался; я связан по рукам и ногам.

Я сбежал; я навсегда остался там.

Часть двенадцатая. «Кормушка»

Обращаясь к до смерти уставшим людям, собравшимся вокруг черных обуглившихся остовов Антропофагов, под непрекращающимся проливным дождем, монстролог заговорил:

– Джентльмены, наша работа еще не закончена. Есть еще один монстр, который смог спрятаться, прихватив с собой нескольких самых дорогих соплеменников – своих отпрысков. Это самка, и она будет защищать свое потомство до последнего дыхания с яростью, во сто крат превосходящей всю ту, что вы видели сегодня ночью. Она – их праматерь, Ева их клана. Правительница, не имеющая себе равных. Она – самый коварный и беспощадный убийца в этом племени убийц. Ее превосходство – в обостренных инстинктах и негибимой воле. Она – их сердце, их алмаз, их путеводная звезда. Она – глава рода – и она ждет нас.

– Вот и пусть ждет, я так считаю, – крикнул констебль. – Мы перекроем все выходы, и она сдохнет от голода. Нет никакой необходимости гнаться за ней.

Уортроп покачал головой:

– В их логово может вести куча ходов и отверстий. Перекрыть все невозможно. А пропустив один, мы все наши усилия сведем на нет.

– Мы выставим круглосуточный патруль, – настаивал Морган. – Рано или поздно она должна вылезти наружу, и когда это произойдет...

– Она снова убьет кого-нибудь, – закончил за него Уортроп. – Сейчас или никогда. Пока она уязвима, защищая потомство. Все ее внимание сосредоточено только на этом. Другой, лучшей возможности, чем сегодня ночью, нам может не представиться. Потом она может перенести своих отпрысков в другое место – и тогда пиши пропало. Весь ритуал Маори можно будет проводить еще раз с самого начала.

– Найти ее сегодня? Но как? И где? Как вы предполагаете ее разыскать?

Уортроп мялся с ответом, зато Кернс взял слово:

– Не знаю, что предложит Пеллино, но я думаю, стоит воспользоваться центральным входом в логово Антропофагов.

Он повернулся к вершине холма, и все, проследив за направлением его взгляда, уперлись в мавзолей семейства Уортропов. Его алебастровые колонны отсвечивали, как отполированные кости, при свете пламени.

Мы поднялись на вершину холма к последнему месту отдыха предков Доктора. По обе стороны от нас шли помощники Моргана, усталые, с покрасневшими глазами; двое – впереди как разведчики, двое – с факелами в руках, освещая дорогу, еще двое несли один из чемоданов Кернса. Мы с Малакки шагали вместе, немного позади Моргана и Докторов. Они переговаривались всю дорогу от костра до мавзолея, но слов я разобрать не мог. Подозреваю, они снова спорили, каким образом Антропофаги попали сюда. У портика Уортроп приказал людям Моргана оставаться снаружи. Он был уверен, что все это глупая ошибка и мы не пробудем долго внутри мавзолея.

Центральный коридор разделял здание на две секции. Предки Доктора покоились под каменными плитами по обе стороны. Их имена были выгравированы на памятниках. Прапрадед Уортропа построил этот фамильный склеп так, чтобы он прослужил еще дюжине поколений. Оставалось еще много свободных мест, ждущих своих владельцев, – белые мраморные плиты, пока без гравировки.

Мы прошли по всей длине отзывающейся эхом гробницы, немного притормозив, когда Уортроп остановился на мгновение перед могилой своего отца. Он посмотрел на надгробие в молчании; лицо его было непроницаемо. Кернс провел пальцем по гладким стенам, непрерывно обшаривая взглядом все вокруг – стены, потолок, пол. Морган нервно потягивал погасшую трубку, и этот звук, как и наши шаги, эхом разносился под высокими сводами и арками мавзолея.

По дороге обратно к выходу Уортроп обернулся к Кернсу и сказал, не в силах сдержать победоносную улыбку:

– Я же говорил.

– Это был бы самый логичный выбор, Пеллино, – рассудительно сказал Кернс. – Меньше риск того, что за ним будут следить, далеко от посторонних взглядов, а если кто-то и увидит, то вряд ли спросит, что он здесь делает. По этой же причине он выбрал кладбище как место, где их можно держать.

– Я бывал здесь неоднократно, я заметил бы, – настаивал Уортроп.

– Ну, я сомневаюсь, что твой отец повесил бы над дверью в мавзолей табличку «Осторожно! Монстры!», – ответил Кернс с улыбкой.

Вдруг он остановился, и его взгляд впился в блестящую медную табличку, украшенную семейным гербом Уортропов, привинченную к каменной стене. К нижней части таблички была прикреплена витиеватая серебряная буква «У».

– А это что такое? – спросил он.

– Это семейный герб, – сухо ответил Уортроп.

Кернс похлопал себя по ноге и пробормотал:

– А где мой охотничий нож?

– Он у меня, сэр, – сказал я.

– Отлично, – воскликнул он, – окропленный кровью Антропофага. Я забыл! Спасибо, Уилл!

Он подцепил концом ножа одну сторону таблички, пытаясь отсоединить ее от стены. Когда не получилось, он попробовал с другой стороны. Уортроп потребовал сказать, что он делает; Кернс ничего не ответил. Он рассматривал табличку, хмурясь и поглаживая усы.

– Интересно... – Он протянул нож мне назад и положил ладонь на серебряное «У». Буква повернулась по часовой стрелке под его рукой и остановилась, перевернутая. Кернс удовлетворенно хохотнул.

– Ах ты хитрец, Алистер Уортроп. Теперь буква «У» превратилась в стрелочку! А стрелочка – это указатель. – Он мягко надавил на букву, и табличка откинулась с одной стороны, как дверца, обнаруживая в стене небольшое углубление, похожее на тайник. Внутри были часы, стрелки стояли, замерев, на цифре двенадцать.

– «Все чудесатее и чудесатее», – процитировал Кернс. Мы собрались вокруг него, заглядывая внутрь через его плечо. – Поставить часы не где-нибудь, а здесь! Какое дело мертвецам до времени?

– Какое дело? – эхом отозвался Морган.

Кернс протянул руку и дотронулся до минутной стрелки. Он склонился ухом к отверстию в стене и, прислушиваясь, перевел стрелку на пятнадцать минут первого. Затем хмыкнул и выпрямился, чтобы улыбнуться Моргану.

– Мертвецам нет дела до времени, констебль. И это – никакие не часы.

Он повернул часовую стрелку на 12, надавил руками на мрамор, расставил ноги для баланса и изо всей силы оттолкнулся от камня.

– Это же нелепо! – воскликнул Уортроп. – Мы теряем драгоценное вре...

– Нет, должно быть какое-то число, которое имело для него определенный смысл, – прервал Кернс, – не настоящее время суток. Какая-то дата, или номер псалма из Библии, или что-то из Евангелия. – Он пощелкал пальцами. – Ну, вспоминайте, какие-нибудь самые цитируемые слова!

– Псалом двадцать три, – предложил Малакки.

– Недостаточно часов, – возразил Морган.

– Может, военное время?

Кернс поставил часы на 8:23. На этот раз они вместе с Малакки, который, казалось, заразился возбуждением Кернса, надавили на часы, но огромная плита не шелохнулась.

– От Иоанна 3:16, – предположил Малакки.

Безрезультатно. Уортроп хмыкнул с отвращением.

– Пеллино! – позвал Кернс. – В каком году родился твой отец?

Доктор отмахнулся от него. Кернс снова принялся вглядываться в часы, поглаживая усы.

– Возможно, год рождения Пеллинора?

– Или его жены, или его годовщина, или вообще любая комбинация, – раздраженно пропыхтел констебль. – Это безнадежно.

– Час ведем, – раздался позади нас голос Уортропа. Я заметил печаль в его глазах – приятие неприемлемого, признание неизбежного. Сделанный вывод.

– Час ведем приближается, – сказал Уортроп. – «Колокол звонит, Час ведем приближается, и сам Христос подвергается насмешкам...» Это цитата из дневника моего отца.

– Полночь? – спросил Кернс. – Но мы это уже пробовали.

– Час ведем – на час позже. Час ночи.

Кернс колебался, но, пожав плечами, перевел стрелки на час ночи. Но стена снова не поддавалась, даже когда мы все навалились на нее.

– Скажи-ка еще раз, как там у него написано? – спросил Кернс. – «Тот час, когда сам Христос подвергается насмешкам»?

– После суда над ним насмеялись римские солдаты, – сказал Малакки.

– Во сколько это было?

Малакки покачал головой:

– В Библии ничего об этом не говорится.

Уортроп задумался на мгновение, сосредоточив все свои силы на решении загадки.

– Не римские солдаты, – сказал он медленно, – а ведьмы. Час ведем – три часа ночи, в осмеянии Троицы и искажении часа Его смерти. – Он глубоко вздохнул и решительно кивнул: – Три часа, Кернс. Я уверен в этом.

Кернс установил стрелки на три часа, механизм внутри мягко щелкнул, и, прежде чем Кернс или кто-нибудь другой успел попробовать, Уортроп сам навалился на плиту. С гулким скрежетом потайная дверь отъехала внутрь, образовав с одной стороны проход, через который могли одновременно пройти два человека. Из темной расщелины не доносилось ни звука, только повеяло запахом разложения и гнилых фруктов, который мне, к сожалению, стал уже хорошо знаком. То, что было за мраморной дверью, было черным и глухим, как могила, и пахло смертью.

– Отлично! – радостно воскликнул Кернс. – Может, нам кинуть монетку, кто пойдет первым?

Малакки выдернул лампу у меня из рук.

– Я пойду, – заявил он хмуро. – Это моя работа; я заслужил ее.

Кернс выдернул лампу из рук Малакки:

– Это моя работа; мне за нее платят.

Уортроп выдернул лампу из рук Кернса:

– А я – наследник.

Он посмотрел на Моргана, тот понял его взгляд по-своему:

– Я присмотрю за Уиллом Генри.

Прежде чем Малакки или Кернс опомнились, Уортроп нырнул в проем. Свет лампы стал меркнуть и вот совсем пропал. Несколько невыносимо долгих минут мы ждали, не говоря ни слова, напрягая слух в надежде услышать хоть какой-нибудь звук из непроницаемой тьмы за потайной дверью. Наконец, мы вновь увидели свет лампы и прямую тень Доктора, а потом и его самого. Я никогда еще не видел его таким изнуренным.

– Ну что, Уортроп, что вы там нашли? – нетерпеливо спросил Морган.

– Лестницу, – тихо ответил Доктор. – Узкую лестницу, спускающуюся вертикально вниз. Она упирается в дверь. – Он обернулся к Кернсу: – Ты был прав, Джек.

– А разве я хоть раз ошибался, Пеллино?

Доктор не ответил.

– Эта дверь заперта.

– Хороший знак, – сказал Кернс, – но при плохих обстоятельствах. Сомневаюсь, что отец завещал тебе ключ от нее.

– Отец завещал мне много чего, – мрачно ответил Уортроп.

Кернс приказал принести в спальню свой чемодан и быстро разложил предметы для охоты: дополнительную амуницию для винтовок; шесть оставшихся гранат; сумку с мешочками какого-то порошка – примерно две дюжины (по форме и размеру они напоминали чайные пакетики); туго свернутый моток толстой веревки; связку длинных трубок с короткими толстыми наконечниками, выступающими с одной стороны.

– Что это, Кори? – спросил Морган, указывая на связку. – Динамит?

– Динамит! – воскликнул Кернс и хлопнул себя по лбу. – Вот о чем мне надо было подумать!

Он вытащил из чемодана три сумки из мешковины и упаковал в каждую по две гранаты, пули и горсть пакетиков с порошком. Потом похлопал себя по пустым ножнам на икре и потребовал свой нож.

– Он у меня, – сказал я и протянул ему нож.

– Как это он все время оказывается у тебя, Уилл Генри? – спросил он игриво.

Он перерезал ножом веревку, стягивающую трубки, и положил по одной в каждую сумку.

– Это осветительные ракеты долгого горения, констебль, – сообщил он Моргану. – Яркий свет для темного дела.

Он перекинул одну сумку через плечо, другую протянул Доктору. Третья сумка качнулась в направлении констебля.

– Бобби, ты с нами? – спросил он. – Или предоставишь эту привилегию одному из своих храбрых волонтеров?

Малакки вырвал сумку из рук Кернса:

– Я пойду!

– Твое рвение достойно восхищения, но я боюсь, оно повлияет на твои суждения, – резонно ответил Кернс.

– Эта одноглазая тварь разорвала мою сестру у меня на глазах, – бросил Малакки в ответ, – я иду с вами!

Кернс ответил лучезарной улыбкой:

– Очень хорошо. Но если твоя жажда крови будет мешать мне выполнить свою задачу, я пушу тебе пулю в лоб.

Он повернулся спиной к измученному мальчику, и его серые глаза радостно сверкнули в свете лампы.

– Все преимущества, джентльмены, на стороне самки Антропофага. Она быстрее нас, сильнее, а хитрость и сообразительность с лихвой заменяют ей недостаток ума. Она знает здесь весь подземный ландшафт и может ориентироваться в непроглядной темноте, чего, как вам известно, мы не умеем. Выбора у нас, разумеется, нет, но свет, освещающий нам путь, нас же и выдаст; она устремится на него, как мотылек на пламя. Ее единственная слабость – основной инстинкт защитить своих отпрысков. Тут она уязвима, и мы сможем этим воспользоваться, если нам повезет оторвать их от нее и лишить материнской заботы. Когда Антропофагам грозит опасность, они прячут младшеньких в самых глубоких местах своего логова. Вот туда-то мы и должны проникнуть, хотя, возможно, нам это и не удастся. Она может встретить нас на полпути или просто подкараулить. Но тут уж ничего не поделаешь. Мы – охотники, но мы же – и добыча!

Он обернулся к констеблю:

– Вы и ваши люди остаетесь наверху: двое патрулируют кладбище по периметру, двое – внутреннюю территорию кладбища, двое – остаются на посту здесь. Она может выскочить наружу, но я сильно в этом сомневаюсь, для нее это не характерно.

– А что, если выпрыгнет? – спросил констебль, часто заморгал совиными глазами.

– В этом случае предлагаю убить ее!

Он хлопнул в ладоши и, светясь от счастья, посмотрел на наши лица, вытянувшиеся от его резкого ответа.

– Ну, вот и прекрасно! Вопросы есть? Дураки рвутся в бой, как говорится. Уилл Генри, будь другом, захвати эту веревку.

– Я так понял, вы идете втроем, – сказал констебль, кладя руку мне на плечо.

– Его мы берем только спуститься до двери, констебль, – сказал Кернс. – Чтобы нам не пришлось возвращаться еще раз за веревкой. Но ваша забота о мальчике – это так трогательно. Ладно, держите. – Он пнул носком сапога скрученную веревку к ногам Моргана. – Несите сами.

Морган посмотрел на веревку так, словно то была змея, свернувшаяся клубком у него под ногами. Его рука соскользнула с моего плеча.

– Что ж... если только до двери, я думаю, тебе ничего не грозит.

– Трогательно, – повторил Кернс с легкой насмешкой. Он повернулся к Доктору, а я поднял веревку. – Пеллинор, после вас.

И вот сквозь черный проем в стене мы последовали за танцующим светом лампы в руке Доктора: сначала Кернс, потом Малакки и в конце я – шаркая и стигбаясь под тяжестью веревки, висящей у меня на плече. Узкая лестница ожидала нас по ту сторону стены. Она спускалась на тринадцать ступеней к небольшой площадке, а там, после крутого поворота направо – еще на столько же. Внизу была узкая камера шесть на шесть футов. Ее стены и потолок были укреплены широкими деревянными досками, похожими на те, какими покрывают корабельную палубу. Вот в это крошечное пространство мы и набились вчетвером; наши бесформенные тени скрючились на деревянной обшивке.

– Вы говорили, здесь есть дверь, – прошептал Малакки, обращаясь к Доктору, – где же она?

– Мы на ней стоим, – ответил Доктор.

Мы посмотрели себе под ноги.

На полу был люк. С одной стороны он был укреплен на шарнирах, а с другой закрыт на массивный навесной замок.

– И нет ключа? – спросил Малакки.

– Конечно, ключ есть, – сказал Кернс. – Просто его нет у нас.

– Не совсем так, сэр, – встрял я. – Думаю, он есть у меня.

Все взгляды устремились на меня, но больше всех удивился Доктор. Я совсем забыл в этой бешеной суматохе рассказать ему про ключ, который я нашел в сундуке его отца. Щеки у меня загорелись от смущения, я сунул руку в карман и извлек старый ключ.

– Уилл Генри?.. – начал Доктор.

– Простите, сэр, – выдавил я, – я собирался вам рассказать, но когда я его только-только нашел, вы были в плохом настроении, так что я решил рассказать вам попозже, а потом я забыл... Простите меня, сэр.

Уортроп взял ключ, изумленно его рассматривая.

– Где ж ты его нашел?

– В голове, сэр.

– Где?!

– В скукоженной голове, сэр.

– А, ясно, – сказал Кернс, – в голове у констебля! – Он отобрал ключ у Уортропа. – Что ж, Уилл Генри снова спасает нас всех. Давайте-ка посмотрим, улыбнется ли нам удача...

Он встал на колени перед замком и сунул ключ в замочную скважину. Раздался скрежет, как в часах в склепе, ключ повернулся – и замок открылся с громким щелчком!

– Полная боевая готовность, – прошептал Кернс. – Она может караулить нас прямо за дверью, хотя я сомневаюсь в этом.

Он взялся за ручку люка и эффектным движением откинул ее – так фокусник открывает свой волшебный ящик, чтобы извлечь оттуда нечто совершенно замечательное, чего никто и никогда раньше не видел.

Крышка люка с силой стукнула об пол, едва не оцарапав мне голень, с громким стуком. Сверху донесся встревоженный крик констебля:

– Что там у вас?!

Раздался шум и топот сапог, быстро спускающихся по ступеням. А снизу, из открывшегося проема, на нас дохнуло такой гнилью, мгновенно заполнившей все крошечное пространство камеры, что Малакки отпрянул в угол и, схватившись за живот, согнулся в три погибели. Сверху, на ступенях, появились констебль и Брок. Они сжимали револьверы в дрожащих руках.

– Боже мой! – воскликнул констебль, судорожно шаря по карманам в поисках носового платка. – Что это за дрянь там внизу?

– Кому дрянь, а кому кормушка, – мрачно сказал Уортроп. – Уилл Генри, передай-ка мне свою лампу.

Он встал на колени у отверстия напротив Кернса и опустил лампу вниз, максимально вытянув руку. Мрак, царящий внизу, казалось, сопротивляется свету. Но я различил гладкую цилиндрическую стену, похожую на перевернутый ствол гигантской пушки. Этот крутой скат спускался вниз футов на десять, а там резко обрывался. Что под ним, я не видел.

– Умно, – пробормотал Кернс с искренним одобрением в голосе. – Кидаешь жертву в дыру, а гравитация делает все остальное.

Он достал из сумки осветительную шашку и зажег. Мрак озарился ярким голубоватым светом. Кернс бросил шашку в яму. Шашка полетела вниз, освещая шахту, потом перекувырнулась в пустом открытом пространстве – и приземлилась на сплошной ковер жуткого мусора, устилающий пол какого-то помещения. Нездоровое любопытство победило отвращение, и все мы склонились над шахтой, чтобы рассмотреть получше, что там, внизу. Рассмотрели...

Все пространство, что освещала шашка, было сплошь покрыто человеческими костями – их было столько, сколько невозможно сосчитать или представить. Тысячи, тысячи тысяч и даже больше. Это были фаланги пальцев и кости бедра, ребра и кости таза, скелеты грудной клетки и позвоночники, некоторые из которых так и торчали вертикально, словно поднятый вверх палец. И черепа, некоторые с остатками волос, большие и маленькие, с открытыми ртами, навсегда заочевенными в отчаянном крике.

– Да их тут тысячи, – пробормотал Морган сквозь спасительный носовой платок, который он наконец-таки нашел и приложил к лицу.

– Тысяч шесть-семь, полагаю, – бесстрастно высказался Кернс. – В среднем два-три в месяц на протяжении двадцати лет, если хотите, чтобы монстры были счастливы и не похудели. Изобретательный и остроумный способ устройства кормушки: при падении жертва, вероятнее всего, ломает себе ноги, сводя к нулю возможность сбежать.

Он поднялся на ноги, перекинул винтовку через одно плечо, а сумку-мешок – через другое.

– Что ж, джентльмены, труба зовет. Констебль, если вы с Броком не откажетесь поддержать для нас веревку, то мы, я думаю, готовы к спуску. Мы готовы, Малакки? Пеллино? Я – готов. У меня прямо голова кружится от предвкушения. Ничто не заставляет мою кровь так быстро бежать по жилам, как настоящая охота!

Выражение его лица полностью отражало его слова: глаза горели, лицо пылало.

– Когда мы окажемся внизу, нам потребуется, чтобы туда спустили наши лампы, констебль. Не хочется тратить осветительные шашки понапрасну. Итак, кто первый? Отлично! – крикнул он, не дожидаясь добровольцев. – Первым пойду я! Констебль, мистер Брок, держите веревку крепче. Пеллинон, Малакки, встретимся в аду – я имею в виду, внизу.

Он сбросил один конец веревки вниз, перекинул ноги через край люка и, ухватившись за нее обеими руками, завис над шахтой. Прежде чем начать спуск, он посмотрел на меня и почему-то подмигнул. Потом, переставляя руки, стал спускаться – веревка натянулась, а Кернс погружался все глубже и глубже в камеру смерти. Наконец, я услышал тошнотворный хруст костей – он приземлился; натяжение веревки ослабло.

– Следующий! – донесся снизу его голос.

Доктор и глазом не успел моргнуть, а Малакки уже ухватился за веревку. Прежде чем исчезнуть в дыре, он посмотрел на меня и сказал:

– Скоро увидимся, Уилл Генри!

Теперь была очередь Доктора. Должен признаться, слова вертелись у меня на кончике языка: «Возьмите меня с собой, сэр!» Но я их не произнес. Что, если он откажется? Что, если согласится? Еще неизвестно, что хуже. Словно читая мои мысли, Доктор посмотрел на меня и сказал:

– Подожди меня здесь, Уилл Генри. Никуда не уходи, пока я не вернусь.

Я кивнул; глаза защищало от подступающих слез.

– Хорошо, сэр. Я буду ждать вас здесь, сэр.

Вот и он скрылся в шахте, отправившись на дно кормушки.

Мы спустили им лампы, и началось томительное ожидание. Я сидел на краю шахты и смотрел на голубоватый свет от шашки, пока он не погас. Еще некоторое время были видны отсветы ламп, но вскоре и они скрылись во мраке.

Брок устроился на нижней ступеньке лестницы и сосредоточенно чистил ногти перочинным ножом. Морган шумно затыкался погасшей трубкой и нервно то снимал и протирал очки носовым платком, то снова водворял их на нос, а платок прикладывал к лицу. Так прошло несколько минут: пыхтение трубкой, протирание очков, возня с платком – и по новой. Наконец, взгляд его беспокойных глаз остановился на мне, и он прошептал:

– Час расплаты настанет, Уилл Генри, я обещаю тебе. О да. Виновные ответят за все свои преступления, я позабочусь об этом!

– Доктор не сделал ничего дурного, – сказал я.

– Что ж, я придерживаюсь другого мнения, мой мальчик. Он знал и ничего не предпринял. И его бездействие привело к убийству, вот и все. Он может говорить себе и тебе, что это было продиктовано осторожностью и рассудительностью, что это было во имя так называемой науки, но все это было не научным исследованием и не зарядкой для ума. Это был вопрос жизни и смерти, и мы оба знаем, что он выбрал! И мы оба знаем причину, по которой он хотел сохранить эту грязную тайну. Чтобы защитить доброе имя Уортропов, ради необоснованной преданности человеку, который, совершенно ясно, был сумасшедшим!

– Не думаю, сэр, – сказал я как можно вежливее, – не думаю, что он верил в виновность своего отца, пока мы не нашли потайную дверь.

Констебль только фыркнул:

– Даже если это так, это не оправдывает его, Уильям Генри. Твоя преданность была бы достойна восхищения, будь это преданность достойному человеку. Я понимаю, ты, пережив такую потерю, боишься потерять теперь и его, но я лично прослежу за тем, чтобы тебе подобрали достойные дом и семью, вне зависимости от того, чем закончится все это жуткое дело. Даю тебе слово: я не успокоюсь, пока ты не обретишь новую достойную семью.

– Мне не нужна семья, я хочу остаться с ним.

- Даже если он выживет, ты не сможешь последовать за ним туда, куда он отправится.
- Вы собираетесь арестовать его? За что?

Я был вне себя от негодования.

– И этого мерзкого Кори, или Кернса, или как там его зовут. Пожалуй, я еще никогда в жизни не встречал более отталкивающего и страшного человека. Он должен молиться, чтобы та бедная женщина выжила после всего того, что он с ней сделал. А он! Мне кажется, он прямо-таки получал удовольствие от этого. Мне кажется, ее страдания доставляли ему удовольствие. Что ж, мне тоже доставит чрезвычайное удовольствие увидеть его на виселице! Вот там и посмотрим, как он будет отпускать свои безобразные шуточки, когда ему на шею накинут петлю!

– Это была ошибка, – настаивал я, продолжая говорить о Докторе. Мне было наплевать, что там будет с Джоном Кернсом. – Вы не можете арестовать его за то, что он просто ошибся, – молил я.

– Еще как могу!

– Но ведь Доктор – ваш друг!

– Я отвечаю в первую очередь перед законом, Уилл Генри. И, честно говоря, хотя я всю свою жизнь знаю Уорттропа, я не знаю его вообще. А ты? Ты целый год прожил с ним под одной крышей, ты был его единственным и постоянным напарником – и что, ты можешь сказать, что понимаешь его? Понимаешь, что им движет, какие силы владеют им?

И это было правдой. Я признался себе в этом. Я знал его не лучше, чем он знал собственного отца. Возможно, это наша судьба, проклятие человечества, – никогда не знать и не понимать друг друга. Мы создаем свое мнение о другом человеке, основываясь на его словах и поступках, и получается хрупкая конструкция, почти мираж, существующий только в нашем сознании. Это – словно храм античным богам, в котором сами боги никогда не жили. Мы понимаем, мы чувствуем структуру, мы любим его – наше собственное произведение. И в то же время... разве нашу любовь можно считать настоящей, если она направлена не на настоящего человека – не на того, кем он является на самом деле? Не подумайте, что я любил монстролога. Этого я не говорю. Нет ни дня, чтобы я не вспоминал о нем и о наших многочисленных приключениях, но это вовсе не свидетельство любви. Не проходит и ночи, чтобы я не увидел во сне его спокойное красивое лицо, не услышал далекое эхо его голоса, но это ровным счетом ничего не доказывает. Повторяю: ни тогда, ни сейчас (надеюсь, я не слишком сильно протестую) я не любил и не люблю монстролога.

– Кто-то зовет, – сказал Брок, и его лаконичное замечание подтвердилось подергиванием веревки. Я склонился над ямой и увидел внизу Доктора; он держал лампу высоко над головой.

– Уилл Генри! – крикнул он. – Где Уилл Генри?

– Здесь, сэр, – отозвался я.

– Ты нам нужен, немедленно спускайся, Уилл Генри!

– Спускайся?! – крикнул констебль. – Что значит «спускайся»?

– Эй, Роберт, немедленно помоги ему спуститься к нам. Пошевеливайся, Уилл Генри!

– Если вам нужна еще пара рук, может спуститься Брок, – крикнул Морган в яму.

Брок оторвался от маникюра; его лицо смешно вытянулось.

– Нет, – отозвался Уорттроп, – нужен Уилл Генри.

Он снова нетерпеливо подергал за веревку:

– Быстро, Роберт!

Морган нерешительно пожевал трубку.

– Можешь отказаться, я не заставляю тебя спускаться, – прошептал он мне.

Я отрицательно помотал головой. У меня как гора с плеч свалилась.

– Я должен спуститься. Я нужен Доктору.

Я ухватился за веревку. Морган схватил меня за запястье и сказал:

– Ладно, отправляйся к нему, но хотя бы не так.

Он обмотал меня веревкой вокруг пояса, так что теперь, спускаясь, я упирался руками в одну стену, а ногами – в другую. Это напомнило мне Санту – как он спускается по каминной трубе.

Потом отвесный туннель закончился, и я повис в воздухе, медленно покачиваясь. Я посмотрел вверх и увидел лицо констебля в рамке люка. Свет лампы отражался в его очках, делая его глаза абсолютно круглыми и слишком большими для его лица. Сейчас он был похож на сову больше, чем когда бы то ни было.

Затем мои ноги коснулись твердой поверхности, и человеческие кости тошнотворно захрустели под моими подошвами, когда я всем своим весом опустился на пол. Запах смерти и разложения был здесь так силен, что я закашлялся, а глаза заслезились. Я смотрел сквозь дрожащую пелену, как Доктор развязывает веревку у меня на поясе.

– Морган! – крикнул он вверх. – Нам понадобятся лопаты!

– Лопаты? – переспросил констебль. Его лицо было теперь очень далеко, почти невидимо в темноте. – Сколько?

– Нас здесь четверо, так что... четыре, Роберт. Четыре.

Уортроп взял меня за локоть и потащил вперед, тихо предупредив:

– Осторожно, не оступись, Уилл Генри.

Это помещение оказалось меньше, чем я предполагал – где-то четыре-пять ярдов в окружности. Стены его, как и стены крошечной площадки у нас над головами, были укреплены широкими деревянными досками, пропитанными влагой. На них были видны выбоины, вмятины и царапины. У подножия стен громоздились останки, иногда высотой в фут, словно штормом прибитые к берегу обломки. Не все жертвы ломали ноги во время падения, как предположил Кернс. Некоторые были в состоянии биться о стены и царапать их ногтями в тщетной попытке выбраться отсюда. Я представил их себе – бедных, отчаявшихся, приговоренных созданий, скребущих и царапающих бездушные доски за секунду до того, как чудовище выскочит из мрака и сомкнет свою пасть над их головой.

Я пытался не наступать на них – когда-то они были такими же, как я, – но это было невозможно; просто их было слишком много. Земля была мягкая, она проминалась под каждым моим шагом, а временами вода булькала под моими подошвами – вода и красновато-черная слякоть. Здесь, куда не проникало солнце и где не дул ветер, вся жидкость из их тел впитывалась в почву и оставалась там. Я шел в буквальном смысле слова по кровавому болоту.

Мы остановились в дальнем конце помещения. Там у входа в туннель ждали Малакки и Кернс. Этот туннель был единственным входом сюда, за исключением люка наверху. Двери не было. Зев туннеля был семь футов в высоту и шесть в ширину.

– Наконец-то наш разведчик, – сказал Кернс, широко улыбаясь мне. Лампа отбрасывала темные тени на его мягкие черты лица.

– Туннель впереди обвалился, Уилл Генри, – объяснил мне Доктор.

– Или его взорвали. Динамитом, я полагаю, – добавил Кернс.

– Идите за мной, – скомандовал Уортроп.

Примерно через двадцать ярдов перед нами выросла стена из неровных глыб земли, камней и разломанных досок. Доктор указал на небольшой лаз внизу.

– Этот проход слишком узок для кого-либо из нас, – пояснил он, – но он может оказаться сквозным. Что скажешь, Уилл Генри? Мы должны знать, насколько велик завал... имеет ли смысл раскапывать его или нужно искать другой способ.

– Динамит! – воскликнул Кернс. – Я же знал, что надо было взять динамит!

– Ну, как? – спросил меня Доктор. – Попробуешь пролезть?

Конечно, я не мог сказать «нет».

– Да, сэр.

– Молодчина! Вот, возьми лампу. И еще – держи, это мой револьвер. Нет, засунь его за пояс, он на предохранителе. Давай, осторожнее, Уилл Генри. Осторожнее и не слишком быстро. Возвращайся при малейшем намеке на опасность. Над тобой, должно быть, несколько тонн земли.

– А если ты все же сумеешь проникнуть на другую сторону, было бы полезно, если бы ты осмотрелся немного, – добавил Кернс.

– Осмотрелся, сэр?

– Да, произвел разведку. Пригляделся бы, что там за место. Ну и, конечно, заметил бы, где прячется враг, если можно.

Доктор помотал головой:

– Нет-нет, Кернс, это слишком опасно.

– А карабкаться через дыру, когда над тобой нависают тонны земли и камней, не опасно?

– Ты же знаешь, Уилл Генри, я ни за что не стал бы просить тебя об этом, если бы была альтернатива, – сказал мне Уортроп.

– У меня есть альтернатива, – встрял Кернс. – Динамит.

– Умоляю тебя, – сказал Уортроп, прикрыв глаза, – ну, помолчи ты хоть раз. Один раз. Пожалуйста.

Он по-отечески похлопал меня по плечу и слегка сжал его:

– Пошевеливайся, Уилл Генри. Но осторожно, осторожно...

Держа лампу перед собой, я пополз через узкий лаз. Спинай я царапался о верх, и земля сыпалась мне между лопаток. Крошечными движениями я продвигался вперед, толкая лампу перед собой. А лаз становился все уже; я вынужден был лечь и ползти на животе; в него впились камни. Не знаю, сколько я так прополз, сжатый со всех сторон. Я не мог даже повернуть голову, чтобы оглянуться. Время тянулось так же медленно, как я продвигался. Воздух стал совсем холодным; пар шел изо рта; я перестал ощущать кончик носа. Спина теперь постоянно прижималась к верху лаза, и я уже боялся, что вот-вот застряну здесь намертво, как пробка в бутылке. И сколько я так продержусь, если меня не откапают?

Дополнительная трудность состояла еще и в том, что лаз не был прямым – он то зигзагообразно петлял, то шел вверх – так, что я должен был отталкиваться пятками.

Вдруг я остановился. Я лег щекой на землю, пытаюсь унять заколотившееся сердце и восстановить дыхание. Только бы не впасть в панику! Потому что это, похоже, конец. Передо мной была глухая стена из комьев грязи и камней. Дальше пути не было. Может, стена и не толстая, а может – в несколько футов, кто знает?

Или узнать все же возможно? Я протянул вперед левую руку и поскреб землю ногтями. Ретироваться сейчас – значит, проползти весь путь, только еще и пятясь назад. Но, что хуже, это значит вернуться без ответа на вопрос, который так нужен Доктору. А я хотел поразить его; я хотел утвердить его во мнении, что я незаменим для него.

То ли подействовало то, что я скреб и царапал стену, то ли вес моего тела пришелся на несчастливое место, но земля подо мной внезапно разверзлась, и я полетел вниз вместе с потоком почвы и камней, выронил лампу, перевернулся вверх тормашками и, наконец, приземлился на попу, клацнув зубами. К счастью, лампа не разбилась при падении; она лежала на боку всего в паре футов от меня. Я дотянулся до нее и поднял над головой как можно выше, но не увидел никакого отверстия или прохода – за моей спиной случился обвал, и я даже не знал теперь, с какой стороны ввалился в эту пещеру. Я измерил ее шагами, беспокойно шаря руками по земляным стенам, и не обнаружил ничего, что указывало бы на то, где я и как мне выбраться. Я оказался в ловушке.

На миг мне почудилось, что сейчас я грохнусь в обморок. Я потерял голову от отчаяния: все люди были по другую сторону завала, через который невозможно пробиться; мне нечем сигнализировать о своем местоположении; я могу прождать здесь помощи не один час, а то и

дольше, если меня вообще смогут найти. Спокойно, Уилл Генри, сказал я самому себе. Спокойно! Что бы Доктор хотел, чтобы ты сделал? Думай! Вернуться ты не можешь. Даже если ты найдешь то отверстие, через которое упал сюда, ты не сможешь подняться обратно, потому что летел ты долго. Так что выбора у тебя нет: сиди и жди, пока они спасут тебя.

Что это было? Мне послышалось или кто-то подкрадывается ко мне сзади? Что-то зашуршало? Какое-то шипение или пыхтение? Я развернулся кругом, лампа, как сумасшедшая, запрыгала в моей трясущейся руке. Другой рукой я потянулся за револьвером Доктора. Слева от меня прыгнула тень, и я инстинктивно повернул револьвер дулом туда и нажал на курок, ожидая услышать выстрел, которого так и не последовало, – я не снял револьвер с предохранителя. И тут, в довершение моего полного провала, я осознал, что тень была моей собственной. Я сделал глубокий вдох и снял револьвер с предохранителя. Чтобы успокоить расшалившиеся нервы, я стал вспоминать свою победу над Антропофагом под платформой – как я его, можно сказать, голыми руками уложил! Я сделал шаг вперед и принялся осматриваться.

Эта яма была примерно такого же размера, как и кормушка. Маленькие кости – кусочки сломанных ребер, зубы и другие части тела, уже невозможно было определить какие, покрывали пол, хотя не таким толстым слоем, как в кормушке. Сам пол был твердым, как цемент, утрамбованный за двадцать лет тяжелыми ступнями Антропофагов. По всему помещению, расположенные на расстоянии друг от друга, возвышались холмики в форме гнезд, примерно восьми футов в диаметре. Всего я насчитал их семнадцать. Странно, но они были разноцветными и переливались, словно украшенные алмазами. После тщательного осмотра с лампой в руке я нашел причину этой странности: гнезда были украшены туго переплетенными обрывками одежды, блузок, брюк, колготок, юбок, нижнего белья. А сверкали при свете лампы многочисленные вкрапления бриллиантовых колец, сережек, ожерелий и браслетов – короче говоря, украшений, которыми мы, люди, так дорожим. Антропофаги украшали свои гнезда нарядами и драгоценностями своих жертв. Я представил себе, как они используют осколки костей, разбросанных по полу, чтобы вычищать из зубов кусочки нашей плоти.

Вдруг из темноты позади меня раздалось пофыркивание и чмоканье. Я развернулся, выставив перед собой револьвер, но никто не набросился на меня из темноты, ни один монстр не поднялся из гнезда во весь рост. Я задержал дыхание и весь обратился в слух, пока мне не показалось, что я понял, откуда исходит этот звук, ритмичный, немного сдавленный. Сравнение может показаться абсурдным, но он был похож на посапывание спящего младенца. Немного учащенный вдох – выдох, вдох – выдох...

Я пошел на звук, и он привел меня к дальнему углу логова, к гнезду у самой стены. Очень медленно я поднял лампу и заглянул через край. Внутри на подстилке в форме половинки скорлупы спал небольшой самец Антропофаг. Он был на удивление маленьким, всего лишь на два-три дюйма выше меня, хотя наверняка килограммов на пятьдесят тяжелее. Чересчур большие глаза на плечах не были закрыты – у этих существ отсутствовали веки, – но были подернуты молочно-белой пленкой, влажной и мерцающей в свете моей лампы. Рот размером с футбольный мяч был открыт, в нем виднелись треугольные зубы. Тут я заметил, что у него нет половины руки, – возможно, подергивания во сне говорят не о сновидениях, а об инфекции. Рука в районе локтя была явно воспалена. Я вспомнил, как мне рассказывали про их ритуал возмужания – доставать остатки человеческой плоти из зубов друг у друга. Возможно, этот сделал неверное движение и ему не повезло – свой же соплеменник оттяпал ему полруки... Из раны шел желтоватый гной. Может, Антропофаг и не спал вовсе? Может, он был без сознания? Обычно бесцветная, кожа его лихорадочно горела и поблескивала от пота. Да, он просто-напросто умирал.

Это все объясняет, подумал я, становясь на колени перед гнездом и с жутким, но завораживающим интересом рассматривая маленького монстра. Одноглазая самка бросила его, потому что теперь он – только бесполезная лишняя ноша. Должен признаться, во мне боро-

лись противоречивые чувства. Я видел собственными глазами жестокость этих существ, видел разрушения и смерть, которые они несли; я чуть сам не лишился жизни в одной из таких пастей. Но все же... все же. Страдание есть страдание, и не важно, что за существо страдает. А это существо, как видно, страдало жестоко. Часть меня испытывала отторжение, а другая часть – огромную жалость. Первая часть была больше, но вторая тоже присутствовала. Я не мог бросить его на произвол судьбы, просто взять и оставить здесь умирать. Это было безрас-судно, потому что вдруг он проснется и начнет плакать, прибежит его разъяренная мамаша и съест меня. Я же не знал, где она затаилась с другими малышами, – может, в нескольких ярдах отсюда, а может, ушла глубоко под землю, в самое дальнее потайное логово?

И я решил: жалость к этому страдающему Антропофагу пересилила здравый смысл. Я решил положить конец его мучениям. Я наклонился, касаясь животом края гнезда, и приставил револьвер доктора к глотке маленького монстра, к месту, расположенному прямо под нижней челюстью. Мне не пришло в голову, что звук выстрела и крик умирающего Антропофага могут далеко разлететься эхом. Я подобрался поближе, чтобы выстрелить наверняка, навел дуло и взвел курок. Этого тихого щелчка оказалось достаточно, чтобы Антропофаг проснулся. Быст-рее, чем я успел моргнуть, он вырвал у меня пистолет здоровой рукой. Он поднялся, рыча и похрюкивая, и ярость его была тем сильнее, что он был ранен и горел в лихорадке. Он нава-лился на меня. Лампа отлетела в сторону. Мы скатились на пол клубком переплетенных рук и ног, он уже вцепился зубами в мой пиджак и дернул, разрывая. Его левая когтистая лапа тянулась к моему лицу, я перехватил его запястье и вцепился изо всех сил. Прямо над собой я видел его глаза, блестящие от лихорадки. В них я увидел отражение своего лица, искаженного страхом. В этом нелепом танце смерти мы врезались в стену, я оттолкнулся и пнул его ногой по гениталиям изо всех сил. Это только взбесило его еще сильнее. Он принялся дубасить меня по голове здоровой рукой, я дернулся вдоль стены в сторону, чтобы избежать очередного удара, – и провалился спиной назад в пустоту.

Наша битва привела нас к горловине в узкой шахте, куда я и полетел, увлекая Антропо-фага за собой. Мы кувыркались в воздухе, переплетаясь руками и ногами, переворачиваясь, как цирковые акробаты, пока не приземлились на кучу камней и рыхлой земли. От удара хватка моя ослабла, и я на миг выпустил его запястье. Это было все, что требовалось монстру: он сунул мою руку себе в пасть и сомкнул зубы. Боль была невыносимой, я взвыл и принялся бить свободной рукой куда попало, пока не задел его рану. Я в отчаянии схватил обрубок его руки и впился в него зубами что было сил. Густой, липкий гной наполнил мой рот и потек мне в горло. Желудок свело судорогой, но план сработал – его хватка ослабла, он выпустил мою руку и отвалился от меня. Рыча от боли, он покатился по полу. Я тоже откатился в сторону и в крошечной тьме разглядел белеющий булыжник размером с дыню. Я схватил его, поднял высоко над головой и что было сил обрушил на извивающегося монстра. Еще, и еще, и еще. Мои крики и рев были еще громче, чем его. Кровь и вонючие куски плоти летели во все сто-роны, забрызгивая меня с ног до головы, залетая даже в открытый в крике рот. Рубашка моя стала мокрой насквозь, кровь монстра стекала по моему телу спереди и сзади, пропитывая и штаны, и сапоги. Вдруг он смолк и обмяк, а я все продолжал обрушивать на него удары, пока не выдохся окончательно и камень не вывалился из моих оцарапанных рук. Я рухнул прямо на его труп, задыхаясь и рыдая в воцарившейся внезапно тишине. Немного придя в себя, я заставил себя встать, и меня тут же вырвало. Я сполз по стене, прижимая к себе и баюкая левую укушенную Антропофагом руку, которая горела, как в огне.

Несколько раз я сплевывал, все пытаясь избавиться от гадкого привкуса во рту. Здоровой рукой я осторожно ощупал рану и насчитал семь проколов от зубов: три сверху и четыре снизу. Надо было в первую очередь остановить кровотечение. Доктор говорил, у Антропофагов сверхразвито обоняние. Я сдернул куртку, порвал на себе рубашку и обмотал ее несколько раз вокруг прокушенной руки. Потом неловко и медленно, как ребенок, который только учится

одеваться сам, я натянул куртку обратно. Ну что ж, пока все не так плохо, успокоил я себя. Два убитых монстра за одну ночь – это уже что-то. Теперь, Уилл Генри, давай-ка попробуй выбраться отсюда и найти своих.

Я пошел вперед, пока не наткнулся на тело своей жертвы. Я перепрыгнул через него и, вытянув руку вперед в поисках стены, медленно пошел, едва дыша и стараясь ступать как можно тише. Я то и дело останавливался и прислушивался. Я не представлял, на какую глубину попал, свалившись в эту шахту. Боль в руке была нестерпимой. Я все еще чувствовал запах крови Антропофага и привкус гноя на кончике языка. Я все шел и шел, опираясь правой рукой о стену. Иногда она проваливалась в пустоту, и это означало поворот туннеля. Может, падая, мы просто попали на другой уровень лабиринта и я теперь брожу по нему из одного темного туннеля в другой, без надежды выйти к свету? Я прислонился к стене, весь дрожа. Да, видимо, все так. Сколько времени прошло? Куда я иду настолько долго? От догадки, пришедшей мне в голову, меня сковал ужас. Но я тут же отбросил эту мысль. Ты, Уилл, идешь вверх, а вверх – значит, к свету. Туда тебе и надо. Интересно, там все еще идет дождь? Как прекрасно было бы почувствовать дождь на своем лице! Вдохнуть сладкий прохладный весенний воздух! Это желание было почти таким же невыносимым, как и боль в руке. Так что я побрел дальше по лабиринту, уверяя себя, что движение вверх – это движение к свету, дождю и легкому ветерку. Все эти воспоминания, казалось, остались в другом времени, в другом измерении, даже принадлежали они как будто не мне, а другому человеку. Словно я украл чужие воспоминания – воспоминания другого мальчика – мальчика, который не заблудился в подземном лабиринте и не борется с безумной паникой и страхом, сковывающим сердце. Потому что теперь ошибки быть уже не могло; пол выровнялся. Я больше не поднимался вверх, а значит, где-то я свернул не туда. Я остановился и прислонился к стене, прижав больную руку к животу. Кроме моего прерывистого дыхания, вокруг не раздавалось ни звука. Света не было. Все мои инстинкты призывали меня начать кричать и звать на помощь. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я полез в узкий лаз, но достаточно, чтобы они уже раскопали завал. Они должны быть где-то здесь – возможно, они совсем близко. Но рискнуть и крикнуть было бы сумасшествием, потому что самка Антропофаг тоже могла оказаться за любым поворотом. С другой стороны, Кернс сказал, что она понесет потомство в самое глубокое и потаенное логово. А я, вне всякого сомнения, последнее время поднимался вверх, а не спускался. Значит ли это, что больше шансов, что мой крик услышат мои друзья, а не она? Может, я больше рискую, сохраняя молчание, бродя в темноте, без воздуха и воды, истекая кровью? Так, во внутренней борьбе – то ли звать на помощь, то ли хранить молчание – шли секунды, превращаясь в минуты, превращаясь в бесконечность...

В конце концов сила духа покинула меня. Я же был всего лишь мальчиком. Мальчиком, много повидавшим на своем веку, испытывавшим столько, сколько не испытывает и иной взрослый, но все же мальчиком, все же ребенком. Я соскользнул вниз по стене и сел, положив лоб на согнутые колени. Я закрыл глаза и стал молиться. Отец был не слишком верующим человеком, и моим религиозным воспитанием занималась мать. Она молилась вместе со мной каждый вечер, а по субботам водила в церковь. Но я был в отца, и молитвы для меня были простым повторением слов. Когда я стал жить у Доктора, все вечерние молитвы и походы в церковь по субботам, конечно, прекратились. Я не расстроился. Но сейчас я молился неистово, я вспомнил все молитвы, которые знал, а когда они закончились, я стал молиться всем своим существом. И вот в тот момент, когда я, раскачиваясь из стороны в сторону, молился с закрытыми глазами, я услышал голос. В отчаянии я сперва решил, что слышу Того, к кому обращаюсь. Но нет, голос был другим. Совершенно другим!

– Так-так, что у нас тут?

Я поднял голову и сощурил глаза от света, исходящего от лампы в его руке. Она ослепила меня, как тысяча солнц. Он взял меня за локоть и помог подняться на ноги.

– Заблудшая овечка нашлась, – прошептал Кернс.

Оказалось, я уступил навалившемуся отчаянию в нескольких шагах от логова Антропофагов.

– Ты везунчик, начинающий ассистент монстролога, – как всегда, игриво сказал Кернс. – Я чуть не пристрелил тебя.

– А где остальные? – спросил я.

– От главного логова Антропофагов – кормушки, в которую мы все спустились, – ведут две основные артерии. Малакки и Уортроп пошли по одному ходу, я – по другому, по тому же, что и ты. А что у тебя с рукой?

Я рассказал о своих приключениях с того момента, как мы расстались. Кернс выразил восхищение моей смелостью в борьбе с молодым монстром. Казалось, он удивлен, с какой ловкостью я выбрался из этого затруднительного положения.

– Бесподобно, просто бесподобно! Отлично сработано, Уилл! Пеллинор будет страшно рад. Он был очень встревожен, когда ты не вернулся. Прямо-таки впал в отчаяние. Никогда еще не видел, чтобы человек работал лопатой с такой скоростью. Развернуть бы его тогда слегка в другом направлении, и он докопался бы до Китая! Ну да ладно, давай лучше посмотрим, что у тебя с рукой. – Он размотал рубашку, заменившую мне бинт. Укусы все еще кровоточили. Кернс повесил окровавленную рубашку мне на плечо. – Надо дать ранам подышать. Иначе они могут воспалиться, а инфекция нам ни к чему.

Он положил руку мне на плечо и подтолкнул ко входу в туннель, который вел на свободу.

– Посмотри под ноги, – сказал он.

Под ногами была мерцающая россыпь каких-то мелких частиц.

– Что это? – спросил я.

– Крошки, Уилл Генри, отмечающие путь домой!

Так вот что было в пакетиках, разложенных Кернсом в каждую сумку, – порошок с фосфором, светящийся в темноте!

– Иди вдоль этого следа, – сказал Кернс, – отметки будут встречаться каждые двадцать ярдов. Не возвращайся. Если заблудишься, возвращаясь к предыдущей отметке и смотри под ноги внимательнее. Они выведут тебя к началу пути. Вот, возьми лампу.

– А вы разве не пойдете со мной?

Сердце у меня упало.

– Мне монстров ловить надо, забыл?

– Но вам же понадобится лампа.

– Не волнуйся за меня. У меня есть сигнальные шашки. Да вот, возьми, ты уронил.

Это был пистолет Доктора. Кернс твердо вложил мне его в руку.

– Не стреляй, пока не увидишь их глаза совсем близко. – От собственной шутки в его серых глазах заплясали озорные искорки. – Надо пройти примерно семьдесят шагов, Уилл.

– Шагов?

– Возможно, чуть больше – ты же пониже меня. Сначала сорок шагов – и ты сворачиваешь в главный проход. Не пропусти поворот – это очень важно! Там дорога немного идет вниз – ты не бойся, потом она снова пойдет вверх. Когда выберешься наверх, скажи констеблю, что я по нему страшно скучаю. По его носу «пуговкой». По его детской непосредственной улыбке... если мы не вернемся через два часа, пусть он и его люди спускаются вниз. За долгие годы звенья нарыли здесь столько проходов и переходов, что нам может понадобиться дополнительная помощь. Что ж, удачи тебе, начинающий монстролог! Да хранит тебя Бог!

С этими словами он развернулся на каблуках и, словно привидение, испарился. А мое отчаяние быстро уступило место радости. С лампой в руках, с легким сердцем я двинулся вперед, по следам светящегося порошка. Я уже предвкушал, как вдохну воздух свободы, уже

чувствовал его сладость. В экстазе от того, что мои молитвы были услышаны, я позабыл считать шаги, но, казалось, в этом не было необходимости – я все время видел под ногами светящуюся россыпь.

Я дошел до поворота, про который говорил Кернс, и свернул в туннель: он приведет меня в покинутую кормушку Антропофагов, а там Морган вытащит меня веревкой наверх! Тут я остановился в замешательстве. Серебристой пудрой было отмечено два пути – один вел в пересекающий проход, другой – прямо, продолжая тот путь, по которому я до этого следовал. Наверное, подумал я, он сначала свернул направо, чуть-чуть прошел, а потом вернулся, обнаружив, что дороги там нет. Он дал мне ясные инструкции: не пропустить поворот, это очень важно. Так что я свернул и стал отсчитывать шаги. Этот туннель был поуже, потолок – намного ниже. Несколько раз я вынужден был пригнуться, чтобы пройти. Путь был извилист, петляя то вправо, то влево, под ногами стало скользко, и дорога пошла вниз, как Кернс и предупреждал. Через несколько шагов позади меня послышался какой-то звук – или мне показалось? Я остановился и задержал дыхание. Ничего. Просто немного осыпается земля, не больше. Я снова двинулся вперед и возобновил счет. Еще несколько шагов. Снова этот шум. Определенно у меня за спиной. Может, туннель осыпается? Я долго прислушивался, но не услышал ничего, кроме тихого шипения лампы. На всякий случай я проверил револьвер. Мои нервы были напряжены от блуждания в темноте, и воображение рисовало бледные безголовые тени, преследующие меня. Здравый смысл все же не до конца покинул меня. Либо меня преследуют, либо нет. Если да – сражаться с моим преследователем в этом узком туннеле было бы просто глупостью, если же нет – я только зря теряю время, оттягивая момент освобождения. Вперед!

Интересно, как Кернсу удалось пробраться сквозь этот узкий туннель? Взрослый человек должен бы был здесь ползти, а если он полз – как он мог считать шаги? Да что там взрослый человек? Здесь же должны были ходить монстры; они что, ползали на животах и извивались, как змеи? Стены почти касались меня слева и справа, и сомнения, а за ними и страх снова одолели меня. Должно быть, я свернул не в том месте... но ведь путь был отмечен, он и сейчас отмечен, хотя расстояние между светящимися пятнами и увеличилось... А туннель-то все спускается, а не поднимается снова вверх, как обещал Кернс. Лампа освещала лишь влажные стены. Я был так глубоко, что сюда не добирались корни даже самых древних деревьев. И тут я почувствовал его – запах гнилых фруктов. Сначала он был почти неуловимым, но становился все отчетливее, все тошнотворнее. Этот до спазмов в животе знакомый запах – я чувствовал его на кладбище, когда погиб Эразмус Грей; он вьелся в мою одежду после сражения с юным Антропофагом. Это был нечеловеческий запах. Это был их запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.